

ВЛАДИМИР ДЕЛБА

STARDUST

Звёздная пыль
МОИХ ВОСПОМИНАНИЙ

МОСКВА
2019

УДК 82-3
ББК 84
Д 29

Делба В.

Д 29 Stardust. Звёздная пыль моих воспоминаний: – М.:
Новые Витражи, 2019. – 192 с.

ISBN 978-5-6041722-8-5

Книга издана при поддержке Министерства культуры
Российской Федерации

УДК 82-3
ББК 84

ISBN 978-5-6041722-8-5

© Делба В.М., 2019
© РОО Литературное сообщество
«Новые Витражи», 2019

Выход в свет новой книги – всегда праздник! Взяв в руки сигнальный экземпляр, пахнувший типографской краской, автор попадает обычно в водоворот восторженных, радостных эмоций, не сравнимых ни с какими другими! Забываются былые волнения, бессонные ночи, бесчисленные правки текста, поиски нужных слов и образов...

Вот и сейчас я с радостью держу в руках очередную свою книгу! И, как всегда, с теплом и благодарностью вспоминаю своих верных, умных, тонких и добрых друзей, вложивших частички своих душ в мой труд, без участия которых книги бы просто не было.

Так что, вполне естественно, что именно им я посвящаю свою книгу!

Южная, тёплая, расслабляющая ночь. Особый ритм жизни курортного города невольно располагает к неге, к сибаритству. Ночью особенно.

В отдалении от набережной, где жизнь кипит допоздна, достаточно тихо. Слышны лишь эмоциональные возгласы, доносящиеся из соседского сада, где группа пожилых мужчин в пижамных штанах и сетчатых майках, расположившись за столиком под лавровишней, азартно сражается в нарды. Стол освещён лампочкой в бумажном абажуре, подвешенном к ветке дерева. Да и ещё слабый ветер, дующий со стороны моря, приносит звуки музыки – это играет оркестр в ресторане на открытой террасе, на крыше гостиницы «Абхазия». Песня знакомая: «Чайка, черноморская ча-айка, моя мечта-а...». Вокалисты поют в два голоса, с надрывом. Она весьма популярна, эта песня, её часто заказывают в ресторанах.

С веранды родительского дома хорошо виден склон ближайшей горы – прямо от дома и начинается упорное его карабканье вверх. Склон сплошь засажен экзотическими деревьями, щедро смешивающими пряные свои ароматы с ночным воздухом. В нижней части склона, освещённой редкими фонарями, то там, то тут как будто вырастают из крон деревьев стены и крыши многочисленных домов.

Свет редких фонарей слегка подсвечивает пряничные фасады этих бывших особняков и дач, давно превращённых в коммунальное жильё и порядком обветшавших. Ночь ретуширует пейзаж и придаёт обшарпанным, старинным постройкам некую загадочность и антикварность.

Чуть правее нашей веранды в гору поднимается ярко освещённая, почти безлюдная по вечерам теннистая улица.

Когда нет ветра, листья на деревьях не шевелятся, кроны неподвижны, как будто нарисованы. Это усиливает возникающее чувство нереальности, даже сказочности происходящего вокруг. Как будто перед тобой искусно выполненные театральные декорации. И ты ощущаешь себя участником некоего увлекательного лицедейства, которое может начаться в любую минуту.

Как раз в этот момент вдруг гаснут все лампы уличного освещения. Картинка перед глазами резко меняется, будто с задника сцены с декораций исчезают фасады и крыши, не видны теперь и кроны деревьев, на которые раньше кое-где падал свет фонарей. Вместо всего этого плотная, густая темнота. Но это не плоский, тёмный картон задника, а, скорее затенённая сцена, имеющая объём, глубину, не лишённая звуков и запахов, напоминающая живую материю морской воды при ночном нырянии. И в этой объёмной, загадочной тьме кто-то будто развесил, как игрушки на новогодней ёлке, прямоугольники окон, освещённых изнутри.

Уютно светящиеся разноцветные пятна перемигиваются между собой, общаясь посредством только им одним известного тайного кода, имеющего явный

ритмический рисунок и неслышную, ощущаемую на энергетическом уровне, мелодику. Не хватает только реальных звуков, какой-нибудь подходящей музыкальной темы, которая стала бы недостающим элементом цветомузыкальной композиции.

И музыка не заставляет себя ждать...

Кто-то в одном из особняков на невидимом склоне горы, будто получив послание свыше, садится за пианино или рояль, и темнота, та самая загадочная живая темнота, наполняется звуками музыки.

Сначала аккорды звучат негромко, несмело, падая с высоты, как первые капли неожиданно начавшегося, но долгожданного дождя. Часть звуков, как и вода, растворяются в ночном душном воздухе, не достигнув иссушенных дневной жарой асфальта и листья деревьев. Но и они, не воспринимаемые пока как цельная музыкальная композиция, будят неясные чувства, заставляя замирать в ожидании какого-то космического наслаждения.

Звуки становятся громче и громче, теперь, продолжая сравнение с водой, они льются откуда-то сверху уже не каплями, а скорее бесчисленными ручейками. Ручейки соединяются между собой и скоро превращаются в поток отточенных лиричных музыкальных фраз.

Боже мой, какая знакомая, древняя и, пожалуй, бессмертная мелодия. Я её хорошо знаю. Это «Stardust» («Звёздная пыль»), написанная как музыкальная пьеса американским композитором Хоуги Кармайклом ещё в конце двадцатых. Позже кто-то сочинил слова, и она стала песней. Исполнялась обычно как медленная, сентиментальная баллада, пока не приглянулась джазовым музыкантам. Они

усложняли гармонию, вводили элементы блюза и свинга в ритмомелодический рисунок композиции. В общем, экспериментировали. Трудно назвать джазмена, не исполнявшего «Звёздную пыль».

Вот и сейчас невидимый пианист усиливал, убыстрял ритм, находясь под явным влиянием свинга. Инструмент звучал всё громче и сочнее, что, впрочем, не влияло на романтическое, сентиментальное восприятие мелодии. По сути дела, только такая мелодичная, медленная, немного загадочная музыка и могла точно соответствовать томительному, мистичному состоянию моей души. И идеально вплеталась аккордами своими в сложную музыкальную энергетику старинного дома, стоящего у подножия холма, в душную летнюю ночь, когда внезапно выключили уличное освещение. Да и вообще в энергетику маленького уютного города.

Музыка медленно, но уверенно заполняла собою всё, что было вокруг: потрескивающую от старости деревянную обшивку веранды, склон горы напротив дома, улицу, ведущую вверх, тёплый, напоённый ароматами растений воздух...

Я испытывал блаженство. Музыка входила в тело, брала в ласковый плен сознание и душу. Звёздная пыль командовала волею, уносила мысли вдаль, в прошлое, будила воспоминания...

UNA GIORNATA DI...

или

**Один, очень насыщенный день
из жизни абитуриента**

То ли занятия на подготовительных курсах Московского текстильного института, которые я посещал, в тот день отменили, то ли просто был выходной. Так или иначе, я ощущал себя совершенно свободным и просто прогуливался по улице Горького, коротая время. До встречи со школьным другом Игорем Гагуа оставался целый час.

Я шёл от Маяковки к центру по правой стороне улицы к Центральному телеграфу, где мы и договорились встретиться. Все южане, как правило, назначали randevu именно там, у К-9. (Служебный индекс заведения оказался более удобным в обиходе, нежели длинное название из двух слов), что было вполне объяснимо: ведь это – самый центр Москвы. И найти просто – спроси у любого москвича. Да и вообще, встречи именно у здания телеграфа либо внутри него давно стали традицией. И сам Центральный телеграф стал местом знаковым, культовым.

В этом смысле строгое серое здание на углу улиц Горького и Огарёва, возведённое архитектором Рербергом в конце тридцатых то ли в стиле модерн, то ли по канонам конструктивизма, стало неким подобием Вавилонской башни, ибо в любое время дня и ночи, а работал телеграф круглосуточно, можно было услышать на ступенях парадного входа и в обширном холле первого этажа языки почти всех

народов, населяющих просторы огромной общей Родины. Но так уж сложилось, что основное «население» Центрального телеграфа всё-таки составляли шумные и эмоциональные дети Кавказа.

Я шёл, не торопясь, наслаждаясь привычной сутолокой и шумом центральной улицы столицы, иногда с опаской поднимая глаза к небу.

Последние несколько дней погода была неустойчивой, небо сплошь затянуло плотными серыми облаками, и, хотя воздух был по-летнему тёплым, часто и неожиданно начинал идти дождь. Порой он лениво накрапывал, не создавая ощутимого дискомфорта, порой проливался с небес обильно, мощными тяжёлыми струями, моментально превращая одежду в промокшую насквозь, липнущую к телу аморфную массу.

Но именно сейчас, слава небесам, дождя не было.

По тротуару в обе стороны деловито и суетливо текли, изредка соприкасаясь между собой, два людских потока. «Ты течёшь, как река, странное название...» Правда, это было сказано, а вернее, спето об Арбате. Но, воспевая любимую улицу как центр мироздания, как некий мистический ареал обитания души, великий арбатский грузин, поэт и бард Булат Окуджава как бы транслировал многочисленным своим почитателям чувство восхищения городом, ставшим для него родным.

Слова и мелодии его песен звучали отовсюду – в хриплых динамиках отечественных магнитофонов из окон квартир либо перепеваемые в сотнях и тысячах вариантов то трогательно неумело, то удивительно талантливо.

Здесь же, на улице имени пролетарского писателя Максима Горького, мысли о странности её названия в голову не приходили. Ну, улица. Ну, имени Горького. И что? Привыкли давно. Но сравнение с рекой возникало само по себе, на эмоциональном уровне, как единственно верно найденный образ.

Когда-то улица называлась Тверская, и переходила она в Тверской тракт, по которому действительно можно было добраться и до Твери, и до Вышнего Волочка, а то, глядишь, до самой былой столицы, строгого и величественного Петербурга, не торопясь, тратя неделю, а то и две, меняя лошадей на почтовых станциях. Но это было когда-то. Давно.

Сейчас же на дворе стоял одна тысяча девятьсот шестьдесят третий год. Уже завершилась так называемая хрущевская «оттепель», породившая робкие надежды на хотя бы скромные изменения советской системы. Все точки над *i* были поставлены в декабре прошлого, 1962 года, на встрече Первого секретаря ЦК КПСС с деятелями искусств в Манеже, с интеллигентами, многих из которых потом назовут «шестидесятниками», с наивными романтиками, поверившими, что у постсталинского социализма в СССР может быть человеческое лицо. Иллюзии исчезли именно в этот день, когда, брызгая слюной, шумя и угрожая, громил секретарь отщепенцев и «пидорасов», старавшихся примазаться, под шумок, к великому искусству социалистического реализма. Теперь шёл демонтаж оставшихся немногих внешних признаков той самой «оттепели». Система боролась сама с собой, поддавшись соблазну закрутить гайки и в то же время пытаясь сохранить лицо перед окружающим

миром. В Москве начинался Третий Международный кинофестиваль. Именно сегодня был его первый день.

Я добрался тем временем до Пушкинской площади. Прошёл мимо столовой-молочной и аптеки, расположенных в здании напротив памятника Пушкину, пересёк бульвар и продолжил путь к К-9. Мне очень нравилось гулять по центру Москвы. Мне вообще нравилась Москва. Более того, я ловил себя на мысли, что уже влюблён в этот огромный город. Мне импонировал ритм жизни, энергетика его жителей, неужёмность, жажда познания, повсеместная тяга к прекрасному.

Я восхищался широкими зелёными проспектами и запутанными, уютными переулками центра со старинными особняками и массивными, но вписанными в разумные пропорции, бывшими «доходными» домами, великолепными музеями и театрами, попасть в которые считалось огромной удачей. Но мытарства с добыванием билетов не шли ни в какое сравнение с восхищением от спектаклей или концертов.

Мне нравились москвичи, шумные, вечно куда-то спешащие, часто с отстранённым видом. Но стоило только задать кому-нибудь любой вопрос, как тебя твёрдой рукой выуживали из людского потока, чтобы никому не мешать, и подробно, обстоятельно разъясняли то, что тебя в тот момент интересовало. Мне нравились московские девушки, доброжелательные, весёлые и красивые, умудрявшиеся прекрасно выглядеть, несмотря на тотальный дефицит одежды, обуви, парфюмерии.

Прямо от углового здания, в первом этаже которого был магазин «Армения», вдоль проезжей части, на бордюрном камне тротуара были установлены металлические рекламные щиты. На одном из них было написано по-итальянски: «Una giornata di Ivan Denisovich».

Фраза не требовала перевода. Но возникал вопрос – идёт ли речь о литературном произведении Солженицына, ставшего известным после похвалы Хрущёва, или по книге успели снять фильм? Ответа у меня не было. Я ничего не слышал о фильме.

Следующий щит был именно рекламой фильма. Поскольку это был фотомонтаж из кадров, было ясно: это «Оптимистическая трагедия», хотя название ленты было тоже почему-то на итальянском языке: «Optimista tragedia». На чёрно-белых фотографиях хорошего качества была изображена миловидная блондинка с добрыми глазами, сентиментальной родинкой на щеке, в комиссарской кожаной куртке на фоне военного корабля.

Кинематограф как вид искусства, как идеологический инструмент был, видимо, очень важен для власти в смысле сохранения того самого «лица», поэтому режиссёру Самсонову была позволена несколько вольная трактовка сюжета и образов известной театральной пьесы Всеволода Вишневского. И режиссёр попытался уйти в образе главной героини от реальных прототипов времён Гражданской войны, монстров в женском обличье – таких, как, к примеру, товарищ Землячка, давшая приказ о расстреле всех белых офицеров, сдавшихся Красной Армии в Крыму, когда Гражданская война уже закончилась победой советской власти.

Женщина-комиссар, блестяще сыгранная Маргаритой Володиной, которая и была изображена на рекламе, наделена в фильме человеческими качествами. Конечно, идёт война, комиссар должен быть жёстким, а порой жестоким. Но героине Володиной не чужды мягкость, справедливость, нежность и любовь. В фильме присутствовала даже сцена, которую можно было считать эротической, по крайней мере, для советского, идеологически выдержанного киноискусства, подвергаемого жесточайшей цензуре. И факт убийства офицеров русской царской армии, пробиравшихся домой из австрийского плена, был жестокой реальностью Гражданской войны, хоть и был списан в сценарии на анархистов.

Фильм был снят профессионально и талантливо, его смело можно было показывать на Фестивале.

Незаметно я добрался до Телеграфа. В запасе было полчаса времени, и я прошёл ещё немного вниз, к гостинице «Националь», чтобы разглядеть рекламные щиты, установленные там. У этих щитов, в отличие от других, толпились люди. Прохожие останавливались и присоединялись к толпе. Меня этот факт заинтриговал.

На больших фотопортретах были запечатлены несколько женщин. Лица их были незнакомы мне. Среди них были яркие блондинки, отличавшиеся чем-то неуловимым от светловолосых славянок или жительниц Северной Европы. Были и женщины с тёмными волосами, напоминающие по типу латинянок. Были и совсем экзотические, темнокожие девушки – то ли мулатки, то ли креолки. Все они,

и это сразу бросалось в глаза, были очень разные и удивительно красивые.

Толпа перед портретами была возбуждена. Чувство невольного восхищения смешивалось с нескрываемым любопытством.

Всегда, или почти всегда находятся люди, которые знают то, чего не знают другие. Вот и сейчас кто-то из проходящих мимо мужчин громко воскликнул: «Это израильтянки! Киноактрисы». Вот почему никто не знал этих красавиц в лицо. С государством Израиль у Советского Союза были, мягко говоря, не очень хорошие отношения. И израильских фильмов в советском прокате не было.

Немногим позднее, встретившись с Игорем, решил сделать тому сюрприз и повёл к «Националю» показывать израильских актрис. Реакция была предсказуемой. Безусловный восторг. Правда, Игорь порассуждал ещё и о качестве портретов: – о композиции, светотеневых эффектах, зернистости фотобумаги. То есть разобрал увиденное, как профессионал. Он готовился поступать во ВГИК на операторское отделение, и подобный анализ не выглядел странным. Игорь и на встречу пришёл увешанным несколькими фотоаппаратами и любительской восьмимиллиметровой кинокамерой.

Мы спустились в подземный переход и вышли из него, пройдя под Проспектом Маркса, у входа в гостиницу «Москва». Часть тротуара перед монументальными дверями была отгорожена металлическими трубчатыми секциями. В центральной части ограждения оставался узкий проход, за которым стоял молодой человек спортивной наружности в тёмном костюме, при галстуке. По периметру

ограждения толпилось несколько десятков человек, преимущественно женщин. В гостинице располагался штаб и пресс-центр кинофестиваля. Люди, толпившиеся у входа, были, скорее всего, любителями кинематографа, готовыми стоять здесь часами в надежде увидеть кого-нибудь из кинозвёзд или даже при особом везении получить автограф.

Охранник тренированным взглядом чётко распознавал людей, имеющих право прохода в гостиницу, и лишь изредка вежливо останавливал кого-то, задавал вопросы и только потом пропускал внутрь. А иногда кого-то и «заворачивал».

Идея родилась моментально.

– А пойдём-ка, Игорёк, внутрь, пообщаемся со звёздами.

– Кто же нас туда пустит? – удивился Игорь. – Ты только посмотри на гэбешника у входа.

– Чего на него смотреть, он при исполнении, а мы – ну чем не пресса? При твоей-то аппаратуре! У тебя клубные «корочки» с собой? А ТВ Сочи?

В те годы в Абхазии, в столице, на Сухумской горе, стоял маломощный телевизионный ретранслятор, принимавший сигнал лишь сочинской студии ТВ. А поскольку начальство студии было заинтересовано в оперативной информации из соседней автономной республики, в Абхазии действовали два внештатных корреспондента. Игорь был одним из них.

Служебное удостоверение было, мягко говоря, непрезентабельного вида, просто сложенный вдвое прямоугольник жёлтого картона. Но зато внутри красовалось фото Игоря с белым уголком, как было тогда принято, на который приходилась часть

солидной синей печати. Чёткий чёрный шрифт над фотографией гласил: «Государственный комитет по телевидению и радиовещанию...», ну, и так далее.

А удостоверение члена сухумского кино-фото-клуба, о котором я также спрашивал, наоборот, выглядело очень даже солидно. Зелёные «корочки», обтянутые искусственной кожей, были украшены рельефной кинокамерой золотого цвета. Не знаю, почему, но при обязательных фото и печати текст внутри был набран только на двух языках – грузинском и абхазском. То есть мысль, что это удостоверение принадлежит не профессионалу, а любителю, вряд ли пришла бы в голову дежурному на входе в гостиницу «Москва», который наверняка этих языков не знал. Она и не пришла.

Отобрав у друга часть аппаратуры и клубное удостоверение, я смело направился к гостинице, уверенно, но мягко отодвинул девушку, слегка загордившую проход. Широко улыбнулся человеку в тёмном костюме, на всякий случай громко спросил Игоря, с собой ли у него светофильтры и трансфока-тор (я знал, что так называется объектив) – мудрёные слова и по теме. В общем, всё сработало, и мы спокойно, без всяких проблем с гордо поднятыми головами проследовали мимо охранника в гостиницу.

В огромном холле первого этажа царил полумрак. В воздухе висел ровный негромкий гул десятков голосов, смешанный со стойким запахом виргинского табака. Русская речь перекрывалась фразами на английском, немецком, французском. Люди, сидевшие на небольших диванчиках, были в большинстве своём вооружены мощной фото-

и киноаппаратурой, на фоне которой камеры Игоря смотрелись игрушечными. А в непосредственной близости от широкой парадной лестницы, ведущей вверх, были установлены несколько стационарных кино- и телекамер, на громоздких штативах. На отдельных стойках тускло отсвечивали матовым металлом не включённые пока софиты.

Мы нашли два места в компании, как говорят сейчас, русскоязычных репортёров. Тема разговора была, естественно, одна – кинофестиваль и всё, что связано с этим событием. Обменивались информацией, строили предположения и планы. И хотя беседа внешне могла показаться неторопливой, чинной, напряжение, безусловно, лежало на поверхности. Нужна была отмашка, импульс, чтобы ситуация резко изменилась, повысился эмоциональный градус, включился другой ритм, да и сама суть дальнейших событий изменила своё качество, свою энергетику.

Этот момент должен был наступить. И он наступил!

По лестнице торопливо сбежал, активно жестикулируя руками, мужчина точно в таком же тёмном костюме, как и у охранника на улице.

– Идут! Идут! – восторженно и достаточно громко произнёс он. Обстановка в холле резко изменилась. Репортёры дружно поднялись с диванов и кресел и потянулись к лестнице, на ходу готовя камеры к работе. Включились софиты, осветившие лестницу ярким, желтоватым светом. От колонн и балюсид лестничных перил легли на светлый мрамор непропорционально длинные, почти чёрные тени, изменив привычное зрительное восприятие интерьера холла, его габаритов. Сделав всё вокруг нем-

ного мистическим, будто и не холл это гостиничный вовсе, а павильон киностудии. Наличие софитов и громко жужжащих кинокамер только усиливали впечатление.

– Первым спускается Тони Кертис с женой, – продолжал информировать журналистов человек в тёмном костюме.

– Тони Кертис? Может быть, граф Антонио де Куртис, великий Тото? – переспросил я, понимая, что мой вопрос просто утонет в море звуков, заполнивших холл. Но высокий блондин с кинокамерой «Арифлекс» на плече, стоявший рядом, услышал.

– Нет, нет, итальянца Тото на фестивале нет. Речь идёт об американском актёре. Да вы сами сейчас увидите, – произнёс блондин, не отрываясь от видеоискателя камеры.

Гул в толпе резко стих. Все смотрели вверх – кто восторженно, с восхищением, кто профессионально беспристрастно.

По лестнице спускался молодой элегантный чёрноволосый джентльмен небольшого роста с красным цветком в лацкане тёмно-синего пиджака. Ткань костюма переливалась в лучах софитов. Блестели под ярким светом и тщательно зачёсанные, обильно смазанные бриолином волосы актёра. Увидев журналистов, он на секунду замедлил шаг и широко улыбнулся. И на миг показалось, что свет отражается и от его безупречных, идеально белых зубов.

Лицо актёра было незнакомым. Я никогда не видел фильмов с его участием. (Забегая вперёд: мы «познакомились» несколько дней спустя, когда в кинотеатре «Россия» вне конкурса показали фильм «Some like it hot», где Тони Кертис играл в компании

великолепных Джека Леммона и Мерилин Монро. В советском прокате фильм позже шёл под названием: «В джазе только девушки»).

Вслед за Тони Кертисом шла красивая женщина в модном, облегающем великолепную фигуру платье, слегка расклешённом книзу. Темноволосая, миниатюрная, несмотря на очень высокие «шпильки». Она улыбалась, но, в отличие от Кертиса, немного неуверенно, будто смущаясь большого количества людей и беспокоящего света от софитов и фотовспышек.

– Жена, жена, – послышалось сзади.

– Нет, тут ошибка, – вновь подал голос парень с «Арифлексом». – Это актриса Сьюзен Страсберг, а жену Кертиса зовут Кристина Кауфман. Она тоже актриса, родом из Германии.

Блондин явно был, как говорится, в теме. В отличие от нас с Игорем.

В те далёкие годы мы, как и многие наши сверстники-земляки, были, безусловно, под влиянием кинематографа. На экранах города часто шли прекрасные западные фильмы. Пятидесятые и шестидесятые годы были на Западе эпохой некоего бунтарства, поиска правды, новых, справедливых путей переустройства мира. Идеи социализма также были востребованы обществом, правда, порой в различных экзотических проявлениях. Так, некоторых западных интеллектуалов то заносило в маоизм, то их кумирами становились Троцкий и даже Нестор Махно.

Но, так или иначе, многие серьёзные режиссеры снимали фильмы, которые вписывались в жёсткие

рамки советских цензурных норм. Более того, они невольно работали на пользу системы.

Фильмы были разные – британские, французские, немецкие, мексиканские, индийские. И даже такие экзотические для нас, как аргентинские или, к примеру, португальские. Шли и американские киноленты, особенно после поездки Н. Хрущёва в США.

Мы по много раз пересматривали «Рапсодию», «Римские каникулы», «Снега Килиманджаро», восхищаясь яркой, броской красотой Лиз Тейлор, обаянием и непосредственностью Одри Хепбёрн, мужественностью Грегори Пека. А «Великолепная семёрка», первый для нас современный вестерн с харизматичным Юлом Бриннером в главной роли просто стал культовым. Его смотрели бесчисленное количество раз и моментально растаскивали на цитаты. Но, увы, эта голливудская продукция попадала в советский прокат спустя годы после выхода фильмов в свет. Поэтому мы не могли, к сожалению, знать молодых, современных режиссёров и актёров нового американского кино. Таких, как Тони Кертис.

Жители Черноморского побережья входили, по большому счёту, в ареал культуры и ментальности Средиземноморья. Поэтому наибольшим успехом у нас пользовались итальянские фильмы. В них было понятно всё: жизненная философия героев, их взаимоотношения, чувства, юмор. Даже манера говорить, эмоциональная жестикация, ну и, конечно, восторженное отношение итальянцев к женщинам.

Итальянское кино нашей юности было представлено на экранах, пожалуй, наиболее полно.

А скучную дополнительную информацию, в частности о личностях актёров и режиссёров, мы умудрялись собирать по крупицам, обменивались с друзьями, и в конечном итоге знали достаточно много об итальянском кинематографе.

Зимой наш курортный город превращался в медлительную, сонную провинцию, погружённую в своеобразный анабиоз. Главным лекарством от скуки становилось именно кино. Мы с нетерпением ждали каждый новый понедельник, ибо именно по понедельникам обновлялся репертуар всех городских кинотеатров. И не было никакой трагедии в том, что многие фильмы шли снова, вторым экраном.

Итальянские фильмы с удовольствием смотрели по несколько раз. А такие как – «Утраченные грёзы», «Под небом Сицилии», «Бесхарактерный мужчина», «Ночи Кабирии», «Один гектар неба», «Рокко и его братья» – по много раз.

Комедии пользовались особым уважением. «Полицейские и воры», «Закон есть закон», к примеру. Эти фильмы просто-напросто знали наизусть. Все монологи, диалоги, текст от автора... С соответствующей интонацией, расставленными правильно и вовремя акцентами. И часто использовали в общении, находя для цитат живое, остроумное, как правило, место в любом разговоре, даже на скучные, бытовые темы.

Мальчишки старались подражать героям Пьетро Джерми, Массимо Джироти, Рафа Валлоне, Витторио Гассмана. Восхищались обаятельными Де Сика и Тото. Ну и, конечно, тайно влюблялись в экранных красавиц, коих было в итальянских фильмах огромное множество.

Лючия Бозе, Сильвана Пампанини, Джина Лоллобриджида, Росанна Подеста, Сильвана Мангано, Белинда Ли. Эти имена будоражили сознание подростков, а образы, созданные актрисами, не давали спать ночами, провоцируя на самые смелые и романтические фантазии.

К началу шестидесятых эра легендарного итальянского неореализма подошла к концу. Наступало время другого, но не менее великолепного итальянского кинематографа. И вместе с фильмами приходили новые режиссёры и актёры, новые киногерои. Федерико Феллини, Лукино Висконти, Марио Моничелли. София Лорен, Джульетта Мазина, Росанна Скьяфино, Марчелло Мastroяни, Альберто Сорди.

Теперь эти люди становились властителями наших умов.

Итак, гости кинофестиваля спускались в холл гостиницы. Под стрекот кинокамер, встречаемые фотовспышками и аплодисментами. Их было много, мужчин и женщин, хорошо одетых, довольных, с улыбками на лицах. Многие были незнакомыми нам с Игорем. Однако были и узнаваемые.

Ба, да это же сам Жан Маре, легендарный граф де Монте Кристо, Капитан, Горбун. Спортивная фигура, ровная спина, идеально сшитый по фигуре костюм. Легко спускаясь по ступеням, он о чём-то живо беседовал с девушкой, идущей рядом. Девушка привлекла моё внимание. В отличие от остальных дам, щеголявших в вечерних платьях, она напоминала человека, возвращающегося с пляжа. Светлые волосы, причёсанные на скорую руку, милое, но

простоватое лицо, без макияжа, с большим количеством веснушек. И платье какое-то легкомысленное, как летний сарафан, немного мешковатое, с соскочившей с одного плеча бретелькой. И в довершение – на ногах лёгкие светлые босоножки без каблука. В общем, не вписывалась спутница Жана Маре в общий, как сказали бы сейчас, дресс-код.

– Это Франсуаза Арнуль, восходящая звезда французского кино, – произнёс блондин с «Арифлексом», перехватив мой взгляд. (Фильм с этой актрисой я посмотрел позже, на этом же фестивале. Назывался он «Дьявол и десять заповедей». В элегантно тёмноволосой светской даме, играющей в паре с американцем Мелом Феррером, я не узнал светловолосую девушку из холла гостиницы «Москва»).

В холле вокруг знаменитостей моментально образовались стихийные группы журналистов. Кто-то молча снимал на фото и кинокамеры, другие пытались взять интервью, многие одновременно просили автографы.

– Вот и наш звёздный час, Игорь, будем потом всю жизнь хвастаться, что стояли рядом с живым Жаном Маре! Пошли брать автографы.

– Не отвлекай, я снимаю, – отмахнулся от меня мой друг.

На столиках в холле лежали пачки рекламных фестивальных буклетов. Я взял несколько и, сплюнув мысленно через левое плечо, двинулся к ближайшей группке оживлённо общавшихся людей. Через минуту на одном из моих буклетов красовались личные подписи Тони Кертиса, Сьюзен Страсберг и ещё одного дородного американца, стоящего рядом с ними, в клетчатом «мадрасском» пиджаке голубых тонов

и ярко-красном шейном платке, чью фамилию я так и не узнал.

В двух метрах от нас, у колонны беседовали через переводчика Жан Маре, Франсуаза Арнуль и Иван Переверзев. Как ни странно, в этот момент рядом не было репортёров. Я набрал в лёгкие воздух, для смелости, очевидно, и бесцеремонно вмешался в разговор звёзд, сказав, почему-то на английском «Sorry» (простите) Ивану Переверзеву – и получил ещё три автографа.

Ещё один достался мне от незнакомого элегантного мужчины средних лет, стройного, в стильном сером костюме и галстучке «Тревира» в тон костюмной ткани. Искусно уложенные густые волосы, очки в роговой оправе, изысканная, хоть и эмоциональная жестикация усиливали притягательность незнакомца. В момент, когда я молча сунул ему буклет и ручку, мужчина что-то с жаром говорил по-итальянски обступившим его журналистам. Не прерывая рассказа, он расписался на буклете и вернул его вместе с ручкой мне. Речь рассказчика не переводили, очевидно, и репортёры были итальянцами, так что я не смог спросить у них имя гостя. Тем более, что в это время один из организаторов громко произнёс:

– Уважаемые господа, пожалуйста, пройдите к автобусам, – эту фразу повторили на английском и французском.

Люди из холла гостиницы потянулись к выходу. У тротуара стояли автобусы с логотипом «Интурист» и наклейками с эмблемой кинофестиваля. Журналистов и гостей фестиваля сопровождали в разные автобусы. Мы с Игорем как представители прессы,

естественно, расположились в салоне автобуса вместе с реальными журналистами.

Автобусы, сопровождаемые машиной ГАИ, отъехали от гостиницы, развернулись на площади Дзержинского вокруг памятника, миновали Неглинку и улицу Горького и через пару минут, свернув налево за зданием Манежа, остановились у Кутафьей башни московского Кремля. Журналисты, громко и весело общаясь между собой, выходили из автобуса и направлялись к башне. Перед аркой, у подъёма на Троицкий мост стоял милицейский кордон, отсекая от входа толпу киноманов и зевак. Документов у нас никто не спрашивал. Поднявшись по мосту, мы беспрепятственно прошли сквозь второй кордон, у Троицкой башни.

– Фантастика! – решили мы с Игорем. – На входе в Кремль не спросили пропуска? – такого везения никто из нас не ожидал. Что-то слишком удачно складывалось всё сегодня!

Я посмотрел на часы. До начала церемонии открытия фестиваля оставалось тридцать пять минут. Море времени. Мы решили немного осмотреться и понаблюдать за людьми, которые сплошным потоком, нарядным и шумным, заполняли площадь перед недавно построенным Дворцом Съездов. Столько знакомых лиц, известных и знаковых личностей. Политики, журналисты, космонавты и, конечно, актёры и режиссёры.

Боже, вот идёт, улыбаясь, Лолита Торрес, живая, из плоти и крови, а почти вплотную за ней – венгерская актриса Мари Тёрёчик, очень популярная в СССР. А вот Григорий Чухрай галантно поддер-

живает за локоть Симону Синьоре, одновременно рассказывая что-то идущему рядом Иву Монтану. Клаудиа Кардинале шествует в компании двух элегантных южан, тоже, видимо, итальянцев и женщины, чьего лица нам не видно, ибо она разговаривает, отвернув голову, с одним из этих мужчин. И только мгновение спустя мы слышим, что собеседники говорят по-грузински, а в женщине узнаём тбилисскую актрису Лию Элиава.

Дух захватывает от всего, что происходит вокруг нас. Но часы тикают, и пора уже проходить внутрь белоснежного строения, сверкающего стеклом и мрамором, именуемого Кремлёвским Дворцом Съездов – строения, которое могло, конечно, производить впечатление, будь оно возведено не в Кремле, с архитектурой которого совершенно не вяжется, а где-нибудь в более подходящем месте.

Мы гордо и уверенно направляемся ко входу в здание...

Ну вот! Когда-нибудь это должно было случиться. У дверей, снаружи стоит группа крепких мужчин в таких же одинаковых тёмных костюмах, как и у людей в гостинице. Только у этих, которые здесь, на руках красные повязки с надписью «Распорядитель».

– Ваши приглашенные, пожалуйста!

В данной ситуации это означало только одно: везение наше закончилось. Часы, образно говоря, пробили полночь, и карета превратилась в обычную тыкву.

И невнятное наше бормотание, что, мол, мы на стажировке на Первом канале телевидения, что все бумаги у нашего руководителя, с которым мы раз-

минулись, ситуацию не изменило. Нас моментально отвели в сторону от входа двое «распорядителей». Проверили паспорта и строго спросили: «А как же вы вообще попали на территорию Кремля?» Рассказ о том, как это было на самом деле, про гостиницу и автобус с журналистами, вызвал, я думаю, недоверие у чекистов. А то, что это были чекисты, сомнений не было.

Один из них, отойдя в сторону, связался с кем-то по рации и, через пару минут из-за угла здания вышел и направился к нам седой человек крепкого телосложения, тоже в тёмном костюме, но без повязки. Был он, как ни странно, доброжелательно настроен, посмотрел документы, выслушал ещё раз наши объяснения и развёл руками.

– Не могу, ребята, ничем вам помочь, вход только по приглашительным. Извините, но территорию вам придётся покинуть.

И пока мы направлялись в сопровождении одного из наших новых знакомых к Троицкому мосту, судьба готовила нам очередной подарок.

Навстречу нам из-под арки Троицкой башни по опустевшей площади шла высокая стройная женщина. Немолодая уже, она привлекала взгляд удивительно красивыми чертами лица и стройной, несмотря на возраст, фигурой. Одета незнакомка была в серебристо-серое, очень элегантное вечернее платье и в серебристые же туфли на высоком каблуке. Изящная сумочка в её руках тоже отливала серебром. И ещё, что бросалось в глаза, так это в ушах массивные серьги белого золота, усыпанные бриллиантами.

Не знаю, чем мы привлекли внимание дамы и что именно «расшифровало» для неё ситуацию, но она, поравнявшись с нами, вдруг остановилась и, обращаясь к нашему сопровождающему, произнесла властным тоном:

– Их пригласительные у меня! – и уверенным жестом указала в направлении Дворца Съездов. Чекист неожиданно стушевался, с лёгким подобострастием в знак согласия склонил голову и отошёл в сторону.

Вот так, совершенно неожиданно мы, чудесным образом оказались внутри Дворца Съездов. Не веря своему счастью, в состоянии возбуждения и восторга. Уже в холле дворца наша добрая фея протянула нам пригласительные билеты, ибо на них были предоставлены места в зале.

– И, вот что ещё, мальчики, – произнесла она с улыбкой. – Мои друзья срочно улетели из Москвы, вот их абонементы на фестивальные просмотры. Здесь и конкурсные ленты, и те фильмы, что идут вне конкурса, – и протянула нам несколько тонких книжечек.

– Я сейчас отойду, – продолжила она. – Встретимся в зале.

И, помахав нам рукой по-дружески, без тени кокетства, удалилась в сторону эскалатора. Пока мы разбирались со своими эмоциями, пока узнавали, где вход в зрительный зал, а конкретно – в партер, прошло ещё какое-то время. И когда мы поднялись на эскалаторе на нужный нам уровень, оказалось, что все двери закрыты. Седая женщина в униформе, стоявшая у ближайшего входа, объяснила, что церемония открытия уже стартовала. И что она,

к сожалению, впустить нас не имеет права, ибо сейчас выступает Председатель Госкино Романов, а затем поздравлять присутствующих будет министр культуры Екатерина Фурцева.

– Не надо было опаздывать, – сочувственно покачивая головой, мягко упрекнула нас старушка. – Теперь вы попадёте в зал только во время перерыва, то есть после показа первого конкурсного фильма. Часа через два, как минимум.

Былое возбуждённое состояние сходило, постепенно на нет, уступая место усталости и чувству голода. Выяснив, что буфет работает в Банкетном зале, на самом верхнем уровне, мы поднялись туда. Но буфет ещё только готовился к приёму гостей. И вообще там, наверху, не было буфета в привычном понимании. По периметру огромного зала, почти вплотную, стояло множество столов, накрытых белыми скатертями, на которых были выложена разнообразная, красиво сервированная снедь и выставлены бутылки и графины с напитками. Но, поскольку торговля ещё не началась, нам с Игорем оставалось лишь полюбоваться издали на недоступную пока еду. И мы отправились осматривать Дворец Съездов изнутри.

А посмотреть было на что! И если идея строительства подобного суперсовременного сооружения на территории Кремля вызывала, мягко говоря, сомнения, то интерьеры здания были, на мой взгляд, тщательно продуманы и отлично решены архитектурно. Особенно поражали огромные, во всю высоту здания, застеклённые проёмы, стирающие границу между внутренним объёмом здания и всем, что его

окружало. А окружали его завораживающие, будто сошедшие с картин или цветных фотографий, знакомые виды Кремля!

Время пролетело незаметно, первый фильм закончился. Мы быстренько перекусили в буфете, который уже всю работу, и поспешили в зал.

Фильм, который нам показали, оказался отечественным, совершенно неинтересным. Его не спасла даже прекрасная игра актёра Ивана Переверзева, снявшегося в главной роли. Но до конца сеанса мы всё же досидели.

На улице нас ждал светлый и тёплый летний вечер. Тонкий слой облаков над Москвой был почти прозрачен и как будто соткан из мелких жемчужных нитей. Листва деревьев Александровского сада весело шелестела, словно радуясь погоде, провоцируя публику, покинувшую Кремль, пройти пешком, благо до гостиницы «Москва» было рукой подать.

Не торопясь, медленно текла мимо Александровского сада живая эта река. Взгляд продолжал и здесь восторженно отмечать среди идущих лица, хорошо знакомые по фильмам. Вот мы поравнялись с давшим мне автограф в холле гостиницы элегантным итальянцем в очках. Сейчас по обе стороны от него шли две женщины. Мужчина осторожно и, казалось, очень нежно поддерживал каждую за локоть. Женщины были загорелые почти до черноты, загар эффектно подчёркивали белые платья. Одна – жгучая брюнетка, вторая – русоволосая.

Троица притягивала к себе внимание, гипнотизируя и завораживая. Шоковое состояние наступило, когда, немного обогнав идущих, мы разглядели

их лица. Черноволосой оказалась кинозвезда, итальянка Антонелла Луальди, а русой – актриса Леа Массари, которую мы не так давно открыли для себя и в которую были влюблены многие мои сверстники. Я-то – точно!

Она сыграла жену героя Альберто Сорди в недавно вышедшем в советский прокат фильме «Журналист из Рима». Актриса не была красавицей, но обладала удивительным обаянием. Экранный образ оказался настолько притягательным, что какое-то время преследовал меня, лишая сна! И вот, о чудо, я вижу её наяву! И иду рядом с ней! Можно даже, теоретически конечно, протянуть руку и, прикоснувшись на долю секунды к актрисе, убедиться, что это не сон! Но, конечно, никто не собирался протягивать руку, это, скорее, фигура речи! А вот заставить себя отвести взгляд я, увы, не мог!

Так и шла, нет, вернее, плыла над асфальтом московского тротуара удивительная эта троица. Женщины загадочно улыбались, вечерний ветерок легко, изящно играл волосами итальянок, развевая подолы их ослепительно белых платьев. Сказочное какое-то, нереальное зрелище! Скорее, кадр из не виденного ранее фильма.

Честно говоря, я по-доброму позавидовал их спутнику. Как выяснилось потом, им оказался известный режиссер Нанни Лой, чей фильм «Четыре дня Неаполя» и был первым в сегодняшнем конкурсном показе, на который мы с Игорем не попали.

Груз эмоций необычного, фантастического этого дня, так сказать, *una giornata di*, мог бы, образно выражаясь, придавить к земле, но, как ни странно, усталости мы не испытывали, наоборот, хотелось

новых впечатлений, хотелось, чтобы волшебная киносказка, участниками которой мы с Игорем невольно стали, не кончалась никогда! Ну, по крайней мере, продолжалась бы ещё!

На входе в гостиницу дежурили теперь двое охранников. Тот, кто стоял у ограды ещё днём, узнал нас и дружески помахал рукой. Второй же остановил и потребовал предъявить аккредитацию. Поскольку нужных бумаг у нас не оказалось, предупредил, что завтра мы в гостиницу не попадём. Но, как ни странно, пропустил внутрь.

В холле было малоллюдно и непривычно тихо. Как выяснилось, вечером публика собиралась в ресторане этажом выше, где был организован пресс-бар.

Там действительно, как говорится, жизнь была ключом! Многие столики в огромном зале были заняты, почти не было мест и у стойки бара. Уют полумрака нарушали вспышки фотоаппаратов и софиты киношников, звучала негромкая музыка, над столами плавал неясный гул голосов и ароматный табачный дым.

– Привет! Я один за столиком и очень нуждаюсь в общении! – надо же, опять вездесущий и всезнающий блондин с «Арифлексом». Сейчас, правда, его зачехлённая камера лежала на стуле. Мы с удовольствием присоединились к журналисту. Через несколько минут мы вместе пили коньяк, непринужденно болтали, обмениваясь впечатлениями и глазами по сторонам.

Я обратил внимание на широкоплечего черно-волосого человека с крупной головой, сидевшего у барной стойки. Он, наклонив голову, беседовал

с миниатюрной блондинкой, хрупкая фигурка и цвет волос которой резко контрастировали с обликом её огромного визави, невольно привлекая взгляд. Лица её я не видел, мужчина же был мне незнаком.

На секунду блондинка повернула голову в нашу сторону, и в этот момент лицо её осветил луч софита. Мамма миа, это же Джульетта Мазина!!! Да, да, легендарная Кабирия итальянского кино, актриса, которую называют «Чаплином в юбке»!

И пока я, потрясённый, наливал коньяк мимо рюмки, к Мазине и её собеседнику подошёл невысокий щуплый человек, протянул руку сидевшему большеголовому гиганту и что-то произнёс. Сцена, следовавшая за этим, оказалась, как выяснилось потом, воистину исторической. Гигант поднялся с табурета, взял подошедшего за локти, приподнял и восторженно поцеловал!

– Камера!!! Дебил, я же зачехлил камеру! Это могли быть лучшие кадры в моей карьере! Ещё бы, подумать только: великий Феллини целует Марлена Хуциева! Выше похвалы для режиссёра быть не может! А я расслабился, придурок!

Коньяк начинал действовать. Стиралась грань между сказкой и реальностью, вавилонское разноязычье органично срасталось с музыкальными фразами, хотелось смеяться, говорить всем вокруг приятные слова, целовать руки женщинам...

И тут я снова увидел ЕЁ! Леа Массари, уже не в белом, а в зеленоватом платье, в другой компании – с двумя пожилыми, строго одетыми женщинами и юношей, также в строгом тёмном костюме, за столиком рядом с танцполом.

Оркестр играл негромкую минорную мелодию, коньяк придавал мне смелости. И я решился!

– Сорри, синьорина, мей ай инвайт ю? – путаясь, с трудом вытягивая из памяти английские слова, бормотал я, стоя перед актрисой. Помню, как пытался жестами подкрепить приглашение на танец, и как округлились от удивления глаза дам, сопровождавших её. Время для меня будто остановилось, я был готов провалиться сквозь землю, кляня себя за безумную свою идею.

Но, о чудо, загорелая русоволосая женщина-мечта, в блестящем, зелёном, как чешуя русалочьего хвоста, платье улыбнулась, поднялась со стула и, протянув мне руку, что-то произнесла. Я не расслышал – что, и, поскольку это читалось на моём лице, она повторила:

– Non sono signorina, io sono la signora, – я догадался и кивнул. Если не синьорина, а синьора – значит, замужем.

На ватных ногах, слегка придерживая женщину за локоть, я вывел её на танцпол.

– Mi chiamo Lea, – сказала актриса и положила руку мне на плечо. Я снова понял. – Я знаю, как Вас зовут. Вы Леа Массари, но для меня вы Елена из фильма «Журналист из Рима»! – сказал я на своём ломаном английском. Увидев вопрос в глазах, пояснил, что это фильм, в котором она играла с Альберто Сорди.

– Sì, sì, Alberto Sordi! (Теперь я понимаю, почему меня не поняли сразу. В оригинале фильм назывался «Трудная жизнь», не так, как в советском прокате, но это я узнал много лет спустя).

Музыка обволакивала меня, зал ресторана тонул в полумраке, редкие танцующие пары угадывались по нечётким силуэтам, и казалось, что не существует ничего и никого вокруг. Только музыка, я и женщина в зелёном платье, с непослушными русыми волосами. Удивительная женщина, загадочная, влекущая. Инопланетянка по сути! Женщина, чья рука лежала сейчас на моём плече.

Волосы итальянки струились по моему лицу, незнакомый пряный запах духов сводил с ума. Кружилась голова, я будто потерялся во времени и пространстве, испытывая одновременно лёгкий страх и восторг, какого не знал раньше. Не в силах совладать с охватившим меня чувством, я медленно, осторожно прижал актрису к себе. Она не сопротивлялась. Мы касались друг друга щеками, шуршала ткань платья, я ощущал тепло её тела.

Я потерял голову! Страх куда-то испарился! Я целовал шею Леи, мочку её горячего уха, она страстно сжимала моё плечо. Зал ресторана давно куда-то исчез, мы оторвались от паркета танцпола, поднимаясь чудесным образом всё выше и выше. Вот и здание гостиницы «Москва» стало маленьким и почти невидимым, да и вся вечерняя столица превратилась в детский макет, с огромным количеством игрушечных домиков, деревьев, машин. Вокруг лишь немыслимое круженье звёзд, мы с закрытыми глазами и музыка, льющаяся отовсюду, звучащая громко и торжественно...

В себя я пришёл, когда неожиданно стало тихо. Какое-то время, недолго очевидно, тишина было полной, потом стали возвращаться привычные

звуки, пространство вокруг вновь наполнилось приглушённым гулом голосов.

Я открыл глаза. Танец закончился. Мы стояли одни в центре танцпола. Актриса вежливо улыбалась, вопросительно глядя на меня. Её рука всё ещё лежала на моём плече, но расстояние между нами было ровно таким же, как и в начале танца, и соответствовало всем рамкам приличия, соблюдаемым обычно незнакомыми людьми.

О, Боже!!! Что это я себе понапридумывал?! Как же буйно разыгралась моя мальчишеская фантазия, подогретая то ли коньяком, то ли эмоциями удивительного этого дня! А может, тем и другим одновременно? Но и тогда, и сейчас, спустя десятилетия, меня поражает почти стопроцентная правдивость восприятия мною того, что якобы произошло во время танца! Танца провинциального юноши, абитуриента, романтика, влюблённого в итальянское кино, с реальной звездой этого самого итальянского кино, блистательной актрисой Леей Массари!

Но приз мне всё-таки достался! Небольшой, но, я уверен, бесценный. Проводив актрису к столику и поблагодарив, я умудрился на секунду задержать протянутую мне руку, поднести её к губам и поцеловать!

С Игорем мы расстались, выйдя из гостиницы. Ему нужно было в метро, я же побрёл на негнущихся ногах к Лубянке. Дождался зелёного света светофора, перешёл площадь рядом с памятником Дзержинскому, прошёл немного по улице Кирова и свернул налево, на улицу Мархлевского, где я тогда жил у знакомой моих родителей, Капитолины Леонардовны Дмитрук, в так называемом «генеральском» доме.

Небольшая улица, малолюдная даже в дневное время, вечером была совершенно пуста. И если совсем рядом, на улице Кирова кипела жизнь, то здесь, в нескольких десятках метрах, царила почти полная тишина.

Когда я уже входил в подъезд дома, из открытого окна второго этажа вдруг полилась негромкая музыка. Я остановился. Какой-то большой оркестр, биг-бенд, бодренько и слаженно играл композицию в стиле регтайм, модном в двадцатые-тридцатые годы. Мелодию было трудно угадать, но что-то неясное и волнующее заставило меня задержаться у двери. Пока я безуспешно напрягал слух, оркестр отыграл свою часть и вступил вокалист.

Ба, да это же Луис Армстронг, джазовый трубач и певец, великий «Сачмо», как его называют во всём мире! И мелодия сразу же перестала быть загадкой. Знакомый хриплый голос с чувством исполнял известную песню «Stardust».

И плыли над сонной улицей Мархлевского, над вечерней Москвой, над планетой Земля немного грустные прекрасные слова.

Заканчивался ещё один день моей юности.

**ДЕВЯТОЕ МАЯ
ГЕНЕРАЛА ВАСИЛЕНКО**

И снова уносит в прошлое звёздный вихрь воспоминаний, связанных с тем же «генеральским» домом на улице Мархлевского, со странной, сложной историей, в которой причудливым, мистическим образом смешались судьбы людей, реальные события и удивительные, пророческие сновидения. И она началась в том же знаковом для меня, 1963-м году, в Москве. А может, не в Москве, и гораздо раньше? Кто знает...

* * *

Поскольку отец Горика официально, под свою ответственность отпросил нас у директора пионерлагеря, ночевали мы у него в доме.

Встали до рассвета и стали собираться. Горик уступил мне свои «горнолазные», как он их любовно называл, ботинки.

Ничего подобного я раньше не видел. Высокие, на шнуровке, были изготовлены они из двух сортов кожи. Нижняя часть из толстой, но мягкой, верхняя – из совсем мягкой, напоминающей шелковистую на ощупь замшу. Подошва была ребристой, как протектор автомобильной шины, с мелкими металлическими шипами. Внутри лежали стельки, упругие, будто с воздушной прослойкой.

В общем, не ботинки, а мечта. Отец Гора Александр Грантович выменял их ещё в 1945 году в Германии у американского солдата.

Ночами в горах холодно, даже летом. Поэтому мы облачились, кто в джемпер, кто в куртку. Сухой паёк Горик разместил в рюкзаке, а мощный электрический фонарь в удобном футляре, тоже из военных запасов отца, закрепил на поясе.

Настоящий мужчина должен быть вооружён. Я себя представлял, конечно, с ружьём за плечом и огромным острым охотничьим тесаком в ножнах из оленьего меха. Я где-то видел такой нож. Сейчас он был бы очень кстати. Для антуража, конечно, как и ружьё.

Однако Александр Грантович не дал ружья даже Горикю. Мы ведь шли не на охоту, а просто в поход.

И всё-таки оружие при мне было. Никто его не видел, ибо оно было тщательно упрятано за поясом, под курткой, между брюками из толстой ткани и телом.

Оружием этим была рогатка. Конечно, словосочетание «оружие – рогатка» может вызвать улыбку, но надо сказать, что я преуспел и в мастерстве изготовления сего, казалось бы, примитивного метательного приспособления и к тому же прекрасно им владел.

Ручку – рогатину или рогачок, как её называют, я вырезал из тщательно подобранной ветки самшита, древесина которого славится своей прочностью. Она была умеренно шершавой, ибо я идеально ошкурил её наждачной бумагой средней фракции. Покрытый матовым, нескользким лаком рогачок

прекрасно сидел в сжатой ладони руки. Для тети-вы был использован упругий жгут так называемой «авиационной резины», намертво закреплённой к рукояти латунными скобами. Седлом для снаряда служил кусочек мягкой, но прочной свиной кожи. И, наконец, сами снаряды. Для них прекрасно подходили круглые камешки соответственного размера. Коих при мне имелся некоторый запас.

Учитывая, что на расстоянии примерно двадцати метров, я без проблем попадал из рогатки в пустую бутылку, которая при этом со звоном разлеталась на мелкие осколки, нужно было бы ещё подумать, прежде чем отнестись к рогатке как к детской забаве.

Фонарь в пути нам не понадобился.

Во-первых, Горик прекрасно знал горы, окружавшие ложбину, где находилось село. Он, по сути, сам был плотью от плоти величественного этого края, органичной частью его природы

Он родился и вырос здесь, изучил буквально каждый квадратный сантиметр огромной территории, знал каждый перевал, каждую тропинку, каждый родник. Будучи следопытом от природы, он впитал все знания и весь опыт, накопленный местными жителями на протяжении веков.

Такой проводник, как Горик, мог бы и с завязанными глазами вести нас в горы.

К тому же луна, подвешенная, как огромный зеленовато-жёлтый светильник в безоблачном, чистом небе, прекрасно освещала округу.

Было что-то завораживающее в этом, нетипичном для ночи, непривычно ярком свечении, будто

струившемуся сверху на землю ровным бесшумным потоком, делающим все предметы вокруг, и крупные, и мелкие, даже камешки на тропе, объёмными, чёткими, почти стереоскопическими по ощущению, прорисовывая их очертания резкими и глубокими чёрными тенями.

Ночной воздух был кристально чистым и холодным, как вода из горных родников. Дышалось легко, несмотря на активный темп подъёма по горной тропе вверх, заданный нам Гориком.

И на душе было легко, празднично даже, и волнительно от сознания полной свободы от не очень, правда, жёстких, но порой нудных обязательных правил поведения, принятых в пионерлагере.

А также от предвкушения ожидающих нас фантастически интересных приключений и эмоций. Видимо, Горик составил для себя некий список того необычного и удивительного, что предстояло познать городским жителям юного возраста, то есть нам.

Сути своих задумок он не раскрывал. Пока. Теоретически целью похода было восхождение на ближайшую гору, где только из определённой точки, в момент рассвета открывался, по мнению всех местных жителей, ни с чем не сравнимый вид. Уникальность ощущений подтверждали редкие туристы-гости, кому посчастливилось оказаться в «нужном месте, в нужный час», а именно, на рассвете и именно на этой горе.

И сейчас наш маленький караван упорно продвигался вверх, поднимаясь всё выше и выше, оставляя далеко внизу спящее, невидимое отсюда село, дом Горика, пионерлагерь.

И как потом оказалось, этот путь наверх вёл к некоему водоразделу, событию, сыгравшему годы спустя мистическую роль в моей жизни.

Мы добрались до нужного места, когда небо на востоке стало светлеть, очерчивая лёгким зеленоватым контуром величественный абрис дальних гор.

Поляна, на которую мы вышли, оказалась небольшой ровной площадкой, уютно расположенной среди огромных сосен. По поляне, казалось, искусственно были разложены ландшафтным архитектором, в декоративной композиции, огромные замшелые валуны.

– Пришли! – громогласно объявил Горик. – Отдыхаем и ждём. Камни сырые, учтите, и берегитесь змей, будьте внимательны.

Мох на валунах действительно оказался мокрым и скользким. Предусмотрительный наш проводник выдал каждому по куску клеёнки. Исследовав территорию при свете своего фонаря, который светил, как прожектор, и убедившись, что ползучих гадов поблизости нет, Горик разрешил нам сесть на камни.

Не знаю, что именно необычного и уникального нам предстояло ещё увидеть, но картина, открывшаяся нам, уже захватывала фантастической своей красотой.

Сама поляна, на которой расположился наш маленький отряд, казалась сказочной капсулой, наполненной серебристо-зеленоватым светом, свежим холодным, пьянящим воздухом, совершенно не похожим на привычный воздух города, и заброшенной сюда, в окрестности Цебельды из других миров.

Живописные валуны, освещённые необычным этим светом, отбрасывали чёрные глубокие тени, вызывая невольное сравнение с лунным пейзажем.

С трёх сторон поляну окружали молчаливо уходившие ввысь гигантские сосны. Тёмная плотная стена вековых деревьев могла вызвать чувство тревоги или даже страха, но и здесь безвестный галактический художник мастерски прошёлся по картине, прорисовывая лунным светом, как кистью, очертания крон, часть ветвей, тактично касаясь местами стволов деревьев. ...И хоть воздух сейчас был неподвижен, возникало полное ощущение, что деревья дышат, живут тайной своей жизнью, общаются между собой лёгким шелестом крон, почти незаметным, загадочным и трепетным касанием ветвей.

Сквозь идеально прозрачные стены капсулы была хорошо видна и тропа, по которой мы добрались сюда. Отсюда, сверху, казалась она светящимся потоком, ручьём, вольготно стекающим вниз и резко исчезающим в темноте ложбины. Видимо, усыпана она была сплошь мелкими кусочками гранитной породы, и лунный свет активно отражался от многочисленных частичек слюды, вкраплённых в камни.

Порой казалось, что искорки света поднимаются вверх и парят над тропой. Прекрасно различимые на тёмном фоне склона горы, напоминали они рой светлячков.

Правда, пора светляков в Абхазии приходится на начало лета, а сейчас стоял конец июля. Но какое это могло иметь значение?

А пока каждый из нас с восторгом впитывал мощные потоки необычных новых эмоций, полоска нарождающегося рассвета над горной грядой становилась всё шире и светлее, меняя зеленоватый оттенок на розовый. Лунный диск бледнел, звёзды теряли свою яркость.

Через некоторое время звёзды исчезли совсем, а от луны на светящем небе остался лишь тонкий, едва видимый контур.

Пейзаж вокруг нас менялся буквально с каждой минутой. Неимоверная скорость визуальных изменений напоминала киноэффекты, когда снятое за день статичной камерой на экране прокручивается за несколько минут.

Солнце ещё не взошло, горы бережно прятали его до поры до времени, но оно уже уверенно диктовало свою волю природе.

Исчезли, будто растворились в теплющем воздухе, ночные тени.

Возвращались из темноты привычные цвета ландшафта. Правда, пока они были робкими, не смелыми, написанными как будто лёгкими прозрачными акварельными красками. Однако прямо на глазах цвета становились всё более яркими и насыщенными.

Трава на поляне оказалась нежно-зелёной, валуны серого камня, на которых мы сидели, были покрыты тёмно-коричневым, местами фиолетовым бархатистым мхом.

Сосны, окружавшие нас, уже не выглядели однородной тёмной массой. Оказалось, что у них разные, тёмно-красные или рыжие стволы и тёмно-зелёная крона.

Прибывающий свет гнал тени дальше, упорно спускаясь в ложбины и ущелья, ниже и ниже, выявляя, прорисовывая, как на фотобумаге, лежащей в проявителе, сложный, мудрёный горный рельеф.

Тропинка, переставшая быть искрящимся потоком, уютно сбегала с поляны серой змейкой, теряясь уже не во тьме, а в хорошо видимом густом кустарнике, оттенявшем светлой зеленью деревья, теснившие его с двух сторон.

Тем временем из-за гор величественно, не торопясь, как и положено властелину галактики, выплывало светило. Небо сразу же изменило цвет, став густо-голубым и высоким-высоким, почти бездонным.

И началось что-то невообразимое!

Природа Абхазии вообще уникальна, разнообразна и удивительно красива. Казалось бы, нас, родившихся и выросших здесь, среди этих красот, трудно было чем-либо удивить. Но такого поразительного зрелища, происходившего на наших глазах, думаю, не приходилось ранее видеть никому из нас. Ни в реальности, ни в кино, ни во снах.

Как будто какой-то неведомый волшебник-художник, используя сложную, неизвестную нам, землянам, космическую технику живописи, пытался полностью ошеломить нас, покорить наше сознание, демонстрируя фантастическую, завораживающую своей красотой эту самую технику.

Казалось, сверху струятся мощные пучки света. У самой поверхности земли пучки эти рассыпались на множество ярких оранжевых лучей. Тонкие, светящиеся, пульсирующие, как живые, лучи эти

с завидной скоростью и усердием начинали скользить по горным вершинам, по кронам деревьев, по листьям кустарников, элегантно и эффектно выявляя и подчёркивая их очертания, будто делаясь с окружающим миром светом и живительной энергией своей, превращая даже камни в трепетную живую материю.

Освещённые солнцем склоны гор приобретали, не меняя привычного цвета, тепловатый оттенок, тени же, коих множество создавалось рельефом, утопали в ярко-синем и холодном, как на картинах импрессионистов.

И всё это тепло-холодное, радужное, оттенённое золотым контуром великолепие уходило дальше и дальше, по нисходящей. Гора за горой, холм за холмом ущелья, расщелины, глубокие ложбины каскадами сбегали вниз, купаясь в доминирующем сине-голубом светящем вдали свечении, чтобы окончательно раствориться в фиолетовой дымке горизонта.

Самым же поразительным было то, что фиолетовая полоска не завершала потрясающий по силе воздействия пейзаж. За ней раскинулось во всём величии море.

Конечно, это было иллюзией, созданной неведомым живописцем. Отсюда, с высоты нашей поляны, из окрестностей Цебельды, море было невозможно увидеть даже в мощный бинокль.

Я же готов под присягой подтвердить, что видел море! Именно видел, а не просто чувствовал, зная точно, что оно есть там, за невидимой линией горизонта.

Местами гладь его была бирюзовой, а местами синей, цвета тёмного ультрамарина. Порой воспринималась оно серебристым шёлком или слепящим глаза расплавленным золотом. А ещё ворчливым живым существом, раздражённо перекатывающим бесчисленные высокие чёрные волны, увенчанные белыми бурунами остро пахнувшей йодом пены.

И совсем не удивительно для волшебного приключения, что все, не сговариваясь, восхищённо воскликнули:

– Ребята, отсюда же видно море!

Всё хорошее и интересное когда-нибудь заканчивается. Вот и закончилось фантастическое шоу, ради которого явно стоило недоспать и пару часов карабкаться ночью в горы.

Ландшафт вокруг вернулся в привычное состояние, продолжая быть, как всегда, очень красивым, но немного обыденным.

Волшебник, видимо, ушёл отдыхать, унося с собой кисти и краски, чтобы спокойно готовиться к новому дню.

Мы потихоньку приходили в себя, полностью обессиленные, будто таскали всю ночь камни для строительства, к примеру, крепости в горах. Не в состоянии даже обмениваться впечатлениями.

Горик доставал из рюкзака пакеты с сухим пайком, когда в лесу, совсем недалеко прозвучал сдвоенный выстрел. Кто-то стрелял из охотничьего ружья дулетом, сразу из двух стволов. И не успело стихнуть заматавшееся между деревьями громкое эхо, взорвавшее тишину уютной поляны, как вслед

звуку выстрела из леса донёлся леденящий кровь рёв невидимого нам, но, судя по звуку, крупного животного. Рёв этот, а вернее, вой, звучал трагически, ибо явно был наполнен болью и страданием. Через несколько мгновений вой прекратился.

Мы застыли от неожиданности и страха, только Горик, вскочив на ноги, выкрикнул:

– Медведица!!! (Именно так: медведица, а не медведь).

Страх он, наверняка, не испытывал, на лице его читалось недоумение, озабоченность и сострадание.

– Кто мог стрелять в медведицу?! Охота здесь вообще запрещена! Тем более, что наши медведи не уходят в зимнюю спячку, как северные, зимой и весной у них часто появляется потомство! Значит сейчас при ней могут быть детёныши! Ни один местный житель не решился бы на такое варварство!

И пока Горик пытался разобраться в ситуации, среди деревьев и кустарников послушался шум. Кто-то прорывался сквозь заросли. Через несколько секунд на край полянки выкатились два больших мохнатых рыжих шара.

– Медвежата!!! – с тревогой и болью в голосе произнёс наш проводник. – Я же говорил!

Уверен, никто из нас, городских мальчишек, никогда в жизни не видел так близко живых медведей, вне цирка или клетки зоопарка.

Мы, затаив дыхание от неожиданности и широко раскрыв глаза, смотрели в упор на двух слегка повизгивающих, довольно крупных детёнышей. То же самое делали, я думаю, и они, разглядывая нас. Поэтому появление на поляне нового действующего лица было замечено не сразу.

Невысокий коренастый мужчина, в брезентовой куртке с поднятым капюшоном, с ружьём в руках неожиданно возник в поле зрения. На нас, мальчишек, он как бы не обращал внимания, глядя в сторону животных.

Пройдя ещё несколько метров, человек, или кто там ещё мог скрываться под капюшоном, вскинул ружье, целясь в медвежат.

Потом я неоднократно возвращался мысленно в этот день, препарируя его, раскладывая на мелкие детали и нюансы, хронометрируя ситуацию посекундно.

Сегодня я обладаю знаниями, которые тогда показались бы просто фантастическими, и воспринимаю многое, в том числе произошедшее тогда на горной поляне, через призму этих самых знаний, прожитых лет и жизненного опыта.

Но тогда я, мягкий, хорошо воспитанный медлительный подросток, сам удивился своей реакции и отваге.

Увидев ствол ружья, направленный на малышей, я, схватив увесистый булыжник, рванулся в сторону незнакомца, громко крича срывающимся голосом непривычные для себя фразы. Что-то типа: «Урод, подонок, ты что творишь, мать твою. Зашибу на хрен, тварь!»

От неожиданности охотник опустил ствол ружья и повернулся в мою сторону. Медведи, видимо, придя в себя и сообразив, что от людей ничего хорошего ждать не приходится, ринулись, смешно подпрыгивая, к лесу и исчезли среди деревьев.

Держа ружье в правой руке, левой мужчина медленно откинул капюшон куртки. И я отчётливо увидел его лицо.

Смуглая кожа, кажущаяся совсем тёмной из-за седых волос на голове, постоянно моргающие глаза с чёрными, пустыми зрачками и перекошенный рот с застывшей, вызывающей ужас, гримасой, напоминающей кривую улыбку.

Покачнулась подо мною поляна, кто-то выключил, как электричество, солнечный свет, оставив в полной темноте только луч фонаря, направленного в лицо мужчины с ружьём.

Я ощущал какие-то странные процессы внутри себя, внутри тела и сознания своего. Казалось, что когда-то я уже проходил через подобное состояние. Привычные представления о времени и расстоянии уже потеряли смысл. И хотя я физически не сдвинулся ни на метр, казалось, что лицо мужчины приблизилось ко мне вплотную, и я смотрел на него, как говорится, в упор.

Дело в том, что лицо человека, стоящего напротив, было хорошо знакомо мне. Не просто знакомо, а знакомо досконально. Я знал каждую его морщинку, каждый волос на его голове. Я мог описать его в любой момент, с закрытыми глазами, в мельчайших деталях.

Я никогда не встречал этого человека в реальной жизни. Я даже не знал – кто он, и до сегодняшнего дня не знал, существует ли он на самом деле. Вот только с пугающей настойчивостью охотник этот регулярно приходил ко мне во сне.

Меня приводили в ужас мёртвые, холодные его глаза, глаза садиста и убийцы, я испытывал панический страх перед кривой улыбкой незнакомца и просыпался всегда в холодном поту и слезах.

(Теперь-то я могу предположить, что моё знакомство с этим человеком произошло не во сне, а в другом измерении, в иной реальности).

Так или иначе, я узнал его, и он понял это!

Он понял и, медленно поднимая ружье, направил его на меня.

Палец охотника лежал на спусковом крючке, зверская улыбка на его лице выражала, видимо, торжество. Я же испытывал болезненное чувство обиды, ибо ружья у меня не было, а камень в моей руке был сейчас бесполезен. Так что очки за победу в нашем турнире судьи вынуждены будут засчитать моему противнику.

Мышцы мои машинально напряглись. И что-то неожиданно кольнуло в бок. Да это же рогатка, сообразил я.

Мой визави плавно потянул крючок спуска, слышался отчётливый металлический щелчок, но выстрела не последовало. Удивлённый стрелок нажал на спуск вторично, но курок и второго ствола только лишь щёлкнул.

Видимо, выстрелив в медведицу из обоих стволов, убийца ринулся за детёнышами, забыв в угаре перезарядить оружие.

Проблемы в ситуации мой противник не увидел. И что мальчишка мог бы поделаться, видимо, с усмешкой думал он. Метнуть в меня камень? Смешно даже.

Уверенный в том, что всё подконтрольно только ему, и именно он главенствует сейчас на горной поляне, убийца театрально медленно, не глядя на жертву, перезаряжал ружье.

И это было фатальной ошибкой! А именно – что меня не было видно несколько секунд. Ибо, когда он, наконец, взвёл оба курка и поднял глаза, Фортуна, в покровительстве которой он был, очевидно, уверен, если и наблюдалась вблизи, то, увы, не рядом с ним.

Камень, былой несостоявшийся мой защитник, сиротливо лежал на траве, рядом с чудесными американскими «горнолазами» на моих ногах.

Руки же мои крепко сжимали маленькое металлическое чудо, созданное мною, – друга, напомнившего о себе в самый нужный момент.

Нет, неправильно, не сжимали. Рогатка была частью моей плоти, естественным продолжением моих конечностей, оружием, призванным остановить убудка и поставить жирную точку в утомительной истории кошмарных блужданий в бесчисленных лабиринтах снов.

Всё возвращалось на круги своя!

Охотник перестал моргать и, как воробышек, находящийся под гипнотическим влиянием удава, смотрел только в одну точку, на мою правую руку, на седло рогатки, где притаилась маленькая, круглая его смерть.

И будто завибрировали в воздухе связавшие нас биотоки, выстраивая между нами непривычный энергетический мост. Снова я приблизился к его лицу, увидел страх, гнездившийся в пустых его глазах, ощутил мерзкий запах гнили, источаемый

перекосившимся ртом, «ароматы» пота и мочи, исходившие от его одежды.

Поднять ружье он и не пытался, хотя продолжал держать его в руках. Да вряд ли бы и смог!

Я всё ещё крепко сжимал седло с зарядом, воочию представляя, как в замедленной киносъёмке, вырвавшийся на свободу маленький камешек, наблюдая, как понесётся он, вращаясь, в нужном направлении, руша все законы оптики, зрительно увеличиваясь в размере, превращаясь в мощный гранитный шар, от которого нет спасения.

Как разрывается тёмная кожа лица, покрывается трещинами и лопается лобная кость, как взрывается зеленоватый, вонючий мозг и со звоном, как пустая пивная бутылка, разлетается голова уroda.

Наверное, я впервые ощутил удовлетворение от происходящего со мной. Не именно сегодня, а от происходящего вообще! И на душе стало удивительно спокойно!

Пора! Я собрал мышцы и сознание в один мощный комок энергии, задержал дыхание, ещё раз, как точный прибор, отметил расстояние до лба зверя в человечесем обличье и...

* * *

Звонок в дверь, разбудивший меня, был прерывистым и настойчивым. Кого это могло принести ранним утром девятого мая, в Праздничный выходной день? Непонятно. Но не успел я толком подумать об этом, как кто-то, невидимый мне, отчаянно заколотил рукой в дверь снаружи.

Капитолина Леонардовна, моя квартирная хозяйка, отсутствовала, ибо имела обыкновение посещать утренние службы в костёле. Католичка по крещению, ходила она в Храм Святого Людовика, благо находился он совсем рядом, на Малой Лубянке. Муж, известный в прошлом военачальник, идейный марксист, давно ушёл в мир иной, а возможного общественного порицания вдова совершенно не боялась.

Кое-как натянув спортивные штаны, шлёпая босыми ногами по натёртым до блеска дубовым пластинам старинного паркета, понёсся я к входной двери по тёмным коридорам огромной генеральской квартиры.

Нужно было ещё найти ключи. Стук же в дверь и звонки не прекращались ни на секунду.

Не успел я отпереть замок, как массивная дверь распахнулась от сильного толчка, и в прихожую буквально влетел, оттолкнув меня в сторону, незнакомый пожилой мужчина. Не обращая на меня внимания, захлопнул дверь изнутри и дважды провернул ключ в скважине.

Наступила пауза. Я нащупал выключатель, и прихожую залила ярким светом висевшая под потолком внушительных размеров старинная люстра. Теперь я мог более внимательно рассмотреть нежданного гостя.

В прихожей, прислонившись спиной к входной двери, стоял, тяжело дыша, седой, чисто выбритый, явно пенсионного возраста человек. Среднего роста, подтянутый, полноватый, но не грузный, в парадном

генеральском мундире. В левой части мундира, чуть выше нескольких рядов различных орденов, сверкала золотом Звезда Героя. Кстати, наград хватало и в правой части мундира. Я сознательно повторял беззвучно слово – мундир, а не фразу – генеральская форма, ибо ниже мундира на госте... не было ничего! Если не считать длинных, до колен, так называемых семейных трусов и клетчатых разношенных тапок.

– А здесь их нет? – глядя с подозрением мне прямо в глаза, хрипло произнёс мужчина. И, не дожидаясь ответа, спросил: – Вы уверены? А кухню и ванную комнату проверяли? Они могли просочиться в квартиру и притаиться в укромном месте, поджидая меня. А вы сами, кстати, кто? Я вас раньше не видел. – В его голубых глазах читался страх, а кисть правой руки непроизвольно собралась в кулак.

Ответить я не успел. В замочной скважине слышалось какое-то шуршание. Кто-то пытался отпереть входную дверь снаружи. Но она была заперта изнутри, из замочной скважины торчал ключ. Через несколько мгновений в дверь позвонили.

Мужчина в мундире вздрогнул, почему-то предупредительно поднял руку, очевидно, призывая присутствующих, то есть меня, к полной тишине. Прильнув к дверной панели, осторожно спросил:

– Кто там? – Через секунду снаружи отозвался немного удивлённый голос хозяйки квартиры: – Простите, сударь, но было бы логичней, если в сложившейся ситуации этот вопрос задала я!

– Капитолина Леонардовна! – с облегчением, радостно выдохнул незнакомец. Но в следующий же миг, обернувшись ко мне, подозрительно произнёс:

– Вы уверены, что это действительно она? А может, её голос имитируют, или она находится под давлением?

Идея с имитацией не нашла у меня поддержки, и я крайне эмоционально замотал головой, выказывая тем самым уверенность в подлинности пожилой дамы и, соответственно, её голоса.

Впустив хозяйку квартиры внутрь и быстро затворив дверь, мужчина подозрительно оглядел Капитолину Леонардовну, заглянув почему-то в её авоську.

– Вы точно одна? За вами никто не увязался? – Странные для моих ушей вопросы сыпались один за другим.

Правда, я надеялся, что приход моей хозяйки внесёт хоть какую-нибудь ясность в почти детективную историю, сюжет которой явно развивался в стенах квартиры, где снимал комнату провинциал-абитуриент, то есть я.

Так и получилось. Новый персонаж, хозяйка, введённый режиссёром в непонятный мне, но уже начинавший интриговать сюжет, повёл себя совершенно спокойно. Что меня, честно говоря, немного удивило.

– Виктор Данилыч, любезный! И что же стряслось на этот раз? – широко улыбаясь, участливо и уважительно поинтересовалась хозяйка квартиры. – Кто нарушил ваш покой в столь чудесный праздничный день?

Ответной улыбки не последовало. Мужчина в неполной генеральской форме, с тревогой в лице

делал руками непонятные мне знаки, указывая глазами в сторону кухни. Странно, но Капитолину Леонардовну эти телодвижения совершенно не смутили.

– Конечно, – уверенно произнесла она. – Что-то, а кухню необходимо обязательно подвергнуть проверке. Прошу следовать за мной, господа офицеры. Ведь я – полковая разведка, не так ли?

Через несколько секунд из кухни послышалось озорное:

– Вводите в бой основные силы! На вверенной мне территории ни вражеских частей, ни мин – нет!

Настороженно озираясь, наш гость, в конце концов, немного успокоился, сел на предложенный хозяйкой табурет и, пока она заваривала чай, начал торопливо, порой сбивчиво говорить.

– Так вот! Праздник сегодня, как известно, великий праздник! Вы же знаете, уважаемая Капитолина Леонардовна, мы, ветераны всегда собираемся и торжественно отмечаем День Победы. И супруг ваш незабвенный, светлой памяти, Илья Саввич, генерал Дмитрук, обязательно принимал участие в торжествах.

Встал я, значит, как обычно, спозаранку, принял душ, побрился и стал надевать форму. Вы помните, именно вы любезно отутюжили её три недели назад. И всё это время она висела в шкафу.

Облачился, значит, я в мундир, вдруг слышу, звонят в дверь. До сих пор непонятно мне, по какой причине бдительность я потерял? Так или иначе, поспешил дверь отпереть, позабыв, что в исподнем нахожусь, прощения прошу, в нижней части фигуры своей. Решил, видимо, что из наших кто-то пришёл.

Отпираю, значит, дверь... а там эти толпятся!!! И много их, гадов, не меньше взвода. Злые, глаза горят, рожки острые. Ножками шерстяными сушат, копытами от нетерпения по мраморным плитам бьют... Как ринулись скопом внутрь квартиры, проволокли меня до кухни и давай хвостами хлестать. То по лицу, то по рукам, то по ногам моим. Ну всё, думаю, эсэсовцы, форму изорвут, синяков понаставят, как потом на встречу с друзьями боевыми идти?! Собрался, значит, я кое-как с силами, отшвырнул ближайших в сторону и ринулся по коридору прочь из дому. И давай в вашу дверь названивать. Хорошо вот, боец молодой быстро дверь открыл, а то, может, и утащили бы с собой, нечисть проклятая.

Кстати, а боец этот ваш, юноша проверенный? Не из них ли, случаем?

– Не из них, конечно, не волнуйтесь. Володя – сын наших давних друзей из Абхазии. Он художник, абитуриент. Поступает в институт. Живёт у меня. Можете спокойно продолжать.

– Из Абхазии? Прекрасная страна! Мне довелось там побывать, но, к сожалению, недолго, но она запомнилась мне на всю жизнь! Сказочная природа! А какие там живут люди: весёлые, гостеприимные, добрые. Вспоминаю, как сказку! А рассказывать особо больше и нечего.

Это всё – его происки! Вы же понимаете, Капитолина Леонардовна, о ком я веду речь. Это он наслал на меня рогатых, я уверен. И именно в День Победы. Эта скотина тоже облачается по праздникам в офицерский мундир и имеет наглость иногда являться на собрания ветеранов. Меня он, естественно,

опасается, вот и решил избавиться таким изощрённым способом. Ему ведь не привыкать.

– Ладно уж, пейте с Володей чай, а я опять пойду в разведку, проверю вашу квартиру. На всякий случай беру ключи, ну, если вдруг вы захлопнули дверь. – Прервала откровения соседа Капитолина Леонардовна и удалилась, оставив нас на кухне вдвоём.

– Генерал к этому времени почти полностью пришёл в себя. Отпив из чашки, внимательно посмотрел на меня и произнёс:

– Читаю недоумение на вашем лице, юноша. Оно и понятно. А, вернее, так – понятно мне, что ничего не понятно вам. Пока, во всяком случае. Эта история, вся эта история, она и впрямь очень сложная и запутанная. Да и началась очень давно. Но я обязательно расскажу её вам, если хотите. Именно вам я могу довериться, я чувствую это.

Я, конечно, очень даже хотел послушать генерала, но вернулась наша уважаемая «полковная разведка». В руках у Капитолины Леонардовны был большой свёрток.

– В квартире порядок и, к счастью, никого не наблюдается. Да и запаха серы нет.

Но это тревожный сигнал, я имею в виду визитёров. Я телефонировала с вашего аппарата доктору Брусникину. Он, как всегда, выразил готовность помочь вам. Сейчас он пришлёт автомобиль и медсестру Катю, которая, как я понимаю, крайне вам симпатична. Доктор хочет послушать ваш рассказ лично, у себя в кабинете, тем более, что он сегодня дежурит.

Вот вам спортивное трико, а мундир я аккуратно размещу в вашем шкафу

Генерал ушёл переодеваться. Я же вопросительно смотрел на квартирную хозяйку.

– Потом! – При этом пожилая дама театрально взмахнула руками. Лицо же её изображало то ли сожаление, то ли сострадание, хотя в глазах вспыхивали знакомые мне озорные искорки.

Так я в первый раз увидел генерал-лейтенанта Виктора Даниловича Василенко, соседа Капитолины Леонардовны по лестничной клетке. Встреча, как вы понимаете, была совершенно неординарной, как и личность генерала. Неординарными были и обстоятельства, при которых он появился ранним утром девятого мая 1963 года в квартире Капитолины Дмитрук, в так называемом «генеральском» доме на улице Мархлевского, в центре Москвы. Где ваш покорный слуга, будучи слушателем подготовительных курсов факультета прикладного искусства Московского текстильного института, снимал комнату.

Конечно, встреча эта разожгла моё юношеское любопытство, но, если спросить, усмотрел ли я в ней некий знак Судьбы, почувствовал ли в тот момент, что она станет причиной совершенно необъяснимых событий моей жизни в ближайшем будущем, ответить внятно я, увы, не смогу.

* * *

Уже увезли с собой генерала, переодетого в синий тренировочный костюм, приехавшая за ним очень хорошенькая, курносая улыбающаяся медсестра Катя и сопровождавшие её два подозрительно рослых угрюмых санитаров.

Капитолина Леонардовна вернулась из соседской квартиры, куда относила мундир, позвала меня в гостиную, усадила в огромное мягкое кресло, поставив передо мной на журнальный столик с гнутыми ножками вазу с конфетами «Кара-Кум». Она очень любила этот сорт конфет, предпочитая его всем другим.

Сама уселась напротив, на диван, взяла в руку старинный костяной веер, и обмахиваясь им, хотя было совсем не жарко, начала говорить, выждав перед повествованием многозначительную паузу.

Надо сказать, что моя квартирная хозяйка была натурой романтической и просто обожала различные театральные эффекты.

– Заинтригован? Ну что могу сказать для начала, – почти шёпотом, заговорщицки прищурив глаза, произнесла Капитолина Леонардовна, – проясним, говоря по-военному, диспозицию. И определим точку, от которой проложим азимут. Ну, вперёд!

Заинтригован? Виктор Данилович – мой сосед из девятой квартиры. Вы познакомились при странных обстоятельствах, но не спешите с выводами, тем более не вздумай навешивать незнакомому человеку, образно выражаясь, ярлык. Хоть генерал и состоит на учёте у психиатра, назвать его душевнобольным я не могу себя заставить. Считается, что у него запой, но я и это предположение ставлю под сомнение. Конечно, велик соблазн сказать про генерала сегодня: элементарная «белочка», ну, «белая горячка» или, выражаясь по-научному – *Delirium Tremens*. Нет, Володя, тут дело гораздо сложнее, я думаю, но разобраться сама не могу. Может, ты поймёшь со временем. Так что слушай.

Ты знаешь, как называют огромный серый дом у Большого Каменного моста, на противоположной от Кремля стороне Москвы-реки? Его называют «Домом на набережной». Ну, а многие москвичи называют его Домом расстрелянных. Это потому, что многих известных людей, живших в этом доме, расстреляли в конце тридцатых, в годы Большого сталинского террора.

А наш дом некоторые остряки из местных называют Домом «генералов-сидельцев». Ибо все военачальники, получившие квартиры в этом доме уже после войны, за исключением моего Дмитрука, прошли через тюрьмы и лагеря. И, пожалуй, самым трагическим образом сложилась судьба именно Виктора Даниловича.

Не знаю, к сожалению, всех деталей его биографии, он не любит говорить на эти темы, но кое-что знаю точно.

В чём-то жизненный путь соседа до определённого времени был достаточно типичен. Юношей попал он под очарование большевистских сказок о скором наступлении в России эпохи всеобщего благоденствия, рая, одним словом. Только вот надо было для этого беяков одолеть и изгнать. Вот и пошёл юноша добровольцем в Красную Армию, изгнать тех самых беяков. Оказался смелым рубакой, шустрым, неглупым и расторопным бойцом. Его, как говорится, заметили и отметили. А после войны отправили на учёбу, сначала в бронетанковое училище, а затем в академию.

Знаю, что служил он потом на Дальнем Востоке у Блюхера, в чине, кажется, комдива, естественно попал под косу, которой выкашивали военных из

окружения маршалов-заговорщиков: Тухачевского, Блюхера, Гамарника. Тогда многих арестовывали семьями, и вместе с комдивом забрали его жену и дочь.

Через год Василенко, как и многих других красных командиров, из-за нехватки кадров в Красной Армии, освободили из лагеря, восстановили в звании, а позже и в партии, и отправили воевать с японцами на Халкин-Гол, а затем – с немцами. Воевал он достойно, дослужился в конечном итоге до генерала, получил Звезду Героя Советского Союза, после войны занял очень высокую должность в Генштабе Советской Армии, вселился в большую квартиру в нашем, «генеральском» доме

И всё бы хорошо, если бы не страшная беда. Его жена и дочь так и не вернулись из заключения.

И куда только ни обращался генерал, в какие только высокие двери ни стучал, нигде не получал внятного ответа. И только совсем недавно, в конце пятидесятых, уже при Хрущёве, ему официально сообщили, что заключённые такие-то, то есть жена его и дочь, умерли от переохлаждения в таком-то лагере, такого-то числа, такого-то года. То есть в один день.

Известие подкосило генерала. Если раньше он держался, лелея, видимо, хоть призрачную надежду на то, что его семья уцелела и когда-нибудь жена и дочь вернутся, то теперь надежда растаяла.

Он очень изменился. Внешне он сохранил интерес к жизни: был общительным и энергичным, активно работал в Совете Ветеранов. Но каждую весну, в начале мая генерал уходил, как считалось, в запой.

Исчезал из виду, запершись в квартире, и появлялся через несколько дней совершенно другим

человеком. Трезвый внешне, но явно не в себе, с горящими глазами начинал рассказывать он соседям о какой-то особой своей миссии на земле. О том, что призван был он в самые высшие, небесные инстанции, где открыта была ему якобы великая тайна, и там же возложена на него обязанность исполнить долг перед человечеством, святой долг. И долг этот заключался в том, что должен был отставной генерал привести в исполнение смертный приговор, вынесенный Высшим судом преступнику, садисту и убийце, на чьих руках была, в том числе кровь жены и дочери Василенко.

Излагая всё это, кстати говоря, достаточно связно, очень сетовал, сможет ли, успеет ли он выполнить этот самый долг. Не помешают ли ему враги? А вдруг и не доживёт он до этого великого дня?

Очень испугал нас, соседей, первый его «запой» и идея эта навязчивая, странная очень. Тем более что стало известно от его друзей-ветеранов о наличии в доме генерала наградного пистолета марки ТОЗ, с патронами.

Посоветовались мы, соседи, и скрепя сердце позвонили в Медицинское управление. За генералом прислали машину с этой же самой, что и сегодня, медсестрой Катей. Ну и, соответственно, с санитарам. Кстати, это произошло, как и сегодня, девятого мая, в Праздник.

Генерала нам вернули примерно через месяц совершенно нормальным, улыбающимся и розовощёким. Былой ритм жизни «генеральского» дома был восстановлен, всё вошло в колею. По просьбе друзей

из Совета ветеранов, совершенно не сопротивляясь, Виктор Данилович сдал свой ТОЗ в наградной отдел министерства. И скоро все позабыли о досадном происшествии.

Пока история не повторилась, один в один. Ровно через год.

Когда и ещё через год произошло то же самое, мы перестали верить в случайные совпадения. Есть, на мой взгляд, во всём этом что-то необъяснимое, игра какая-то, придуманная и срежиссированная в другом месте, боюсь даже произносить – где!

И явно прослеживается закономерность, ибо пик этих регулярных событий приходится именно на девятое мая.

Тут есть, о чём подумать, но разве можно говорить открыто и всерьёз на эти темы с официальными лицами в стране, где все изображают из себя атеистов. Кстати, многие из них, атеистов тех самых, тайком крестят детей и празднуют Пасху.

Вот и рассказала я тебе всё, что знала сама. – Капитолина Леонардовна облегчённо вздохнула, положила на тумбочку веер и с важным видом гордо направилась в сторону кухни.

* * *

Радостно и гордо шелестели яркой, свежей ещё листвой деревья, умудрившиеся выжить в каменных хитросплетениях узких улочек в самом центре столицы.

У подъезда генеральского дома, в крохотном скверике стоял Виктор Данилович Василенко в тща-

тельно отутюженной гражданской одежде, чисто выбритый, розовощёкий и улыбающийся.

Улыбался генерал голубям, которых кормил хлебом, тщательно перетирая в руках куски белого батона. Хлеб был, я думаю, сознательно взят слегка чёрствым, он прекрасно крошился, так что процесс кормления птиц был, помимо нравственной, благотворительной его цели, ещё и технологически оптимизированным.

Увидев меня, дружески помахал рукой, а затем опять же жестами дал понять, чтобы я не уходил, подождал, пока не завершит он важную свою миссию. Ну и чтобы вёл себя тихо и не распугал случайно пернатую рать генерала.

– Пойдём, Владимир, ко мне, – предложил Виктор Данилович, пожимая мне руку, когда птичий банкет завершился. – Угощу чем-нибудь вкусеньким.

В квартире генерала Василенко мне ещё не приходилось бывать. Как выяснилось потом, она оказалась огромной по площади, примерно, как и у Капитолины Леонардовны, но с совершенно иной планировкой.

Понятно, ведь этот, относительно небольшой, в пять этажей дом с выразительным фасадом, декорированным полуколоннами и скульптурами в псевдогреческом стиле, вряд ли был до революции «доходным». Скорее всего, четыре семьи занимали здесь по этажу. А на первом этаже, как правило, в таких домах находились комнаты для прислуги и хозяйственных нужд. ...После революции все помещения переделали в коммунальные квартиры. А после войны дом отошёл в ведение министерства

обороны, жильцов переселили, а квартиры подвергли очередной перепланировке. Теперь на всех пяти этажах располагались двадцать больших комфортабельных во всех смыслах квартир, по четыре на каждом этаже. Туда и вселили семьи шестнадцати армейских генералов, трёх комиссаров НКВД и одного работника ЦК ВКП(б).

Мы прошли по длинному сумрачному, неосвещённому коридору от прихожей до кухни. Паркетные полы коридора были покрыты, видимо, мастикой и хорошо натерты, так как блестели даже при том тусклом свете, который просачивался сквозь матовые стёкла кухонной двери.

Просторная кухня поражала стерильной своей чистотой. Идеально вымытые тарелки в решётчатой подставке, сверкающий холодный никель кастрюль на полках, тёплая, тускло поблескивающая медь сковородок разного диаметра, аккуратно висящих на крючках вдоль стены. Накрахмаленные тканевые шторы на огромном окне.

Удивительно, как удавалось одинокому, немолодому мужчине обеспечивать такой идеальный порядок.

– Владимир, извини, что я на «ты». Так быстрее устанавливаются доверительные отношения, а для нас с тобой это очень важно сейчас. Кстати, ты знаком с Андреем Ильичом со второго этажа, моим другом? Нет? Ладно, исправим ситуацию, познакомлю вас при случае.

Так вот, сын его, Илья, служит военным атташе в Норвегии, постоянно пересылает родителям

разные иностранные продукты, ну а Андрей Ильич угощает ими меня. Так что будем пить бразильский кофе с английским шоколадом, а на бутерброды намазывать датское масло. А потом я покажу тебе квартиру.

Я с детства не любил и практически не ел сливочного масла, но отказывать Виктору Даниловичу было неловко, тем более что бутерброды он приготовил сам. Масло было упаковано в крохотные яркие пакетики треугольной формы из металлической фольги. Оно оказалось белым, как сметана, и очень вкусным.

И английский шоколад мне понравился. Он по вкусу очень отличался от привычного советского, хотя, надо признать, что и отечественный шоколад был достаточно хорош.

После трапезы мы направились, по предложению хозяина, в его кабинет. На этот раз Виктор Данилович включил в коридоре свет.

Справа, за стеной располагались, очевидно, две комнаты, ибо в коридор выходили именно две двери. Массивные глухие филёнчатые двери из морёного дуба, плотно прикрытые.

– Это комната Алёны, моей дочери, – указывая на первую по ходу дверь, пояснил генерал.

– А это наша спальня, моя и жены. Хотя я предпочитаю спать в кабинете. – Достаточно обыденно, ровным голосом продолжил Виктор Данилович.

От меня не скрылось, что у дверей спальни генерал на секунду задержался, проведя легко, с нежностью, но почти незаметно ладонью по дверной филёнке, но тут же продолжил движение.

Слева от нас в коридор выходила одна, но широкая двустворчатая дверь, также отделанная дубовыми панелями. За ней оказалась огромная, сумрачная комната, не комната даже, а скорее зал. Сумрачная потому, что огромные высокие окна выходили во двор и к тому же были наполовину занавешены плотными тёмными гардинами.

Зал был обставлен массивной, канцелярского вида мебелью, возможно казённой, и выполнял, очевидно, функции гостиной.

Единственная деталь, радовавшая взгляд в неприветливом помещении, так это старинный камин в углу, сложенный из ярких фаянсовых изразцов, с массивной полкой белого каррарского мрамора и изящной бронзовой решёткой. Осколок былой жизни мещанской Москвы.

Из гостиной сквозь открытую дверь мы попали в ещё одну комнату, которая и оказалась кабинетом. Такая же массивная, как и в гостиной, мебель – книжные шкафы, диван, два кресла и очень большой письменный стол.

Кабинет был неуютен, скорее он напоминал помещение служебное. Даже старинная бронзовая настольная лампа с мудрёным абажуром из разноцветного витражного стекла не создавала желаемого настроения.

И всюду ощущалось, почти на подсознательном уровне нечто необъяснимое, неуловимое, но явно витающее в воздухе. И, мне кажется, я понимал – что!

Здесь, в неуютном, сумрачном объёме комнат не было и следов той энергетики, при которой наличие женского «духа», женской ауры в доме ощущается

сразу, с момента, когда кто-либо, не важно мужчина или женщина, отпирают вам входную дверь.

Даже в таких мелочах, как различные фарфоровые или бронзовые статуэтки, подсвечники, сувениры, привозимые откуда-нибудь из Сочи, Ялты или Кисловодска, фотографии близких людей в уютных рамочках, салфеточек и ковриков.

В общем, всего того, что так любят женщины. Ведь только женщины умеют виртуозно распределять эти милые их сердцу предметы по квартире, в различных трюмо и горках, книжных полках и на тумбочках. Или развешивать их на стенах в том порядке, который согласуется только с женским взглядом на уют, или, если так можно выразиться, с организацией жизненного пространства.

В огромной и внешне ухоженной квартире генерала Василенко не было ни картинок на стенах, ни вазочек, ни ковриков, ни фигурок на книжных стеллажах или кухонных полках.

Единственное, что можно было с натяжкой считать украшением интерьера, так это несколько моделей советских танков времен Великой Отечественной Войны, выставленных в витрине одного из книжных шкафов. Да и, пожалуй, одна большая фотография, висевшая в простенке. На ней была изображена группа улыбающихся советских офицеров. На заднем плане фото догорал полуразрушенный берлинский Рейхстаг.

Небольшая часть кабинета была отгорожена китайской ширмой чёрного шёлка.

Золотые драконы, вышитые на шёлке, смотрелись здесь совершенно чужеродными и никак не вписывались в окружающую среду. Они вызывали невольное удивление, которое, я думаю, отразилось на моём лице.

Однако генерал воспринял выражение моего лица как проявление любопытства.

– Посмотри, что там. Не стесняйся. У меня нет тайн, тем более от тебя.

«Почему именно от меня?» – вопрос возник где-то внутри. И там же остался. Я не стал озвучивать его.

За ширмой оказалась небольшая мастерская.

Массивный неполированный стол, верстак с тисками, различные инструменты, аккуратно разложенные на чистой тряпочке. Или висящие на специально приспособленной доске, прикреплённой к стене. Шурупы, гвозди, винты разных размеров в картонных коробочках.

Идеальный порядок во всём. И идеальная чистота.

Однако при этом здесь, в мастерской работали, и, видимо, постоянно. Этот факт был бесспорным. И это чувствовалось сразу – и на подсознательном уровне, и по мелким, почти неуловимым визуальным приметам.

Пожалуй, только здесь и была зона реального присутствия человека, единственное место в квартире, где ощущалась энергетика хозяина.

В дальнем углу, на небольшом напольном шкафчике лежало несколько резиновых грелок разных размеров.

Виктор Данилович перехватил мой взгляд.

– Эти грелки отечественного производства, советские. Совершенно дрянного качества. Резина никуда не годится. Вот во время войны мы получали от американцев, по ленд-лизу, кроме оружия и продуктов, ещё и медицинское оборудование. Там, в комплектах были грелки. Я их хорошо помню; фиолетового цвета, большие. А из какой великолепной резины были они выполнены! Как раз то, что мне нужно. Но, как ни бьюсь, достать нигде не могу. Война-то, к счастью, давно закончилась.

Попросил даже Илью, атташе нашего. Он мне привёз, конечно, грелку из своей этой Норвегии. Не подошла. Такая же, в принципе, как и наша – маленькая и жёсткая.

Немного странно звучали размышления генерала о грелках вообще, особенно восторженная его ода грелке американской. Но, в конце концов, генерал был давно не юношей, подумалось мне, мало ли какие проблемы со здоровьем могли беспокоить одинокого пенсионера.

Тем более что, в принципе, грелка была предметом достаточно полезным. И я это хорошо помнил.

Сухумская наша квартира, к примеру, отапливалась дровяной печью, что являлось большим неудобством, тепла на все комнаты не хватало, и именно грелка была той самой палочкой-выручалочкой, выручавшей всё семейство зимой.

Правда, я никогда не обращал внимания ни на цвет грелки, ни на её размеры. А тем более на качество резины.

Качество резины? На секунду подумалось, а какие ассоциации могла вызывать эта фраза – качество резины.

Ну конечно, совсем, совсем давно мы, мальчишки, мастерили себе рогатки для охоты на мелких птиц или мышей. Так вот, при изготовлении самодельного нашего оружия качество резины имело огромное значение. Кстати, для рогаток мы использовали резиновые ленты, которые приносил соседский мальчик Гриша, отец которого был авиационным техником и работал на аэродроме. Эту резину, помнится, так и называли – «авиационная».

Но эти мои детские воспоминания не могли иметь никакого отношения ни к самому генералу Василенко, ни к коллекции грелок, лежащих навалом на шкафчике в его мастерской.

* * *

Мы сидели друг напротив друга в неудобных жёстких креслах в гостиной, рядом с холодным камином. Генерал смотрел мне прямо в глаза. Взгляд его был непривычным, совсем не таким, как несколько минут назад.

Если тогда это был не очень внимательный, слегка блуждающий по сторонам, восторженный и одновременно бесстрастный взгляд пожилого человека, то теперь от всего этого не оставалось и следа.

Генерал буквально буравил меня глазами, целенаправленно и внимательно, как бы заглядывая внутрь.

Правда, и это меня успокаивало, в неожиданно возникшем и проходящим через наши глаза потоке

энергии не было ничего враждебного для меня. Наоборот, биоэнергетический мост, перекинутый между генералом и мной, предполагал, я думаю, некое единение помыслов, действий, общность эмоций, крайне важных для нас обоих.

Виктор Данилович, я уверен, это знал точно.

И когда он заговорил, никаких волнений или сомнений у меня не было, ибо полноценная двусторонняя энергетическая связь уже работала.

– Я буду, по возможности, краток, Володя. Не знаю, понимаешь ли ты, что наша встреча, наше знакомство не были случайностью! Всё было предопределено там, наверху! И именно так!

Многие факты моей биографии, я знаю, уже озвучила наша дражайшая Капитолина Леонардовна. Но всей правды не знает никто. Сегодня её узнаешь ты!

Итак, Гражданская война закончилась. Я продолжал служить в Красной Армии, в составе танкового автоброневоего отряда командиром танка. Танки у нас были старые, трофейные английские МК-5 «Рикардо». Я был на хорошем счету у командования, так что, когда объявили набор в бронетанковую школу, мою фамилию включили в список под номером один.

В 1922 году на сборах в Балашове я познакомился с Женечкой, моей будущей женой. Она гостила у тётки.

Володя, это вправду была любовь с первого взгляда, сумасшедшая, неземная какая-то любовь! И пронесли мы её через всю нашу жизнь, такую же чистую и страстную!

В следующем году я стал еще богаче!!! У нас появилась Алёнка, Солнышко, Звёздочка наша! Мне казалось, что наша с Женечкой Любовь стала ещё более возвышенной, приобрела новое звучание и новое, неизмеримо высокое качество! Если, конечно, слово качество подходит к нашему разговору.

Девочки разделили со мной все трудности кочевой жизни красного командира. И все радости, естественно!

После бронетанковой школы я закончил Академию имени Фрунзе и получил направление на Дальний Восток. Командовал танковой частью в составе Особой Краснознамённой Дальневосточной Армии.

В 1938-м, сразу после ареста маршала Блюхера, командующего Армией, забрали в числе многих командиров и меня. После изнуряющих и жестоких допросов, я оказался в одном из лагерей Дальлага, на Нижнем Амуре. Лагеря эти, как выяснилось потом, росли, как грибы, особенно за Уралом, в Сибири и на Дальнем Востоке.

Поскольку арестован я был на совещании в штабе армии, мне ничего не было известно о судьбе моих девочек, Евгении и Алёны.

Не буду долго рассказывать о жизни в лагере. Правда, если то, что происходило в то время в лагерях, вообще можно назвать жизнью.

Наспех построенные из подручных материалов холодные, переполненные бараки, колючая проволока по периметру зоны, вышки с пулемётами и прожекторами. И каторжный труд с раннего утра до позднего вечера, в тайге, на лесоповале.

Утром мы получали по куску чёрного хлеба и по кружке кипятка. Вечером – по миске жидкой баланды и по два куска хлеба. Если, конечно, хлеб не отнимали уголовники.

А уголовники, надо сказать, всю лютовали. Причём с согласия, а порой с одобрения лагерного начальства. Ведь и для тех и других мы одинаково являлись врагами народа.

Да и охрана старалась не отставать от блатных в жестокости по отношению к нам.

Особенно зловредным и изощрённым в издевательствах над заключёнными среди надзирателей был некто по фамилии Рыжик. За глаза же все называли его Моргуном. Прозвище – «Моргун» – приклеилось к нему потому, что он действительно постоянно моргал. С его лицом творилось нечто напоминающее специфический нервный тик, который поразил, возможно, в результате перенесённой когда-то болезни оба глаза. И не исключено, что та же самая болезнь оставила на его лице ещё одну печать.

Младший командир внутренних войск НКВД Рыжик всегда улыбался.

– Ну вот, Владимир, а теперь я ввёл в игру главную для нас с тобой фигуру. – Виктор Данилович потёр обеими руками виски, будто подзаряжая энергию нашего биомоста, и продолжил повествование.

– Когда где-то там, в другом мире, думаю, тебе ясно – в каком, конструировали это чудовище, то работу, видимо поручили «специалисту» со специфическим чувством юмора. Если они там вообще

наделены какими-либо чувствами. Кроме одного – сеять зло и смерть.

Суди сам. Дали фамилию – Рыжик – смуглому черноволосому мужчине, похожему на молдаванина или цыгана. Носителю простой, в общем-то, фамилии придумали имя – Апполинарий, а отчество – Мокеевич.

Любой современный человек сегодня не обратит на это внимания. Но тогда, в первые годы Советской власти, во времена кадровых, пока ещё кадровых чисток, член любой захудалой сельской комиссии, неграмотный представитель так называемого комитета сельской бедноты, мог запросто указать на «поповское» имя либо на «купеческое» отчество товарища Рыжика. И не видать бы тому вождельной службы в частях особого назначения ГПУ.

Понятно, нашему с тобой «другу» подобные несуразные проблемки не грозили. И по жизни он шёл, думаю, в полном соответствии с заложенной в него программой.

Володя, тебя может удивить, почему я акцентирую внимание на этом самом Рыжике, ведь пока его роль в моей судьбе непонятна и на этом этапе достаточно нейтральна. Ну, мало ли подобных злобствующих вертухаев служило в те годы в системе ГУЛАГа? И в нашем лагере их было предостаточно.

Тем более что у меня с вышеупомянутым Рыжиком личных контактов почти не было.

Для него я был, наверное, всего лишь крохотной частичкой той серой, вонючей, шевелящейся под ногами массы то ли животных, то ли насекомых, которых ему пришлось по долгу службы «опекать». А в моём представлении вся эта кровавая вакхана-

лия, разыгравшаяся в стране, являлась результатом вражеских происков, обострения классовой борьбы в масштабах планеты. Такие же «личности», как Рыжик, были естественной грязной пеной, всегда выносимой наверх в периоды столь драматических моментов истории.

По лагерю гуляли различные слухи, один фантастичней и страшнее другого, в основе которых, к сожалению, лежала правда.

Поговаривали, в частности, о «тайных субботах». Якобы по субботам часть надзирателей проводила своего рода карточные турниры, на которые приглашали и лагерных «авторитетов». И ставками в этих игрищах часто являлись жизни заключённых.

Кто и по какому принципу выбирал имя обречённого и ставил его на кон, мне было неизвестно, но на территории лагеря порой обнаруживали окоченевшие полураздетые тела. «Списание» такого трупа не представляло никаких трудностей для лагерного начальства. Вариантов было много: попытка к бегству, несоблюдение правил безопасности, собственная неосторожность и так далее.

Да и кому в голову могла прийти мысль расследовать или просто проверить хотя бы один подобный случай.

Согласно данным того же лагерного телеграфа, самым азартным игроком был не кто иной, как Апполинарий Мокеевич Рыжик.

Над страной тем временем сгущались тучи. На финской границе было беспокойно, да собственно, беспокойно было везде. Пахло порохом в Европе, на Тихом океане и на советском Дальнем Востоке.

Весной 1939 года стало набирать обороты противостояние с японцами в Монголии. Локальные стычки явно перерастали в серьёзный военный конфликт.

Красная Армия испытывала ужасающий дефицит грамотных командиров всех уровней.

Под давлением обстоятельств Сталин вынужден был дать приказ новому наркому внутренних дел Берии срочно пересмотреть дела арестованных военных.

Так что летом неожиданно для себя я в числе других командиров был освобождён из лагеря, восстановлен в звании и направлен в распоряжение недавно созданного Дальневосточного фронтового управления.

Добравшись до Хабаровска, я с замиранием сердца отправился в гарнизонный посёлок, домой.

Помню, долго стоял у дверей квартиры, не решаясь позвонить. На лестничной площадке пахло домашней едой, из-за двери доносились звуки весёлой музыки, видимо, было включено радио. Наконец, я собрался с силами и поднёс дрожащий палец к звонку.

Щёлкнула щеколда замка, дверь распахнулась, я прищурил и тут же широко раскрыл глаза... На пороге стояла молодая, дородная, нарядно одетая женщина. Не знакомая мне.

В глазах вдруг потемнело, я стал терять сознание. Пришёл в себя уже в квартире, в кресле, от резкого запаха нашатырного спирта. Слянку со спиртом подносила к моему лицу всё та же незнакомая женщина.

Дальше всё происходило, как во сне. Женщина, хозяйка квартиры, служит медсестрой в гарнизон-

ном госпитале. Муж – военный, отвечает в штабе за связь. Ордер на вселение получили примерно полгода назад. Кто жил раньше в этой квартире – не знает.

В те времена задавать лишние вопросы было не принято. Тем более что немало таких безлюдных, опечатанных квартир оказалось на определённом этапе в военном городке.

Остались ли в квартире хоть какие-нибудь вещи от прошлых жильцов? Нет, они с мужем въехали в совершенно пустую, отремонтированную квартиру.

Время шло, а я всё никак не мог прийти в себя. Было ясно: расспрашивать кого-либо ещё по соседству было делом бесполезным. Самый же важный вывод – верить, несмотря на страшную реальность, в то, что девочки мои живы. И ни в коем случае не опускать руки!

Эта уверенность придала мне силы, я поблагодарил хозяйку квартиры и ушёл. Затем на попутной машине добрался до Управления.

Начальником Управления недавно был назначен Григорий Михайлович Штерн, опытный, образованный командир, Герой Советского Союза.

Мы были знакомы. Встречались в Москве, на различных совещаниях, на штабных полевых учениях и даже мельком виделись в Испании, где оба были в командировках.

Штерн был человеком очень жёстким, порой даже грубым, требовательным и к себе, и к подчинённым, не терпевшим панибратства. В отношениях с подчинёнными соблюдал дистанцию. Но при этом вставал горой за каждого, от солдата до командира, в любом вопросе, если был уверен в своей правоте.

В подобных ситуациях для него не существовали такие понятия, как субординация или авторитет того или иного чиновника, включая самого Сталина.

Так что первое, что я сделал, Володя, после официального представления меня руководству Управления и получения официального назначения командиром танкового соединения, – это обратился к Штерну с личной просьбой.

Суть просьбы была внешне достаточно проста: получить сведения о судьбе моих девочек, жены и дочери.

Григорий Михайлович сразу же, при мне позвонил по ВЧ наркому Берии. На том конце провода Штерна внимательно выслушали и обещали разобраться.

Официальный ответ пришёл в Управление телеграфом крайне оперативно, на третий день, на моё имя.

В документе, подписанном заместителем наркома ВД, сообщалось, что данные по аресту Василенко Евгении Валерьевны и Василенко Елены Викторовны в архивах наркомата и Генеральной прокуратуры СССР отсутствуют. Не числятся вышеуказанные гражданки также ни в списках ИТК Управления лагерей, ни в тюремных списках ГТУ НКВД.

Телеграмма эта стала для меня шоком! Она обрушила мои надежды, разом обрезав все возможные нити, все пути дальнейших поисков. По сути, мне уже некуда было обращаться с официальными запросами.

Несмотря на столь мощный и трагический удар судьбы, мне удалось сохранить веру в Высшую справедливость, в то, что Женечка и Алёна всё же уцелели в безумной круппорушке лихого времени.

Надо было собраться с мыслями и действовать. Или надеяться на чудо!

Володя, я надеюсь, ты не устал. Очень важно, чтобы ты дослушал меня до конца. И очень внимательно. Хотя зачем я это говорю? Я ещё не встречал такого внимательного слушателя, как ты! Даже с учётом, как бы это сказать, неизбежности и обязательности сегодняшней встречи и нашего разговора.

Если хочешь, прервёмся, я принесу чай или кофе?

Я отрицательно помотал головой. Не потому, что мне не хотелось, к примеру, кофе, а чтобы не нарушить тот удивительный обмен биотоков, возникший между нами на фоне ровно звучащего негромкого голоса Виктора Даниловича.

Генерал откашлялся и продолжил свой рассказ.

– Время шло, чуда не происходило, я стал ловить себя на мысли, что теряю ту самую свою веру, но активно гнал предательские мысли прочь.

На всякий случай писал письма в местные органы внутренних дел и прокуратуры. Посылал запросы непосредственно в женские лагеря региона. Ответы на письма военного такого высокого ранга, как я, обычно приходили. Но, увы, все они были написаны как под копирку: данных нет, в списках не значатся, информация отсутствует.

Началась Великая Отечественная Война. Поздней осенью 1941 года моё танковое соединение было переброшено под Москву.

История Войны, Володя, хорошо известна, фронтовая же судьба Виктора Василенко интересует нас только на конкретных её этапах, поэтому многие события моей жизни я просто опускаю.

В начале лета 1943 года бронетанковый корпус, которым я тогда командовал, в условиях полной секретности передислоцировали в район населённого пункта Валуйки. Недалеко от железнодорожной станции был оборудован временный, хорошо замаскированный лагерь.

Судя по всему, концентрация войск в районе Курска была невиданной по своим масштабам. Тем не менее войска всё прибывали и прибывали. Конечно, я в числе ограниченного количества высших офицеров знал, что готовится мощнейшее наступление в районе так называемой Курской дуги. Ориентировочная дата – первая декада июля.

При этом было доподлинно известно, что и немцы вели интенсивные приготовления к решающему, как они считали, сражению. Причём целью германского командования был полный разгром Красной Армии, после которого СССР больше не смог бы восстановить свою военную мощь.

Однажды утром мне позвонили по ВЧ из Особого отдела Армии.

– Товарищ Двенадцатый, к Вам направлен офицер отдела Панарин. Доложит по прибытию. – Хриплый, слегка заикающийся голос начальника Особого отдела Дворникова был хорошо знаком мне. Мы встречались раньше. Когда-то и он служил на Дальнем Востоке.

Тогда я не мог и предположить, что этот звонок положит, по сути, начало череде событий, изменивших всю мою дальнейшую жизнь. А офицеру Особого отдела по фамилии Панарин суждено будет стать посланником Судьбы.

Часа через два мне доложили о прибытии порученца.

* * *

В комнату вошёл офицер в общевойсковой полевой форме, в погонах майора. Лет сорока, худощавый, светловолосый, с усталым лицом человека, не спавшего несколько суток.

Тёмная, словно дублёная кожа лица, стянутая на висках, казалось, впитала в себя, как и форменная одежда офицера, всю пыль просёлочных военных дорог.

Единственное, что неожиданно выделялось на лице майора, так это глаза. Неестественно голубые, подвижные, очень живые глаза. Мне почему-то показалось, что майор как-то странно посмотрел на меня, прежде чем отдал честь и отрапортовал о прибытии.

Забегая вперёд, Володя, всё недолгое время первого нашего общения меня не оставляло это чувство. Только я никак не мог разобраться, что же необычное читалось в глазах особиста. Возможно, дело было в профессиональной настороженности и подозрительности? Да нет, скорее взгляд майора был уважительным и одновременно изучающим. А ещё, как ни странно, я на секунду увидел в его глазах сочувствие и даже сострадание. Но к кому? Наверное, мне просто показалось.

Майор передал мне запечатанный пакет. Документ за подписью генерала Дворникова, находящийся внутри, подтверждал полномочия майора Панарина в качестве особого представителя при штабе бронетанкового корпуса, моего корпуса и предписывал оказывать майору максимальное содействие во всех вопросах.

Подробности же были озвучены майором в устной форме.

Заклучались они в том, что в помощь армейским частям придавались так называемые штрафные батальоны, сформированные из заключённых и арестантов. Командирами, как правило, назначались офицеры внутренних войск НКВД, направленные на фронт, в действующую армию с подчинением Особым отделам.

По приказу сверху один такой батальон временно вводился в состав корпуса. Командовать им было поручено как раз майору Панарину.

Эшелон со штрафниками прибывал через четыре дня на станцию Валуйки. В мои обязанности входило обеспечение батальона транспортом и размещение его в зоне дислокации корпуса с учётом всех проблем: жильё, довольствие, включение в оперативные планы и так далее.

Закончив обсуждение вопросов, Панарин заторопился в штаб армии. Отказался от предложенного чая, чётко, по-военному попросил разрешения отбыть.

Уже находясь в дверях вдруг неожиданно произнёс, с теплом в голосе, но без малейшего намёка на фамильярность, совсем не уставную фразу: – «рад, что мы, наконец, познакомились, Виктор Данилович».

Меня эта фраза, честно говоря, удивила, но я не придал сказанному особого значения. Да и были дела поважнее, чем анализ чьих-либо слов или интонации.

Через день после визита особиста, я, как обычно, с утра инспектировал подразделения корпуса. В штабе дежурный офицер доложил, что звонили дважды из «хозяйства» Григоряна. Товарищ Двадцать первый настоятельно просил товарища Двенадцатого прибыть лично. И срочно!

Полковник медицинской службы Армен Григорян, товарищ Двадцать первый, возглавлял один из полевых армейских госпиталей. Высокий, полноватый брюнет, эмоциональный и шумный, добряк, хирург-виртуоз, неутомимый «работяга», лично спасший многие жизни, пользовался всеобщим уважением и любовью.

Госпиталь располагался совсем недалеко, в сельской школе, километрах в двадцати от штаба корпуса. Понимая, что у Григоряна могла быть веская причина для встречи со мной именно в госпитале, я отправился к нему.

Григоряна в кабинете не оказалось. За его столом заполняла какие-то формуляры седая усталая женщина в ветхом, но тщательно выстиранном белом халате. Увидев меня, отложила бумаги, поправила волосы и встала.

– Товарищ генерал, Армен Сергеевич оперирует, я провожу Вас, с Вашего позволения.

– В операционную? – Машинально спросил я.

– Нет, конечно. – Удивлённо произнесла женщина. – В палату. Пожалуйста, идите со мной.

В комнате, куда привела нас сотрудница госпиталя, стояла всего одна железная кровать. Плотные шторы на окнах были задёрнуты, в палате царил полумрак. Я не сразу узнал забинтованного от шеи до пояса человека, лежащего в кровати. Это был майор Панарин.

Голова особиста покоилась на высокой подушке. Кожа лица, и так тёмная, приобрела нездоровый землистый оттенок. Он тяжело, прерывисто дышал. Глаза были закрыты.

– У офицера очень тяжёлое ранение. Попал под бомбежку. Он прооперирован, мы не можем отправить его в таком состоянии в тыл, возможности же нашего заведения очень скромны. Но он очень настаивал на встрече с Вами. Григорян, скрепя сердце, уступил. Я Вас оставляю, если что, крикните, – прошептала мне на ухо женщина и указала глазами на стоящий рядом с кроватью стул.

Раненый открыл глаза. Какое-то время мутный взгляд его бессистемно блуждал по комнате, потом остановился на мне. Глаза приобрели привычный ярко-голубой цвет и былую живость.

– Виктор Данилович, у нас очень мало времени. Буду говорить самое важное. Корю себя за трусость. Ведь я собирался рассказать Вам всё при первой встрече, но у меня, сам не пойму почему, не хватило мужества. Ведь то, что я должен сообщить, принесёт Вам боль и страдания.

В конце тридцатых я служил во внутренних войсках, в охране одного из женских лагерей Дальлага.

Поздней осенью 1938 года, вечером, аккуратно в мою смену, в лагерь прибыло пополнение.

Арестованных выстроили в ряд у стены, в административном корпусе. Пока шла рутинная сверка документов, я обратил внимание на двух молодых женщин, стоящих рядом в конце шеренги. Они были очень похожи. Я даже решил, что это родные сёстры. Одна из них была совсем юной, другая постарше. Печать трагедии на их измученных, заплаканных, измазанных паровозною копотью лицах, не могла скрыть удивительной, светлой какой-то красоты обеих.

Переключка завершалась, у стены остались только они. Остальных заключённых по очереди уже увели.

Старший по смене, заглянув в папку, выкликнул:

– Васильева Евгения. Которая из вас?

Ни одна из женщин не ответила.

– Вы что же это, сучки, молчите? – Беззлобно, но повысив голос, спросил надзиратель. – Вы только вдвоём и остались: Евгения и Елена Васильевы. Сёстры, поди? Отвечать, я сказал!

Та, что постарше, подняла глаза и тихим голосом, но внятно произнесла:

– Нет, не сёстры, Елена моя дочь. Только фамилия наша не Васильевы, а Василенко. Я жена комдива Василенко, мы здесь по ошибке.

– А мне плевать, чья ты жена. – Взвился надзиратель. – Здесь и маршальских жён хватает. А ошибка, конечно, есть. Это вы все и есть ошибка человечества, ЧСИР, короче, члены семей изменников родины, и, стало быть, сами враги трудового народа. А комдивов я никаких не знаю, и будете вы впредь: Васильева Евгения и Васильева Елена, согласно сопроводиловкам. Понятно? Увести!

– Знаете, Виктор Данилович, запали мне в душу лица Ваших женщин. Не подумайте ничего плохого, просто было в их глазах что-то необычное, не могу даже объяснить внятно, что именно разглядел я в них, – что-то чистое, возвышенное. Не позволяющее мне забыть их, обязывающее думать о них постоянно.

Начальником лагеря тогда был некто Семенихин, старый большевик, из рабочих, бывший чекист. Идеальный и порядочный, в общем, человек. Он безоговорочно верил, что Партия поступает правильно, бескомпромиссно и жёстко расправляясь с классовыми врагами, но где-то внутри, на подсознательном уровне что-то, я думаю, подсказывало ему, что под топор попадает и слишком большое количество невинных людей.

Будучи не в силах изменить ситуацию не только в целом, а хотя бы в рамках лагеря, он, как часто бывает, нашёл утешение в спиртном.

Пил он каждый день, начиная с двенадцати часов. После двух он просто-напросто исчезал с территории лагеря, перепоручая, по сути, решение всех вопросов старшему по смене.

Я пошёл к начальнику лагеря утром, сразу после обязательной ежедневной оперативки, на которую меня как младшего командира приглашали, только если я был дежурным по лагерю.

Семенихин пока ещё был трезв. Ко мне он относился на редкость хорошо, поэтому не стоило больших трудов уговорить начальника взять под персональную защиту заключённых Васильевых. Семенихин, не откладывая в долгий ящик, вызвал

дежурного надзирателя и приказал оформить Евгению и Елену в пищеблок.

Режим содержания заключённых в женском лагере отличался от мужского, но не очень сильно. Конечно, женщины не работали на лесоповале, но и им, горемыкам, хватало мучений. Часть из них была занята на строительных работах, часть на станции, на погрузке-разгрузке малогабаритных грузов, часть работала на швейном производстве, выпускающем ватники и ушанки, опять же для нужд ГУЛАГа.

Конечно, работа в пищеблоке лагеря, на кухне, могла показаться раем. Новость об этом приказе начальника быстро разнеслась по лагерному «телеграфу». И это было хорошо, ибо теперь вся охрана, все надзиратели понимали, что сестёр Васильевых, как их называли за глаза, обижать не стоит.

Иногда, как правило, после ужина в служебной столовой, когда ритм жизни лагеря немного затихал, я заглядывал на кухню, справиться о моих подопечных, пообщаться и поддержать их морально.

Женщины как будто оттаивали, чувствуя моё внимание. Мы часто и подолгу говорили на самые разные темы. Помню, с каким теплом и нежностью они рассказывали о Вас, Виктор Данилович. Порой у меня появлялось чувство, что и я с Вами хорошо знаком лично. Меня волновала Ваша судьба, хотелось бы узнать, уцелели ли Вы, и где находитесь?

Но пытаться узнать это официально было равнозначно самоубийству. Единственное, что оставалось, так это верить, несмотря ни на что, что Судьба окажется благосклонной к вашей семье, и вы счастливо соединитесь, в конце концов.

Но судьба, видимо, не собиралась быть благо-склонной.

В начале марта застрелился начальник лагеря. Семенихина обнаружили в служебном кабинете, с простреленной головой, с табельным наганом в левой руке. Он на самом деле был левшой.

Выстрела никто не слышал, ибо в момент самоубийства все были на территории. А произошло это между десятью утра, когда закончилась оперативка, и половиной двенадцатого, когда к Семенихину зашёл дежурный по смене. То есть можно смело утверждать, что начальник лагеря был трезв. Что же заставило его приставить к виску револьвер и спустить курок, так и осталось загадкой.

Через три дня нам, сотрудникам, представили нового начальника. Как оказалось, его срочно перевели, с повышением, из соседнего мужского лагеря. Звали нового начальника – Апполинарий Мокеевич Рыжик.

И как только в одном человеке соединилось такое количество самых отвратительных качеств. Настолько отвратительных, что они кололи глаза даже на фоне страшной реальности того времени, учитывая, что и в охране лагеря собрались далеко не самые лучшие люди страны.

Злоба, жажда власти, полное презрение к подчинённым, интриганство, изощрённая жестокость. И это только начало списка, цветочки, так сказать. А ягодки, если продолжать в духе пословицы, оказались ещё более страшными.

Новый начальник сразу взялся за дело. В короткий срок этот смуглый, колченогий, с маленькими,

злыми, вечно моргающими глазками и кривой усмешкой, словно приклеенной к лицу, человек навёл в лагере порядок! Конечно, такой порядок, каким его представлял себе он сам.

Небольшую часть надзирателей он приблизил, создав как бы свою личную свиту, остальных согнул, как говорится, в бараний рог. И всех без исключения заставлял следить друг за другом и докладывать ему лично обо всём, что происходило в лагере. Совсем, как в учебнике истории: разделяй и властвуй. Так вот Рыжик и властвовал.

Примерно через полтора месяца, при вечерней перекличке недосчитались двух заключённых. Охрану подняли по тревоге, прочесали все помещения и территорию лагеря, но узниц не обнаружили. С утра начальник вызвал подкрепление из мужского лагеря. Подключили местную милицию и стали искать за пределами лагеря.

Окоченевшие тела двух молодых женщин нашли через день в лесу, недалеко от железнодорожной станции. И это было странно, ибо одна из них работала в швейном цеху, а вторая была из недавно созданной строительно-ремонтной бригады. А значит, на станции они именно в тот день никак не могли оказаться. А бежать непосредственно из лагеря, да ещё, по сути, зимой было нереально.

И была ещё одна странность, о которой я случайно узнал от местного милицейского опера: погибшие женщины были очень легко одеты. Предположить, что кто-то украл верхнюю одежду, сняв её с трупов, было бы полным бредом. Решиться на побег в мороз, без тёплой одежды, без хотя бы скромного запаса провизии?! Как-то не верилось.

Тем не менее женщин признали беглянками. Рыжик, которого за глаза называли Чернышом или Моргуном, огласил приказ по лагерю. В соответствии с ним получили выговор дежурный по лагерю и начальник конвоя, отвечавший за железнодорожную станцию. Старшую по бараку отправили на десять суток в лагерный карцер, БУР, всем без исключения заключённым увеличили нормы выработки, то есть продлили и так немислимо длинный рабочий день.

По лагерю тем временем среди охраны поползли странные какие-то слухи. Поговаривали, что в кабинете начальника несколько дней назад, поздним вечером имела место пьянка с особо приближёнными. И ничего в ней не было бы необычного или странного, если бы не два момента. Первое – по приказу Рыжика в этот день из мужского лагеря, где начальник служил до перевода к нам, доставили двух воров в законе, которые принимали участие в застолье. Второе – из кабинета, где «гуляли», явно были слышны женские крики.

Было ли это правдой, или информация о банальной пьянке обросла экзотическими деталями в процессе передачи, «под большим секретом», от надзирателя к надзирателю? Не знаю. Но два женских обмороженных трупа были правдой, ужасной правдой.

Через две недели после взбудораживших всех событий, меня вызвал начальник лагеря. Мне было объявлено, что согласно полученному приказу, несколько младших командиров из охраны, в том числе я, откомандировываются в распоряжение Особого

отдела Фронтового Управления. Нам следовало отбыть по назначению такого-то числа, то есть ровно через одиннадцать дней.

С одной стороны, меня это неожиданное известие обрадовало, ведь я получал шанс вырваться из лагерного ада. С другой стороны, я очень опасался, Виктор Данилович, за Евгению и Елену, особенно после трагических событий последних недель.

Максимум, что я мог сделать для них, так это пройти незаметно, не привлекая внимания, в пищеблок и предупредить их об опасности. Ведь после моего отъезда они оставались совсем одни, и рассчитывать на чью-либо защиту не приходилось.

До моего отбытия оставалось ровно двое суток. На следующий день по графику наступала моя очередь дежурить по лагерю. Последнее дежурство перед отъездом. Начальник был вызван в Управление Дальлага на несколько дней, так что сухое прощание и короткое напутствие откомандированным сотрудникам уже было позади.

Вечером свободные от смены надзиратели собрались в «красной» комнате. Проставлялись отбывающие из лагеря, в том числе и я. Утром, в шесть ноль-ноль мне следовало заступать на дежурство, поэтому я выпил за компанию немного спирта, настоящего на травах, большую бутылку которого принёс один из надзирателей, и около двенадцати часов распрощался со всеми.

Утром я принял смену, проследил за переключкой заключённых, подписал наряды на работы бригад за территорией лагеря, убедился, что на вверенной мне территории полный порядок.

Примерно в восемь ко мне в дежурную часть неожиданно пришёл один из надзирателей, некто Назаров, один из тех, кто входил в так называемую свиту начальника лагеря.

Назаров активно участвовал во вчерашнем застолье, сегодня же он был выходной. Что же заставило его встать рано с похмелья и заявиться ко мне?

Как оказалось, похмелье и заставило.

– Послушай, Панарин, погибаю! Страшный сушняк. Выручай, знаю, у тебя есть заначка. – Виноватым голосом, просительно заглядывая мне в глаза, буквально выдохнул мой ранний гость.

Заначка у меня действительно была. Я предусмотрительно припас несколько бутылок водки, чтобы угостить ребят, дежуривших вчера, и, следовательно, не имевших возможности присутствовать на проводах.

Назаров, держа дрожавшими руками стакан с водкой, наполненный до краёв, задержав дыхание, максимально бережно поднёс его ко рту и в три глотка опустошил. И только потом шумно выдохнул.

Я указал ему на стул. Усевшись, мой гость некоторое время смотрел отрешённым взглядом куда-то в одну точку, выше моей головы. Потом щёки его покрылись румянцем, взгляд стал живым, даже почти осмысленным. Назаров с благодарностью посмотрел на меня, затем многозначительно перевёл глаза на пустой стакан.

Мне всё было ясно. Наполняя стакан вновь, я спросил жестом – до какого уровня. Надзиратель нетерпеливо махнул рукой, доверху, мол, чего уж там.

Выпив и второй стакан, Назаров довольно улыбнулся, положил руки на стол, удобно устроил на них голову, закрыл глаза и захрапел.

Тащить пьяного надзирателя по территории было делом муторным. Тяжело физически и чревато неприятностями. Не для меня, конечно, а для него. Он-то оставался служить здесь, в лагере.

Начальник находился в командировке, за старшего на время дежурства был вроде бы я, так что бояться было некого. Я решил не трогать спящего, а сам занялся текущими бумажными делами.

Так продолжалось минут двадцать.

Назаров резко поднял голову и внимательно посмотрел на меня.

– Панарин, а как тебя зовут? – Неожиданно спросил он. – А то херня какая-то получается, молодые нормальные мужики, могли бы дружить, а имён друг друга, по сути, не знаем. Виталий, говоришь? Ну вот, Виталик, слушай меня, и слушай внимательно. Я знаю, что обо мне думают. Мол, пресмыкается Назаров перед этим уродом колченогим Моргуном. И скажу тебе, да, пресмыкаюсь. Но с одной только целью, получить, как и ты, перевод куда-нибудь в армию, подальше от лагерей этих проклятых. Обещает ведь урод, что мол, когда-нибудь напишет на меня объективку на перевод.

И заметь, Виталик, при всём при этом никого я не предавал и ни на кого не стучал. Как у меня получается, не могу объяснить, но, поверь мне, это – факт.

А то, что я расскажу тебе сейчас, стоит дырки между глаз, а, вернее, в затылке. Но и держать в себе

не могу. Ты-то отрезанный ломоть, завтра усви-
тишь куда-нибудь в Хабаровск или в Читу, а скажешь
где-либо то, что услышал от меня, сочтут сумасшед-
шим, а то и сам дырку в башке схлопочешь.

Помнишь двух беглянок недавних. Так вот, ни-
какие они не беглянки, чтоб ты знал.

В тот страшный день прибыли к Моргуну его
дружки с мужской зоны: два вертухая из старшего
комсостава и два «авторитета», воры в законе, один
по кличке «Нарком», второй – «Саша Туркестанский».

Встретил их Моргун хлебом-солью. Побухали
они вволю, а поздно вечером сели в карты играть. То
в «Терц», то в «Третями» или в «Буру». Причём Ры-
жик наш уважаемый сразу и говорит, мол, братва, де-
нег у служивого нет, ставлю мол, на кон – «мясо», то
бишь молодых зэчек. Ну и продулся, в конце концов.

Привели девиц этих несчастных. Ещё раньше,
видимо, приказал Моргун вертухайше Егоровой, она
тоже теперь его приближённая, женщин помыть
и в чистое переодеть. Отдали их гостям начальника
на утеху.

Навеселились, думаю, те вволю. А как навесели-
лись, ещё бухнули и снова сели за карты.

А теперь блатные нашему колченогому говорят,
что, мол, Хозяин, больше на кону «мясо» не канает,
неинтересно, мол. Надо бы, Хозяин, чего-нибудь
покруче поставить. И Хозяин, тварь эта, исчадие
реальное, ставит на кон жизнь этих «коров», как он
выразился. Жизнь! Виталик, ты понял, что я говорю?
Или мне продолжать? Что опять Моргун проиграл
и что дальше произошло? Хотя, что потом произо-
шло конкретно, вернее, как произошло, я уже не
знаю.

А сейчас я скажу тебе самое важное. И это я слышал своими ушами. Рыжик говорил по телефону с мужским лагерем, я думаю, с одним из тех самых надзирателей. Сказал, что отбывает в командировку, а как вернётся, снова соберёт у себя компанию друзей. Сказал, что и «мясо» достойное уже надыбал у себя на пищеблоке, сестрёнок двух.

Виталик, не могу себе места найти, не сплю, поверь, ночами вою от бессилия. Но что я могу изменить?!

– Виктор Данилович, поверьте, у меня потемнело в глазах от услышанного. Безусловно, под сёстрами подразумевались Евгения и Алёна.

Уже давно ушёл протрезвевший от своего рассказа Назаров, а я всё метался по комнате, как детский заводной грузовичок, больно ударяясь то о стол, то о шкафы, но не реагируя на боль.

Внутри черепа стучала, как язык колокола по его стенкам, только одна мысль – что делать? И я никак не мог решить этот простой, в принципе, но неразрешимый в моём положении, ребус. Что делать???

Чуть ли не выл, как Назаров, от бессилия.

Немного придя в себя, пошёл в кабинет начальника, благо у дежурного, в соответствии с правилами, хранились все ключи, от всех комнат, шкафов и даже от сейфов. Хотя сейфами назывались обычные металлические шкафы, закрытые на висячие замки.

По закону, на каждого заключённого заводилось личное дело, ещё с момента ареста, с копиями основных документов, включающими полные анкетные данные, ордер на арест, решение суда, трибунала

или Особого совещания, перемещения арестанта, к примеру, из предварительного заключения в крытую тюрьму или в лагерь.

Но кто в то время следовал обязательному порядку? К сожалению, в картотеке мне не удалось обнаружить личных дел Евгении и Елены. Единственное, что я обнаружил, так это сопроводительные списки прибытия заключённых в лагерь и запись в дежурном журнале. Хоть эти данные немногого стоили, я на всякий случай всё переписал и листок этот сохранил.

Меня душила ненависть к людоеду Рыжику! Но я не видел никаких возможностей и инструментов покарать оборотня сегодня, но когда-нибудь, надеясь я, должна же была восторжествовать справедливость. Я открыл сейф, где хранились документы по кадрам, нашёл папку А.М.Рыжика, вынул из неё все документы, вложив обратно в картотеку пустую обложку.

В Хабаровске я крайне осторожно пытался наводить справки о Вас и Вашей семье. С трудом удалось узнать только, что комдив Василенко арестован ещё в 1938 году и что судьба его неизвестна.

На Дальнем Востоке я задержался ненадолго, вскоре меня направили на учёбу в Свердловск, в закрытую спецшколу. А по окончании зачислили на курсы разведчиков-диверсантов, под Ленинградом. Назревали финские события.

Всё это время я был под жёстким контролем, по сути отгороженным от реальной жизни. До сих пор не понимаю, как мне удалось сохранить бумаги из лагерных сейфов.

Панарин неожиданно захрипел и закатил глаза. Срочно нужно было звать врача. Но неожиданно это оказалось для меня невозможным. Я смотрел на теряющего сознание раненого офицера и... не мог пошевелить и пальцем.

Позже стало понятно, что я испытал сильнейший эмоциональный шок, слушая исповедь особиста, – шок, который ввёл меня в состояние протрации, при которой тело не воспринимало, видимо, сигналы мозга. А возможно, сам мозг в этот момент был не в состоянии подавать команды телу. Но что удивительно, всё, что говорил Панарин, я не только отчётливо слышал, но и фактически запомнил, слово в слово, со всеми деталями и даже с интонацией рассказчика.

Панарин открыл глаза на несколько секунд раньше, чем в себя пришёл я.

– Виктор Данилович! – С трудом прошептал он. – Время вышло. В моём планшете серый пакет, там все бумаги. Извините, что не смог найти Вас раньше. Проклятая война. Но теперь могу умереть с чистой совестью. А Рыжик тоже где-то в действующей армии, на фронте. Это точно. Только не знаю где. – Голос Панарина становился всё слабее. Последнюю фразу я еле услышал.

– Дай Бог, чтобы девочки были живы! – Особист откинул голову на подушку и снова захрипел.

На мои крики прибежал врач. Склонившись над раненым, рукой указал мне на дверь. Я взял планшетку, лежащую на тумбочке, и вышел из палаты.

Панарин умер через два часа. Об этом мне сообщил по телефону начальник госпиталя полковник Григорян.

И вот, Володя, держу я в руках тот самый серый пакет, а, вернее, толстый конверт из планшета майора Панарина, и поверь мне, никак не могу решиться вскрыть его. Хотя я знаю, что именно хранится в нём. Понятно, что сейчас мною руководит не страх. Скорее, это необходимость принять принципиальное решение, наметить пути дальнейших действий. А уже потом вскрывать конверт.

Решение пришло, в конце концов. Можно было, конечно, написать письма в Дальлаг, в Гулаг, в НКВД, наконец. Рассказать о том, что теперь достоверно известно, и потребовать немедленного освобождения жены и дочери. Можно было даже просить вмешательства Генерального прокурора. Но надеяться на почтовую связь, сейчас, в военное время, да ещё и в преддверии столь масштабных событий, здесь, на Курской дуге?

Нужна была альтернатива, хотя я не отвергал идею писем, как говорится, на корню. А альтернатива у меня теоретически была только одна. И я знал, что мне делать.

Я вскрыл, наконец-то, конверт.

Из нескольких листов, сложенных пополам, выпала небольшая, служебного формата, чёрно-белая фотография. С неё на меня пристально и как-то непривычно смотрел мой старый знакомый, Апполинарий Мокеевич Рыжик. Непривычно, ибо здесь, на фото, он, естественно, не моргал. Но снимок не мог избавить его лица от кривой, как бы приклеенной, улыбки. Да и глаза его, напряжённо прищуренные, с чёрными точками зрачков, исторгали такую дьявольскую энергетику, что мне стало страшно. На

меня будто повеяло могильным холодом. Один только вид этого зверя в человеческом облике способен был убить во мне веру, что девочки живы. Однако сдаваться и опускать руки не входило в мои намерения.

Заранее созвонившись, я поехал в Особый отдел армии, к генералу Дворникову. Кратко, но исчерпывающе изложил ему свою ситуацию со всеми известными мне деталями, показал бумаги, полученные от Панарина, и попросил спасти жену и дочь, если они, конечно, были ещё живы.

Дворников по высокочастотной линии связи позвонил в Москву кому-то из руководства и настоятельно попросил, уже от своего имени, срочно связаться, через Дальлаг, непосредственно с лагерем, чтобы, пока будет оформляться документация, Евгении и Елене была обеспечена защита и нормальные бытовые условия.

И ещё, неожиданно для меня, генерал попросил прислать ему исчерпывающие данные на Апполи-нария Рыжика.

На следующий день, четвёртого июля, я получил из штаба запечатанный пакет, который надлежало вскрыть в присутствии штабного офицера-порученца, доставившего его.

Приказ, находившийся в пакете, предписывал срочное приведение частей вверенного мне корпуса в полную боевую готовность и скрытную передислокацию на позиции, обозначенные в документе.

Ранним же утром пятого июля началось сражение, вошедшее в историю, как «битва на Курской

дуге». Боевых действий такого масштаба история ещё не знала. Никогда ранее, да и потом тоже, не противостояли друг другу такое количество войск, особенно танковых частей. Ожесточённые бои продолжались, не затихая ни на один день, почти до конца августа.

Тем удивительнее было, что через несколько дней после нашей встречи с Дворниковым, генерал сам прибыл на мой командный пункт. Конечно, у него были свои дела на всех участках фронта, но я уверен, что приехал он из-за меня.

Привёз же мне генерал Дворников страшное известие. Из Москвы ему сообщили, что по данным Дальлага, заключённые Евгения Васильева, такого-то года рождения, и Елена Васильева, такого-то года рождения, умерли девятого мая 1939 года, о чём в лагерном архиве хранились соответствующие акты.

Дворников, я думаю, понимал, что своим сообщением мог выбить меня из колеи, лишит воли и сил в крайне драматичный и решающий момент войны, но генерал был профессиональным военным и, видимо, считал, что ответственность, долг перед отечеством должны отодвигать на второй план даже личные трагедии. Он считал себя обязанным сообщить мне правду, какой бы тяжёлой она ни была для меня.

Нельзя было не отнестись к поступку генерала с уважением и благодарностью.

А ещё Дворников передал мне лист бумаги, на котором было от руки написано, что А.М.Рыжик в начале 1940 года переведён из Дальлага в распоряжение центрального аппарата НКВД, в Москву,

где прошёл стажировку. В июле 1941 года направлен в распоряжение Особого отдела формирующегося Резервного Фронта, откуда совсем недавно, в июне 1943 года в чине подполковника отбыл на Северо-западный фронт. О его местонахождении на сегодняшний день данных нет.

К сожалению, опасения, мучившие покойного майора Панарина ещё в лагере, сейчас оказались трагической реальностью уже для меня. И ошибаются, Володя, мои соседи и друзья, думая, что известия о судьбе моих девочек я получил совсем недавно. Это не так.

После Двадцатого съезда КПСС, когда всю работу вели комиссии по реабилитации, когда при необходимости, как в моём случае, проводили тщательные расследования, я действительно получил официальный документ. Из него следовало, что Евгения и Елена ВАСИЛЕНКО действительно умерли девятого мая 1939 года в учреждении номер такой-то Управления Дальлаг от обморожения и захоронены в соответствии с существовавшими правилами. Точные данные о захоронении отсутствовали.

А боль, гнездившаяся в моей душе, наряду со страхом и надеждой со дня моего ареста, стала в июле сорок третьего года постоянной и полноправной частью моей плоти и сознания. В тот день, день встречи с генералом Дворниковым на передовой. Ибо именно в этот день умерла надежда и ушёл страх.

Шла война, Родине был нужен мой боевой опыт и мои знания. Я полностью подчинил себя обязанностям командира корпуса, будто растворившись в самой важной идее – победить ненавистного врага!

И с болью я постепенно свыкся.

Я убедил себя, что девочки мои живы, в безопасности, просто находятся далеко отсюда, далеко от ужаса и безумств войны. Надо только запастись терпением, война закончится нашей победой, а в этом никто из нас, Володя, не сомневался, и вот тогда состоится долгожданная наша встреча.

Я почти поверил в реальность придуманной мною сказки... если бы не Рыжик, мысли о котором не покидали меня. Вот кончится война, думал я, посвящу себя полностью поискам убийцы, разоблачу его и добьюсь самого сурового наказания.

В конце дня ожесточённость боёв стихала, что было делом естественным. Так или иначе, но ночь вступала в свои права. Для меня же эти недолгие часы относительного затишья становились тяжёлым испытанием.

Изношенный, выжатый за день, как лимон, организм нуждался в отдыхе, во сне. Но стоило только прикрыть глаза, как передо мной тут же возникала отвратительная физиономия Апполинария Рыжика.

Упырь с маленькими, постоянно моргающими глазками, с пустыми чёрными зрачками и покрасневшей кожей век, с кривой, злой улыбкой, будто материализовывался из ниоткуда и выглядел пугающе реалистичным. Рука моя инстинктивно тянулась к кобуре пистолета.

С трудом мне удавалось изгонять его из своего сознания, но, как правило, ненадолго. Через некоторое время он возвращался, снова поселяясь внутри меня, а скорее всего, вообще никуда не уходил, пережидая где-то в лабиринтах моей подкорки.

Чтобы не сойти с ума, я стал искать убежище, где можно было бы на время спрятаться от изнуряющих меня мыслей и видений. Или искать способ побега от них.

Спирт оказался этим способом, самым простым и доступным. Ибо на фронте, тем более во время активных боевых действий, проблемы с ним не было никакой.

Спирт, привозимый в войска для так называемых «наркомовских ста граммов» был питьевым, то есть слабее медицинского. Его, как правило, не разбавляли водой. Я тоже приноровился пить чистый спирт.

Как правило, прежде чем улечься на раскладную медицинскую кровать, выделенную мне полковником Григоряном, стоящую за ширмой здесь же, на моём командном пункте, я выпивал два стаканчика спирта. Это было моей нормой.

Алкоголь не вызывал чувства опьянения, но давал мне передышку, на время отключая сознание, освобождая меня от тяжёлых размышлений и поселившихся в подкорке бесцеремонных призраков, в первую очередь – от Апполинария Рыжика.

Мне хватало этого времени, чтобы провалиться в чёрный, бездонный колодец сна. Сна без сновидений.

Вот и в тот вечер я выпил свою дозу «наркомовского» спирта, два стаканчика, один за другим, с небольшим перерывом. И лёг на крайне неудобное приспособление, называемое раскладной кроватью. Не исключено, что мифическое прокрустово ложе было более комфортным, чем моя раскладушка. Но комфорт для меня не имел значения.

Значение имел лишь тот самый ночной «побег». Опустив веки, я лежал в его ожидании.

Но что-то пошло не так. Совсем не так, Володя, как обычно.

Замигав, погасла маленькая, слабая лампочка, освещавшая комнату в бывшем правлении колхоза, где находился мой командный пункт и где я, по сути дела жил. Электричество подавалось по временному «воздушному» проводу и постоянные проблемы с ним были не в новинку.

Но через несколько мгновений лампочка за-светилась вдруг необычно ярким, удивительным голубым свечением. Настолько ярким, что оно ослепило меня, как только я открыл глаза. Пришлось прикрывать лицо ладонью.

Я попытался встать, но из этой затеи ничего не вышло. Моё тело будто привязали к раскладушке невидимыми и очень крепкими нитями.

Глаза понемногу привыкали к голубому свету, я стал различать предметы вокруг себя.

И с удивлением обнаружил, что ничего теперь не напоминает былую убогую обстановку моего пристанища.

Куда девались обшарпанные, грубо оштукатуренные стены? Где оконные проёмы с выбитыми стёклами, дверь в комнату, наконец? Исчезло всё: рабочий стол, колченогие табуреты, телефоны обычной связи и ВЧ, металлический шкаф, где хранились оперативные карты и штатные мои – автомат ППШ, каска и противогаз. Исчезла ширма, отделяющая закуток с моей раскладушкой. Раскладная кровать была, очевидно, единственным сохранившимся предметом.

Стояла она в центре незнакомого помещения, без окон и дверей, с идеальной геометрией стен и потолка, поверхность которых матово отсвечивала в голубом свете. Тишина в помещении была полной, неестественной даже. Казалось, что материал стен, полов и потолка гасил любые, даже слабые звуки. Я откашлялся, но не услышал себя.

И воздух был необычным. Холодным и чистым, будто насыщенный кислородом, причём холод ощущался только при дыхании, как факт, как повод для констатации этого факта, но при этом тело моё его не чувствовало, никакого дискомфорта холодный воздух не вызывал.

Я пытался понять, что же происходит со мною, выстраивал различные версии, от возможного коварного действия алкоголя до внезапного провала в непривычные для последнего времени сновидения.

Ничего другого я предположить не мог, ибо, будучи атеистом, исключал для себя даже теоретическую возможность чьего-либо вмешательства извне.

Размышляя таким образом, я вдруг почувствовал, именно почувствовал непонятным мне и знакомым ранее образом, где-то внутри моего сознания, на уровне подкорки, что в помещении, в странной этой капсуле, я уже не один.

Нет, Володя, людей я не видел, я не видел даже очертаний их фигур, и вообще, кто знает, а были ли они людьми в привычном для нас земном понимании. Но я их чувствовал, и это было бесспорным фактом.

Их было семеро. Они стояли вдоль стены, напротив меня. И тот, кто стоял в центре, заговорил. Опять не совсем верно. Он не заговорил в прямом

смысле слова, то есть ни один звук так и не нарушил тишины стерильного воздуха моего нового убежища.

Но я готов под присягой подтвердить, что слышал ровный, негромкий мужской голос, чётко и внятно произносивший слова, собранные в отлично выверенные логичные, ясные, я бы даже сказал, элегантные фразы.

Прошло уже много лет, Володя, но я и сегодня помню слово в слово то, что услышал той удивительной ночью.

Смысл же услышанного сводился к тому, что любое зло должно быть безусловно наказано, причём с учётом двух векторных точек: точки пространства и точки времени. То есть, и я это понял, возмездие должно было настичь преступника здесь, на планете Земля, в течение определённого срока, соотносимого с длительностью моей и его жизнью.

Имени Апполинария Рыжика никто не озвучивал, но было ясно – речь идёт именно о нём.

Ещё мне было сообщено, что Суд по делу состоялся, мне же оказывалось великое доверие – я получал статус Проводника, а это было очень почётно и ответственно, и именно я был обязан привести в исполнение смертный приговор, который был вынесен ему. Так гласил Закон. «Зло, совершённое на Земле, и караться должно только на Земле, руками Проводника-землянина».

И надо запастись терпением. Встреча с преступником состоится не сейчас, а спустя годы. Но обязательно состоится. Надо быть готовым к ней. И не забывать, что у Рыжика есть могучие покровители на другой, тёмной стороне миропорядка. Этот фактор ни в коем случае нельзя сбрасывать со счетов.

Поэтому в помощь мне будет выбран молодой человек, для подстраховки в любой ситуации и возможной, в особых случаях, подпитки моего энергетического ресурса.

Уверен, что это именно ты! Но я понял всё, забегая вперед, не в момент нашей первой встречи, а чуть позже. Я получил знак – в клинике, в моём сознании кто-то прокрутил киноплёнку с событиями того дня, когда Рыжик, а, вернее, его покровители, наслали на меня рогато-копытную рать, и я, в шоке, позвонил в вашу дверь. Просмотр расставил всё на свои места.

Но самым важным явилось известие, что мне предстоит встреча с моими девочками, потом, в другом измерении, когда и я сброшу свою земную биологическую оболочку. Только это обязательно должно произойти в строго назначенный срок. И здесь мне тоже понадобится запас терпения.

Проснулся я, а скорее, пришёл я в себя, Володя, на рассвете, когда совсем недалеко, километрах в трёх от командного пункта корпуса, стала «работать» наша тяжёлая артиллерия...

Война давно закончилась, я же, как мне было предписано, терпеливо ждал. После той июльской ночи сорок третьего года, независимо от того, произошло ли всё в реальности или всё-таки это был сон, полностью изменилось моё мировоззрение. Я избавился от идеологических оков и пересмотрел все свои взгляды на жизнь.

Будучи теперь уверенным, что жизнь не ограничена привычными тремя измерениями, я, получив ордер на новую квартиру, первым делом обо-

рудовал комнаты для нас с Женечкой и для Алёны. И я действительно чувствую их присутствие, я явственно улавливаю их энергетические поля, когда они посещают нашу квартиру. Я разговариваю с ними, и это реальное общение. Только я произношу слова, а они отвечают мне или через систему различных знаков, от луча солнца на определённом месте стены, до звякнувшей неожиданно чашки. И, конечно, наше общение регулярно происходит во снах.

И знаешь, Володя, я стал почти счастливым человеком. Я стал спокойно спать, вёл активную жизнь, делал ежедневную зарядку, следил за своим внешним видом, активно посещал все мероприятия Совета Ветеранов, в котором состоял. И ждал. Терпеливо ждал.

Спокойное и размеренное течение времени для меня резко оборвалось три года назад.

Девятого мая, в День Победы мы, ветераны войны, собрались в сквере у Большого театра. Всё, как всегда: радостные возгласы, объятия, музыка. И старые боевые друзья, которых, увы, становилось от праздника к празднику всё меньше и меньше.

Не знаю почему, моё внимание вдруг привлёк седой ветеран в форме полковника, стоявший в нескольких метрах, спиной ко мне. Было ли что-то знакомое в сутулой фигуре незнакомца, или интерес, возникший у меня неожиданно, имел в своей основе нечто совсем другое, нежели обычное любопытство.

Что-то происходило со мной. Сердце отчаянно заколотилось в груди, тело внезапно покрылось холодным потом, хотя всё происходило тёплым солнечным днем.

Я не мог оторвать взгляд от спины и затылка полковника. И он почувствовал мой взгляд.

Медленно-медленно, как бывает в кино, незнакомец стал поворачиваться в мою сторону. Всё моё внимание было сфокусировано на его голове, я перестал слышать звуки, кто-то будто погасил солнечный свет, как люстру, и направил луч света в одну точку, на полковника. Мне кажется, что в этот момент я перестал дышать.

Пытка ожиданием продолжалась, казалось, целую вечность.

Я опустил на мгновение веки, когда же я широко открыл глаза, то увидел, в полной тишине и темноте, как на экране кинозала, знакомое до боли, ненавидимое мною отвратительное смуглое лицо с моргающими глазками, из которых, как оружейные стволы, глядели чёрные пустые зрачки, с кривой, как бы наклеенной впопыхах на лицо, улыбкой.

Передо мной стоял живой, как говорится, во плоти, АППОЛИНАРИЙ МОКЕЕВИЧ РЫЖИК!

Почти не изменившийся с конца тридцатых годов, только поседевший и облачённый в полковничью форму.

Испытал ли я шок? Не знаю, Володя, не уверен. Я ведь знал, что наша встреча обязательно состоится. Но волнение, конечно, испытал сильное!

Тот, кто отвечал за внешнюю среду, так сказать, за декорации, как бы погасил на секунду софит, направленный на Рыжика. Когда же восстановился статус-кво, вернулся солнечный свет, вновь зазвучали привычные и радостные звуки праздника, оказалось, что Рыжика в сквере уже нет.

Факт его исчезновения меня не особо расстроил. Стало ясно – процесс обратного отсчёта запущен. Начинался этап конкретного противостояния, конкретной борьбы двух сил, Добра и Зла. Встреча же моя с Рыжиком являлась лишь началом пути, который мне предстояло пройти, а вернее, пройти его предстояло уже нам с тобой.

Сколько времени было отпущено на всё про всё, я не знал. Но, как говорится, – только идущий осилит путь! И я готовился к долгой и сложной дороге к торжеству Добра, к торжеству Справедливости.

Должен сказать, выражаясь военным языком, война моя с Рыжиком была в основном позиционной, активность приходилась же на начало мая каждого года. Она принимала самые разные, порой экзотические для непосвящённых формы. Одному «боестолкновению», образно говоря, стал свидетелем ты. Согласись, Володя, тогда и ты подумал, что у генерала немного «не того» с головой. Но сейчас ты уже знаешь, что всё было всерьёз и тогда, и вообще. Так что нам с тобой предстоит противостоять очень сильному врагу. И не просто противостоять, но обязательно победить в этой схватке.

Чтобы как-то отвести внимание посторонних от того, что происходило со мной, я и выдумал, а вернее, выбрал для окружающих самую простую версию – мои якобы запои. Ведь в официальной медицине алкоголизм считается разделом психиатрии, и я понимал, что этот мнимый диагноз снимет массу вопросов и даже сможет оказать мне услугу в будущем.

Кстати, в тот день, когда мы познакомились, я был удручен, ибо тот бой с рогатыми, точнее,

с Рыжиком, я явно проиграл, а обещанная помощь так и не подоспела. А то, что мой помощник, моя опора – ты, я понял чуть позже.

Так, что теперь, когда нас двое и одновременно мы как бы одно целое, я совершенно спокоен и в нашей победе не сомневаюсь!

Ну вот, Володенька, кажется, я поведал тебе всё.

Не знаю, сколько времени прошло с момента, когда генерал начал рассказывать мне историю своей жизни, ибо течение времени в привычном нашем понимании, видимо, потеряло смысл.

По мере того, как ровный тихий голос Виктора Даниловича уводил меня из мира реальных ощущений в незнакомое ранее состояние своеобразного анабиоза, притупились почти все чувства, обычно свойственные человеческому организму и сознанию. Я не ощущал своего тела, не зная, к примеру, удобно ли я сижу, меня не беспокоило чувство голода или жажды.

Возможно, я представлял собой, условно говоря, некий прибор, что-то типа приёмной станции, установленной с одной стороны энергетического моста, возникшего между сознанием моим и генерала Василенко. Однако, говоря о приборе, я имею в виду только небывалую концентрацию моего внимания и моих эмоций в процессе нашего с генералом, по сути телепатического общения. И я не был, к примеру, чем-то вроде магнитофона, просто записывающего важную информацию.

Если допустить, что всё, услышанное мною, – правда, значит, мне разрешили очень аккуратно и тактично переступить грань другого измерения.

Слушая рассказ генерала, я будто находился в тёмном пространстве, отсекавшим от меня всё, что было вокруг и что могло быть лишним в нашем общении: предметы, звуки, посторонние мысли.

Через какое-то время, помимо голоса Виктора Даниловича, перед моими глазами вдруг прямо в темноте стали возникать различные живые картинки, яркие и чёткие, слегка пугающие своей реалистичностью и качеством изображения. Напомнившие мне кадры из фильма, который я недавно смотрел в стереокино, в гостинице «Москва».

Я видел красную конницу, несущуюся во весь опор по жёлтой степи, молодого бойца с азартом размахивающего саблей, наблюдал с высоты птичьего полёта за скопищем огромного количества бронированных монстров с красными звёздами и белыми крестами на бортах, беззвучно плюющих огнём друг в друга. Шёл ранним утром по поверженному, разрушенному Берлину, пытаюсь сквозь дым рассмотреть крохотную точку флага Победы над куполом рейхстага.

Любовался рассветом в горах, сидя на влажном от росы, замшелом валуне. Мёрз при виде бескрайних заснеженных лесов, где копошились на лесоповале кажущиеся издалика маленькими, игрушечными фигурками заключённые лагеря. И ещё я увидел фотографии Женечки и Алёны.

Но самое главное, что меня потрясло – так это лицо Апполинария Рыжика! Ведь я действительно когда-то видел этого человека, именно его в своих снах много лет назад! Мистика какая-то, но это было правдой!

Так что теперь я, как и генерал Василенко, знал в лицо его заклятого врага.

* * *

Впоследствии я часто возвращался мысленно к тому удивительному погружению в неизведанное, пытаюсь понять, что изменилось во мне после памятного дня, проведённого в квартире генерала Василенко.

Внешне всё оставалось как бы по-прежнему; я готовился к экзаменам, ежедневно мотаясь из центра Москвы на Донскую улицу, где находился ВУЗ, или просиживал часы в библиотеках.

Генерал продолжал кормить по утрам голубей и максимум, что я успевал сделать, пробегая мимо, так это приветливо помахать ему рукой в ответ на добрую улыбку.

Закрутившись в вихре абитуриентских забот и эмоций, в суете, волнениях и стрессах вступительных экзаменов, порой я, как мне казалось, забывал о новом своём, необычном и очень ответственном статусе, о своих обязательствах перед... Обязательствах? Перед кем? Перед Виктором Даниловичем? А разве я давал какие-либо обязательства? Вряд ли, ведь генералу, с его слов, самому предстояло выполнить особую миссию, доверенную Свыше. И моя скромная роль, не иначе как была определена там же, и потом доверена мне.

Если, конечно, всё, что поведал мне генерал, не было бредом, плодом воспалённого, большого его воображения! Но почему тогда я был склонен

принять слова Виктора Даниловича как истину? А может, он обладал даром гипноза?

У меня лопалась голова, я не мог во всём этом разобраться, принять решение, и потому злился!

Но проблемы моего поступления в институт, как и мои сомнения, занимали меня только днём. Ночами же со мной происходили удивительные вещи: засыпая в квартире Капитолины Леонардовны, в центре столицы, на улице имени Мархлевского (до сих пор не знаю, кем был этот самый Мархлевский и за какие заслуги в его честь назвали улицу в самом центре Москвы), я просыпался... нет, не просыпался, а скорее, приходил в себя в новой реальности, в новых, так и хочется сказать, декорациях. Хотя то, что происходило со мной, ни театром, ни сном не являлось.

Я свободно перемещался во времени, оказываясь участником самых разных совершенно реальных, по ощущению, событий

Всё происходило, я почти не сомневался, наяву. Только, к сожалению, я не видел себя со стороны и не знал точно, в чьём обличье я выступал, в своём или Виктора Даниловича. Да это, собственно, было и не важно, главное было вместе довести порученную миссию до логического конца.

Можно сказать, что я прорабатывал, проигрывал варианты возможного развития событий. Ситуации были разными, разным был антураж, да и действующие лица постоянно менялись. Единственное, что повторялось, и это было главным, в странных этих своих ночных путешествиях я выслеживал, отлавливал в коридорах Времени злодея Апполинария Рыжика.

И приводил в исполнение Приговор!

Возможно, всё это было подготовительным этапом, репетицией, поиском оптимального решения и одновременно способом запутать неприятеля.

* * *

Вступительные экзамены в институт я сдал довольно успешно, но, увы, по конкурсу не прошёл. Многоступенчатая система приёма на льготных условиях плюс невероятное количество абитуриентов, претендующих на каждое учебное место популярнейшего в стране факультета, практически не оставляла возможности недавнему школьнику поступить на дневное отделение. Если, конечно, он не обладал так называемым «лимитом» от республики, либо не входил в ближний круг высоких чиновников.

Отсутствие моего имени в списках зачисленных расстроило меня, хотя я прекрасно понимал, что шансов поступить у меня не было с самого начала.

В Москве мне делать было уже нечего, я купил билет на самолёт, собрал одежду и книги в старый отцовский чемодан, и пошёл прощаться с Виктором Даниловичем.

Дома генерала не оказалось. Не нашёл я его и во внутреннем дворике дома, где он часто читал газеты, сидя на одной из двух колченогих скамеек.

И вторая моя попытка увидеть генерала перед отъездом, к сожалению, не увенчалась успехом.

Мы присели по старому обычаю перед дорогой с Капитолиной Леонардовной.

Добрая и эмоциональная хозяйка квартиры всплакнула, картинно прикоснулась кружевным

платком к влажным глазам, обняла меня и протянула мне пакет. В дороге пригодится, как сказала она.

Я догадывался, что было в пакете: любимые её конфеты «Кара-Кум».

Тёплый сухумский сентябрь пролетел незаметно, в октябре же меня призвали в армию. Отчизне нужно было отдавать долг!

Служить меня занесло на Север, в Мурманскую область, в часть, стоявшую недалеко от города Кандалакша. Ребята в части подобрались отличные, о дедовщине в те годы ещё не знали, так что служилось мне достаточно комфортно. Если бы, конечно, не было так холодно.

Стали понемногу уходить в прошлое оттесняемые свежими впечатлениями воспоминания о совершенно безумном лете 1963-го года, о международном кинофестивале, о танце со звездой экрана, о трагичной и одновременно трогательной судьбе Виктора Даниловича Василенко.

Когда-то, в юности, подслушал я забавный диалог, прозвучавший, правда, на фоне грустного события, в зале народного суда. Осуждённый мужчина примерно так успокаивал бьющуюся в истерике свою супругу:

– И чего ты дура мычишь? Подумаешь, десять лет! Ерунда! Всего десять раз зацветут наши помидоры. И я уже буду дома!

А вспомнил я эти слова в вагоне поезда «Мурманск-Москва». Действительно, ерунда! Зацвёл, образно говоря, всего три раза чей-то помидорный куст, и вот тебе – Дембель!

Поезд прибывал на Ленинградский вокзал Москвы в шесть утра, а покинуть столицу мне предстояло на другом, сухумском поезде, который уходил с Курского вокзала вечером, без чего-то восемь.

Метро уже работало. Я без проблем перевёз на Курский вокзал нехитрый свой скарб, сдал его в камеру хранения, перекусил в вокзальном буфете и отправился гулять по Москве, благо, времени у меня запаса было много.

Лёгкий сухой московский морозец воспринимался кожей моей после трёх лет на Севере как жаркий воздух тропиков. Вокруг деловито шумела столица, куда-то спешили люди на её улицах, кто пешком, а кто в переполненных синих «окуджавовских» троллейбусах и поездах метрополитена.

Прогулка доставляла мне истинное удовольствие, а знакомые московские пейзажи активировали память. И она с радостью извлекала из глубин своих яркие – то весёлые, то с оттенком грусти – воспоминания о событиях весны и лета 1963 года.

Ноги сами привели меня на улицу Мархлевского.

А вот и генеральский дом. Что-то защемило в груди, и я будто застыл перед массивными, очень знакомыми дверями подъезда.

Мне понадобилось некоторое время, чтобы преодолеть внезапно возникшую робость, и войти внутрь.

Вот и нужный этаж. И две двери, расположенные рядом на лестничной площадке, ведущие в две столь разные квартиры, ставшие когда-то знаковыми для меня.

Сердце забилося часто-часто, когда я остановился у квартиры Виктора Даниловича. На лбу почему-то выступил пот, тело охватила слабость. Рука легла на кнопку звонка, но заставить себя нажать на неё я так и не смог.

Убрав пот со лба платком, я шагнул к двери с табличкой «И.С. Дмитрук», откашлялся на всякий случай и позвонил. Из-за двери не доносились никакие звуки, но через несколько секунд, о радость, изнутри в замочной скважине провернули ключ, щеколда характерно клацнула, и дверь отворилась.

На пороге стояла, широко раскрыв глаза от удивления, Капитолина Леонардовна.

Милая, милая моя генеральша, как же искренне она обрадовалась, увидев меня. И хоть театральные манеры былой моей квартирной хозяйки никуда не делись, радость была неподдельной, это факт.

Глаза Капитолины Леонардовны стали влажными, она крепко обняла меня в дверях, и, схватив за рукав, потащила внутрь квартиры. Причитая при этом, как обычные сельские старушки, от образа которых генеральша обычно дистанцировалась. Помогла мне снять шинель, усадила в кресло в гостиной, выставила вазочку с «Кара-Кумом», сама же легко, как девочка, понеслась на кухню.

Журнальный столик скоро был заставлен тарелочками и вазочками с разной вкусной едой, в центре красовалась бутылка марочного крымского муската. Я не был голоден, но отказать хозяйке дома, не оценить её гостеприимства я не имел права.

Женщина всё расспрашивала меня об армейской жизни, о самочувствии родителей, о планах на будущее. И я подробно, обстоятельно отвечал.

Хорошо зная свою собеседницу, я видел, что и ей не терпится рассказать мне нечто важное. Я пожалел Капитолину Леонардовну и произнёс:

– Что это мы всё обо мне, да обо мне? Расскажите-ка и Вы, что нового в Москве, в доме нашем произошло за три года моего отсутствия?

Этими двумя фразами я, будто повернув некий вентиль, открыл шлюз потоку новостей, среди которых одна имела для меня судьбоносное, можно сказать, значение.

– Володенька, много чего случилось за время твоего отсутствия. Ты помнишь генерала Карнаухова, со второго этажа, Андрея Ильича? Не помнишь? Не знал? Неважно, у генерала был сын, полковник, он служил в Норвегии, был нашим военным атташе.

Капитолина Леонардовна зачем-то оглянулась по сторонам, приблизилась ко мне и шепотом сообщила:

– Завербовали его там, шпионом сделали, изменником Родины. Так вот. Наши, говорят, его выследили, вызвали в Москву, чтобы арестовать, а он, сволочь, догадался, видимо, и сбежал в Америку.

Это такого-то отца сын, героя войны! Андрей Ильич в ЦК ходил, партбилет сдать намеревался, только сказали там, что его личной вины в случившемся нет, и билет у него забирать не стали. Так он заперся в квартире и не выходит. Совсем не появляется, ни на улице, ни в дворике.

Но это Володя, мелочи, цветочки, как говорится. Главную новость расскажу, так ты не поверишь! Правда, не поверишь! Смертоубийство!!! Да, да!

Убийство человека! И кто убийца? Виктор Данилович Василенко!!! Как тебе такая новость?!

Слушай же! Я постоянно помогала Виктору Даниловичу то с уборкой, то с глажкой. Бывала у него в квартире часто.

Оборудовал он в своём кабинете небольшую мастерскую. А что он там ремонтировал или мастеририл, я понятия не имела. Кстати, пока тебя не было в Москве, те самые майские обострения продолжились. Но к этому все давно привыкли, тем более, что проблем генерал никому не доставлял.

И вот, Володенька, сиянс, что по-французски означает – внимание, – наступают майские Праздники. Это, Володя, в прошлом году. С Виктором Даниловичем всё в порядке, на удивление.

Девятого Мая генерал утром бреется, облачается в парадный мундир и едет, как бывало раньше, до болезни, по традиции к Большому театру. А после встречи у театра идут ветераны в кафе, отпраздновать День Победы.

Выпили старички по сто граммов, как на фронте, за Победу, помянули, наверное, друзей своих, не доживших до этого дня, всплакнули немного и стали расходиться по домам.

И тут вдруг подходит генерал Василенко к соседнему столику, где тоже сидели ветераны, подзывает какого-то полковника и выходит с ним на улицу. Мне, Володя, так подробно всё это рассказал один из тех, кто находился в компании Виктора Даниловича в тот злополучный день.

Так вот! Выводит, значит, наш генерал этого полковника на улицу, за угол кафе, и ставит спиной

к стене. Сам же отходит на несколько шагов, и достаёт из кармана на глазах изумленных друзей... Что бы ты подумал, Володя?! Никогда не догадаешься! Даже и не пытайся!

А достаёт генерал Василенко, – тут рассказчица широко открывает глаза и, выждав, очевидно, для усиления впечатления паузу, громко, по слогам, произносит, – РО-ГАТ-КУ!!!

Ошеломлён?! И я была в шоке, когда узнала! Да, да, обычную, в принципе, детскую рогатку. Потом, правда, выяснится, что сделал он её своими руками, в этой самой домашней мастерской, из железа, что ли, выточил. Я в рогатках не разбираюсь, знаю, что заготовил он к ней шарики металлические, говорят – от подшипника.

И пока присутствующие удивлённо переглядывались, Виктор Данилович прицелился в полковника, выкрикнул:

– Сдохни, нечисть! – и запустил тому в голову стальным шариком!

Рассказывают, что голова несчастного разлетелась буквально на куски.

И ведь тот даже и не пробовал уклониться или убежать. Стоял, как изваяние, молча. Обмочился, говорят перед смертью, от страха, видимо.

Шум, крики, паника, милиция! Кто-то вызвал скорую, так ей оставалось только забрать труп. Виктора Даниловича милиция отправила в комендатуру, откуда он угодил снова в госпиталь, к доктору Брусникину.

Уже потом я узнала, что полковник этот – бывший особист, до войны был лагерным надзирателем, вертухаем, как их называют. И что на совести его

десятки загубленных жизней. И что именно он повинен в смерти жены и дочери генерала Василенко. Я, Володя, даже запомнила его фамилию – Рыжик!

Медсестра Катя, которая навещает своего подопечного, рассказывала, что на вопрос доктора, почему генерал убил особиста, тот поправил Брускинина, утверждая, что никого не убивал, а лишь выполнял возложенную на него миссию, приведя в исполнение приговор Суда.

Виктора Даниловича через полгода из лечебницы-то отпустили, признав официально, что опасности он для общества не представляет. Подлечили его капитально, ибо ведёт он себя очень тихо, живёт замкнуто, хотя, как и раньше, доброжелателен ко всем.

На прошлый День Победы, в этом году, ничего необычного с ним не происходило. Ходил к Большому Театру, но, как говорили, не пил ни грамма спиртного.

В тёплые дни он иногда отдыхает в скверике и будто ведёт размеренные долгие разговоры с невидимыми собеседниками, ибо, кроме него, на скамейке в этот момент больше никого не наблюдается. Говорит он обычно очень ласково, даже нежно и часто улыбается. И я догадываюсь, с кем он общается в эти минуты и что происходит в его душе!

Дорогая Капитолина Леонардовна, но разве Вы могли догадываться, что происходит сейчас в моей душе! Если бы только Вы знали о тех воистину фантастических событиях, произошедших с момента моего знакомства с генералом Василенко! А ведь Вы оказались в той или иной степени причастны к тому,

что связало судьбы Виктора Даниловича Василенко, Вашего покорного слуги и Апполинария Рыжика в сложнейший, запутанный, мистический узел.

И что генерал действительно выполнял миссию, теперь в этом нет ни грамма сомнения, и что именно ему было предназначено поставить последнюю точку в истории Рыжика. И он её поставил! Стальным шариком от разобранного подшипника!

Следовательно, и моя встреча с Рыжиком в горах произошла не во сне, как я был почти уверен, а являлась одной из тех самых репетиций! А значит, я действительно оказался причастен к сложнейшей этой истории, более того, играл в ней определённую роль!!!

РОГАТКА!!! Ну не может же быть таких совпадений! Не может!

Я не имею, к сожалению, права, Капитолина Леонардовна, открывать правду, даже слегка изменённую и облечённую в какую-либо иную форму, похожую на реальность, никому, в том числе и **Вам**, милый мой человек! Не обессудьте!

Мысли эти вывели меня из состояния некоей протрации, в которой я находился, слушая рассказ хозяйки квартиры.

Осенние и зимние дни коротки. Вот и сейчас я с удивлением заметил, что за окнами начинает темнеть, и комната погружается в полумрак. Долго же мы просидели за разговорами!

Время же неумолимо отсчитывало положенные часы, минуты, секунды, приближая грядущий мой отъезд. Пора было прощаться.

Капитолина Леонардовна не скрывала слез. В дверях она крепко обняла меня, расцеловала и сунула в руки сетчатую авоську, заполненную свёртками с едой. Уверен, что без «Кара-Кума» не обошлось и на этот раз.

Я прошёл по мраморному полу площадки к лестнице, спустился на несколько ступенек и... Нет, не мог я так просто закрыть такую важную страницу моей жизни, уехать, не попытавшись увидеть Виктора Даниловича!

Громкая трель электрического звонка заполнила своим то ли тревожным, то ли радостным переливом, казалось, весь внушительный объём лестничных маршей генеральского дома.

Дверь моментально распахнулась, будто хозяин квартиры ожидал моего звонка, стоя за ней!

– Заходите! – Не давая мне открыть рта, произнёс генерал.

Он широко и тепло улыбался мне, однако казалось, что смотрит как-то странно, непривычно, будто мимо или сквозь меня. Так обычно улыбаются незнакомым людям. И потом, почему – заходите, а не заходи?

– Виктор Данилович, здравствуйте! – негромко, борясь с комком в горле, произнёс я.

– Хотя я и не в форме, ко мне следовало бы обратиться по уставу, а именно – товарищ генерал! Ну ладно уж, давайте, – мягко упрёкнул меня хозяин квартиры, протягивая руку.

Заметив моё замешательство, удивлённо спросил:

– Так Вы не из “Военного обозрения”? Нет? А, Вы, наверное, к Елене Викторовне. Так её сейчас нет дома.

Спазм в горле становился невыносимым. Ещё немного, испугался я, расплачусь, как ребёнок. Виктор Данилович не узнал меня!!! И этот факт вызвал у меня шок!

Неуклюже извиняясь якобы за ошибку в номере квартиры, я с трудом выдавил из себя:

– Разрешите идти, товарищ генерал? – И получил в ответ тоже уставную фразу, смягчённую улыбкой, – Идите, товарищ солдат!

Я медленно спускался по широкой лестнице, с трудом переставляя неожиданно ставшие будто ватными ноги. И пытался понять, прочувствовать ситуацию, стараясь не подходить к ней с привычными обывательскими мерками.

Как же мне воспринимать тот факт, что меня не узнал человек, с которым судьба связала такими прочными, такими необычными узами? Ведь ничего подобного я ранее представить себе не мог. И как можно было забыть то, через что мы прошли вместе?!

Так рассуждал я, один из участников всей этой мистической, фантастической драмы.

Но в ней, в этой драме у меня и у Виктора Даниловича были всё-таки разные роли. И совсем разные судьбы были predeterminedены каждому из нас – как и до, так и после нашей с ним встречи. Именно здесь, понял я, и лежит ключ, реальное объяснение всему.

И было важно для меня, да и для генерала тоже, получить ответ на простой, в принципе, вопрос, кого же я встретил всего несколько минут тому назад?

Сомнений тут не было – я общался со счастливым человеком!!! Да, Виктор Данилович Василенко обрёл наконец-то покой и счастье. И что было поразительным и одновременно вполне объяснимым, так это то, что генерал жил жизнью счастливого семейного человека.

Я вспомнил радостные слова Виктора Даниловича об общении его с женой и дочерью, в памяти встал и рассказ Капитолины Леонардовны о долгих разговорах генерала в скверике с невидимыми якобы собеседниками.

И вдруг меня пронзила мысль! Ведь что-то очень удивило меня, когда я вошёл в прихожую Виктора Даниловича. И как только я не понял этого сразу?!

Я ведь был в квартире, где ощущалась та самая женская аура, об отсутствии которой здесь я когда-то размышлял. Она явно витала в воздухе! И новые для меня, порой мелкие детали интерьера только подтверждали это.

Бронзовые бра с кокетливыми абажурчиками излучали уютный рассеянный свет, на стенах в деревянных рамочках висели фотографии, которых не было раньше, а на декоративной полке, также висевшей на одной из стен, появились небольшие фарфоровые статуэтки...

Я вспомнил немного подзабытую теорию двух векторов жизни человека, о которой читал в юности и которая тогда произвела на меня неоднозначное впечатление: с одной стороны, вроде как неприемлемая для атеиста ерунда, с другой – как очень заманчивая и желанная сказка.

В ней говорилось, что когда эти два вектора – вектор времени и вектор пространства – пересекаются в назначенной точке, земная жизнь заканчивается, человек сбрасывает биологическую оболочку и переходит в другое измерение, где продолжает жить бессмертная его душа.

Сейчас я точно знал, я был уверен, что вектор пространства Виктора Даниловича Василенко достиг искомой точки и замер в ожидании. Вектор же времени потерял для генерала значение, ибо зло было наказано, справедливость восстановлена, ему вернули самое дорогое в его жизни! И он обрёл долгожданное счастье и душевное равновесие!

Совсем не стоило напоминать о некоторых сложных и неприятных событиях, и, следовательно, из памяти генерала стёрли и их, и людей, могущих невольно нарушить душевный его покой.

Но, на самом деле, время продолжало движение в направлении той самой точки. И поскольку понятие времени и ход его движения субъективны и относительны, не за горами тот волшебный миг встречи, когда утомлённая, но счастливая душа генерала сбросит, наконец, бременное своё земное тело, взлетит вольной птицей над планетой Земля и с радостью устремится по звёздному мосту в далёкие и неведомые миры, где ждут его молодые, красивые Женечка и Алёна!

С годами из памяти стираются полностью или частично многие события, участниками или свидетелями которых нам довелось быть. И, наоборот, ряд фактов нашей биографии, так или иначе вписанных в общий ход истории и, следовательно, взаимодействующих с окружающим миром, сохраняются в сознании с пугающей точностью. Более того, с возрастом, по мере накопления нами жизненного опыта и знаний, они, эти факты, приобретают новое звучание и более тонкие оттенки. Начинают высвечиваться ранее скрытые от нас важные нюансы.

Сохраняя изначальную объективную суть, они предстают перед нами теперь под разными углами зрения, становятся предметом более качественного изучения и философского осмысления как раз с высоты прожитых лет и накопленного опыта.

И чем больше времени отдаляет меня от тех странных, мистических моментов моей молодости, от фантастической, по сути, истории, начало которой положила та неожиданная встреча с генералом Василенко девятого мая 1963 года, в день Праздника Великой Победы, тем чаще и настойчивей обращаюсь я к ней из года в год, в надежде постичь истину, получить ответы на вопросы, не дающие мне покоя уже много десятилетий.

Вопрос первый: почему я?

Правда, не уверен, что этот вопрос главный. Ну, узнаю я, в конце концов, почему! Разве что-либо изменится кардинально в моей жизни? Ведь возможность корректировать события прошлого отсутствует. Да и зачем? Но вопрос остаётся.

Гораздо важнее для меня другое: а что это было на самом деле? Что происходило со мной на протяжении определённого отрезка времени?

Возможно, я столкнулся с явлением, известным науке как раздвоение личности. Следовательно, на каком-то этапе возникал некий alter ego, альтернатива реальной моей сущности, при этом основная, привычная моя сущность оставалась в привычной же биологической оболочке. А как и где действовал тот самый alter ego? И уже сам этот вопрос обрастает новыми вопросами.

Вариант один: всё происходило в другом изменении, в другой реальности, которая мною должна была восприниматься потом как сон.

Вариант второй: мой alter ego материализовывался на время. Следовательно, моё участие в конкретных событиях в различные периоды истории есть путешествие во времени, реальная регрессия в прошлое.

Но в чьё прошлое? Моё, из другой жизни, либо генерала Василенко?

А может, это была временная реинкарнация, обмен сущностями – моей и Виктора Даниловича?

Ну, вот опять я возвращаюсь к истокам, к первому вопросу! Почему я?

Но ответа так и нет!

Снова натолкнувшись в конце цепочки своих рассуждений на некую монолитную стену, скрывающую истину, в очередной раз останавливаюсь на компромиссной теории: надо набраться терпения и ждать, когда там, наверху примут решение открыть правду.

Ну, и наконец, может, на меня действительно была возложена сложная обязанность, но в известной мере почётная: помочь избавить мир от насильника и убийцы. А сам акт приведения Приговора в исполнение не являлся самосудом. Поэтому всё произошедшее должно считаться безупречным с психологической и нравственной точек зрения.

Я надеюсь, что после всего случившегося воздух на планете стал хоть немного, но чище. И это успокаивает меня!

**БОЛЬШОЙ СНЕГ
В ПРЕДДВЕРИИ НОВОГО,
1993 ГОДА**

Кто-то маленький, тёплый, почти неведомый, птенчик какой-то, озорной и смешливый, бесцеремонно распорядился лицом Андрея. Ласково тербил нос, губы и веки. Лёгкие прикосновения эти как бы выталкивали сознание из тёмных глубин сна, лишённого сновидений, наверх, к свету, к ярким краскам летнего утра. Сквозь ресницы Андрей наблюдал за непрошенным гостем. Очертание, абрис птенца были размыты, но бесспорно – он крохотный, золотистого цвета, яркий, как луч солнца. И смеётся заразительно и искренне, как смеются дети. Стало ясно: спать он не даст. Уговаривать птенца не шалить Андрей посчитал делом бесполезным. И открыл глаза.

Шаловливым птенчиком и вправду оказался солнечный луч.

Свежий, прохладный ветерок тербил оконную занавеску, то даря озорнику возможность командовать лицом, то лишая его удовольствия исполнять роль столь экзотического будильника.

Где-то внизу, на невидимом отсюда пляже играли дети. В комнате были хорошо слышны их голоса, их смех.

Сон медленно, нехотя отступал, освобождая захваченный ночью плацдарм памяти. И память также медленно, но неумолимо возвращалась на свою

территорию, восстанавливая в сознании все детали безумного, фантастического вчерашнего дня.

Андрей почувствовал на своём плече чьё-то горячее дыхание. Илга! Златовласка!

Именно так назвал он про себя девушку, вошедшую вчера в вагон электрички.

В Латвии он был впервые в жизни. Ему очень понравились отреставрированные здания Старой Риги, монументальные, но идеально вписанные в городской ландшафт пропорции Домского собора. По душе пришёлся и неспешный ритм всего происходящего вокруг, доброжелательность и воспитанность рижан.

Единственное, что слегка портило впечатление, так это низкие, тёмные тучи, висевшие над городом все четыре дня пребывания Андрея в Риге. И мелкий, прохладный, совсем не летний дождь, неожиданно начинающийся и так же неожиданно заканчивающийся.

Но вчера всё изменилось. С утра ярко светило тёплое ласковое июньское солнце. И воздух тоже стал тёплым и ласковым, моментально наполнившись ароматами цветущих растений.

Идея отправиться на Взморье оказалась, как говорится, к месту. И Андрей сел в электричку. В ту самую электричку.

По складу своего характера он был неисправимым романтиком и, отчасти, самоедом. Он искренне считал, что каждый человек обязан вывести для себя понятную и приемлемую формулу жизненной философии. А убеждённость, что философия эта

зиждется на принципах добра, взаимопонимания и взаимовыручки между людьми, была бесспорной.

Приняв эти идеи как аксиому, каждый человек был вправе развивать их в самых разных направлениях – тех, которые он считал для себя наиважнейшими. Выросший в семье атеистов Андрей в глубине души верил в некий необъяснимый, но реально ощущаемый Небесный Промысел. По крайней мере, он твёрдо знал, что Любовь – это Дар, ниспосланный людям свыше. А что касается любви между женщиной и мужчиной, так и здесь была полная ясность. Там, на небесах, будущих влюблённых, предназначенных друг для друга, тоже создают сразу, двумя половинками одного целого, а затем каждую половинку отправляют в «свободное плавание», по отдельности. И далеко не всем им суждено встретиться и соединить судьбы свои на веки вечные.

Чаще всего происходит как раз наоборот. Лишённые интуиции, упорства и силы воли, люди поднимают руки и сдаются на милость победителя, оставляют надежду найти свою половинку и плывут по течению. Часто, если продолжать сравнение, совсем в другую «гавань».

Но те, кому сила любви, терпение и упорство даруют встречу, узнают друг друга сразу, без всяких подсказок.

Андрей помнил, как восторженно смотрел он фильм «Вестсайдская история». Непривычный жанр мюзикла сначала не давал возможности сосредоточиться на фабуле. Но вскоре история чистой, всепоглощающей любви героев полностью завладела сознанием, увлекла в заэкранье, заставила вращаться

в живую плоть сюжета, сопереживать судьбе конкретных людей. Сцена первой встречи главных героев, Марии и Тони, ошеломила. Она полностью соответствовала убеждению Андрея, что те самые половинки одного целого узнают друг друга с первого взгляда. Именно так он и представлял себе подобные встречи.

Когда девушка вошла, Андрей читал книгу. На миг показалось, что в вагоне стало неестественно светло, будто бы кто-то включил мощные софиты. Андрей поднял глаза. Первой мыслью было, что в вагон вкатился огненный шар, яркий как само Светило. На самом деле свечение исходило от копны золотых волос вошедшей девушки. А слепящий ореол вокруг головы обязан был лучам солнца, светившим в спину. Девушка села, выйдя за пределы светового круга. Теперь было видно её лицо. Андрей вдруг почувствовал учащённое биение собственного сердца. Он не видел ничего вокруг – ни пассажиров в вагоне электрички, ни проплывающие за окном сменяющие друг друга прекрасные пейзажи Рижского взморья. Только лицо девушки. Незнакомка восторженно улыбалась. То ли окружающим людям, то ли радуясь тёплому солнечному дню. Оглядываясь, заметила взгляд Андрея. Улыбка медленно сошла с её лица. Но тут же появилась снова. Но совсем другая. Неуверенная и застенчивая.

Какое-то время они смотрели друг на друга, будучи не в состоянии отвести взгляд, находясь как бы под влиянием странного энергетического гипноза. Потом девушка медленно, как сомнамбула, поднялась, прошла по проходу между сидениями, села

рядом с Андреем и протянула руку. Нет, не ребром, как обычно протягивают для знакомства. Она протянула руку ладонью вниз, как протягивают очень близким людям, которых любят и кому полностью доверяют. И он оценил доверие, осторожно принял руку девушки и нежно накрыл её своей рукой.

Ещё его поразил её взгляд. Вернее, даже не взгляд, а цвет глаз. Сначала, на расстоянии, вопрос не возникал. Голубоглазая фея с волосами из чистого золота!

Но вблизи оказалось, что один глаз был не голубым, а скорее, зеленоватым, то есть глаза отличались по цвету, и к тому же в зрачки были как будто вкраплены золотые песчинки. И озорные эти, золотистые искорки как будто вели тайный разговор с солнечными лучами. Загадочно вспыхивая, перекликаясь с искрящимся золотом волос.

Удивительно, но оба не помнили потом, чтобы кто-то из двоих называл своё имя. Но ведь они знали, как зовут друг друга. Было ли в этом что-то мистическое или просто нашедшие друг друга половинки обладали необходимой генетической памятью? Да и какое это имеет значение?

Очень медленно и осторожно, чтобы не разбудить Златовласку, Андрей высвободил руку, встал с кровати и, стараясь не шлепать босыми ногами по деревянным половицам, прошёл к окну.

Дом, в мансарде которого они с Илгой находились, стоял среди сосен, совсем рядом с великолепным пляжем, только на пригорке. Белый песок

волнистыми дюнами убежал далеко-далеко, в обе стороны от дома. А за пляжем, в каком-то странном ракурсе, как в широкоугольной фотооптике, с явным нарушением законов перспективы, лежало море. Как будто выгнутое эллипсом огромное зелёное блюдо с беспокойно скользящими по поверхности белыми пенистыми барашками волн.

Пейзаж завораживал своей непривычной сдержанной красотой. И, конечно, картинка за окном разительно отличалась от буйных субтропических ландшафтов родной Абхазии. Ничего подобного Андрей раньше не видел.

Отойдя от окна, сел на стул, с нежностью и восхищением разглядывая Илгу.

Девушка, посапывая, как ребёнок, чему-то улыбалась во сне. Густые и длинные волосы цвета старого золота волнами ниспадали с головы на подушку. Покрывало соскользнуло, открывая взору часть тела. Андрею стало неловко, но он ничего не мог с собою поделать. И продолжал смотреть. Была хорошо видна тонкая шея девушки, плечо и левая грудь, небольшая, красивой формы, с аккуратным тёмным соском. Ниже, под покрывалом, прекрасно читалась линия бедра, как будто вылепленного талантливым скульптором. Открытой оказалась и нижняя часть ноги, от округлой коленки до маленькой стопы с узкой лодыжкой и красивыми аккуратными пальчиками.

Рука и плечо Андрея ещё хранили тепло тела девушки и лёгкий аромат её волос. Прикрыв глаза, Андрей пытался вспомнить в деталях удивительный вчерашний день. День, когда волею Небес он нашёл свою половинку.

Они вышли на первой же остановке из вагона и, взявшись за руки, направились вдоль моря по мелкому белому песку нескончаемых прибрежных дюн. Не зная, куда идут, не замечая ни хода времени, ни расстояния. Не обращая внимания на усталость. Не слыша ни рокота набегающих на берег беспокойных волн, ни криков озабоченных чем-то, низко летающих чаек.

Андрей, не веря своему счастью, крепко сжимал руку Илги и с восторгом рассказывал об Абхазии, её красотах и традициях, о переезде в Москву, о своих родителях и друзьях. Говорил, не останавливаясь, о кино, о джазе, о прочитанных книгах. О смешных историях, свидетелем которых ему довелось быть. Илга внимала рассказчику, с широко открытыми глазами, не перебивая. Лишь иногда позволяя себе негромкие возгласы удивления или одобрения. Или заразительно смеясь.

Уже темнело, когда они вышли к какому-то посёлку. На калитке ближайшего дома был укреплен кусок картона. На нём было написано: «Здаётся комнат в антресоль. С душ. Можно от один суток»

Хозяйка, пожилая полная женщина, внимательно посмотрела на Илгу и спросила: – Девушке уже будет восемнадцать?

Получив утвердительный ответ, взяла деньги и протянула Андрею ключи.

Мансарда, обшитая изнутри вагонкой, оказалась довольно уютной. Письменный стол, два кресла, трюмо с зеркалом, торшер и холодильник. Большая двуспальная кровать, заправленная чистым, похрустывающим от крахмала, бельём. На прикроватной

тумбе лежала стопка полотенец и два махровых банных халата.

– Прямо как за границей, – подумалось Андрею. – Прибалтика!

И тут, осознав вдруг, что наступает ночь, а они со Златовлаской наедине, Андрей вдруг оробел.

Конечно, в свои двадцать два года у него был опыт общения с женщинами, правда, совсем небольшой. И правильнее сказать, с женщиной, а не с женщинами. Правда, Андрей не любил его вспоминать. Безуспешно старался вычеркнуть из памяти, ибо испытывал жгучее чувство стыда за совершённое, как ему казалось, предательство.

Сразу после окончания школы он предпринял попытку поступить в МГУ. Отец ещё был жив. Он-то и устроил Андрея через московского друга в маленькую ведомственную гостиницу. Гостиница находилась недалеко от станции метро «Парк культуры», что было очень удобно. Рукой подать до Ленинских гор, до Университета, да и центр Москвы совсем рядом. Гостиница не отличалась особым комфортом или уютом, но была очень дешёвой. И порядки в ней царили достаточно демократичные. Постояльцы, в основном командированные в Москву сотрудники министерства, хлопот Андрею не доставляли, так как появлялись в номерах, как правило, поздно вечером.

Андрею досталась койка в четырёхместной комнате, в соседнем же, одноместном номере остановился чиновник из Алма-аты, по имени Харламп. Средних лет, доброжелательный, немного вальяжный и очень хлебосольный. Жизненная философия его была проста, и он с удовольствием озвучивал

её квинтэссенцию: – «Все мы гости на этой планете, поэтому каждая минута, потраченная впустую, трагична и непростительна». Впустую означало – в отсутствии друзей, женщин и застолья! И жить он старался именно в соответствии с этими принципами.

Поэтому всегда в номере был накрыт стол, собирались ежедневно московские его друзья, да и женский смех часто был слышен сквозь плохо пригнанные гостиничные двери.

Однако был он при этом хорошим отцом и любящим семьянином. Не было дня, чтобы Харлампи не заказывал междугородний разговор, и подолгу, с радостью и нежностью говорил с женой и детьми. Андрей часто становился свидетелем этого телефонного общения, ибо сам регулярно пользовался междугородней связью. Отец не так давно перенёс очередной инфаркт, и сына беспокоило его состояние.

Был Харлампи понтийцем, то есть черноморским греком, из Анапы, попавшим в трагическую бериевскую крупорушку сороковых, когда целые народы выселяли из кавказских республик и черноморского побережья в глухие, неосвоенные районы Казахстана и Средней Азии.

Узнав, что Андрей из Абхазии, прослезился, сказал:

– Ризам (дорогой), мало того, что ты земляк, ещё и сын мой немного на тебя похож. Беру над тобой шефство.

И взял. Уходил Харлампи из гостиницы обычно очень рано. А проснувшийся Андрей находил в карманах пиджака вложенные соседом деньги. Одну или

две «красненькие», то есть десятирублевые купюры. «Десятка» тогда, в начале шестидесятых, была очень весомым платёжным средством.

Робкие возражения Андрея даже не рассматривались.

Если в момент прихода Андрея в гостиницу Харлампи был в номере, между ними как будто возникла загадочная биоэлектрическая связь. И грек тут же, с улыбкой появлялся на пороге.

– Элалака, непе. Поспа? (Иди сюда, парень. Как дела?) – Спрашивал он по-гречески и радовался, как ребёнок, когда юноша, тоже по-гречески, отвечал:

– Калон (хорошо), дядя Лампи.

Абхазия всегда была интернациональным краем. И Андрей немного говорил на нескольких языках, в том числе и на понтийском греческом.

– Кушать сейчас будем. – Тоном, не предполагавшим возражений, вещал сосед. – Только не называй меня при гостях дядей.

Имелись в виду, скорее, гости.

Женщины приходили к любвеобильному греку постоянно и, как правило, разные. И именно одной из них суждено было стать причиной предательства, ножом, который Андрей, как он считал, вонзил в спину своему старшему другу и покровителю.

В тот злополучный вечер, как обычно, Харлампи принимал у себя гостей. Пришли трое его министерских коллег. С собой они привели двух девушек из того же министерства. Для украшения компании, как бы.

Девушки оказались миловидными, стильно одетыми, современно мыслящими и, что было очень

приятно для Андрея, начитанными. И с чувством юмора у них оказалось всё в порядке.

Итак, Ольга и Фрида.

Оля, комплекцией, цветом кожи и пухлостью губ напоминающая кустодиевскую «Купчиху», медлительная и застенчивая, хорошо знала русскую поэзию. Особенно ей нравились поэты «Серебряного века». Она помнила наизусть огромное количество стихов и великолепно декламировала.

Фрида была полным антиподом Ольги. Энергичная, подвижная, стройная. Спортивная фигура и нос с небольшой горбинкой воскрешали в памяти творения древнегреческих скульпторов. Менее утончённая в своих литературных и поэтических предпочтениях, чем Оля, Фрида обожала творчество набирающих известность советских бардов: Галича, Визбора, Высоцкого, Окуджавы. А ещё ей нравилась джазовая музыка.

В общем, сидящий рядом с Фридой Андрей оказался, как говорится, в своей тарелке. Тем для разговоров было множество, и молодые люди с упоением погрузились в увлекательный и интереснейший для обоих мир интеллектуального общения. Прерываемого, на первых порах, необходимостью отвлекаться от беседы и поддерживать ход застолья, где тамадой был, конечно, Харламп.

В конце концов, на них махнули рукой. Коллеги, попивая марочный армянский коньяк, обсуждали служебные вопросы, Ольга же, пододвинув стул поближе к Андрею, с удовольствием слушала диалог, изредка вставляя в разговор вопросы по теме или короткие и точные реплики.

Гостей пошли провожать поздно ночью. Рассадив компанию в два с трудом пойманные таксомотора, медленно побрели в гостиницу.

– Андрюша, ризам, а я тебя немного приревновал. Знаешь, я ведь положил глаз на Фриду. Обалденная девушка. Давно не встречал такой красавицы. – С восхищением вдруг изрёк Харлампи. – И не смотри на меня так! Не такой я и старьй. Сагхапо, любовь, то есть, имеет привычку приходить в любом возрасте. Не успокоюсь, пока не уложу эту чувиху в постель. О, теперь, наверное, ревнуешь ты?

Андрей и не думал ни о какой ревности. Не думал он и о возрасте своего старшего друга. И о Фриде он не думал. Он очень хотел спать, просто валился с ног. Полученные за вечер эмоции, их объём и энергетика исключали даже подобие флирта. Да и сама девушка была совсем не в его вкусе.

Он так и сказал Харлампи. И ещё пожелал успеха в осуществлении задуманного. Сказал, кстати, вполне искренне.

Но, как часто бывает, жизнь преподносит неожиданные сюрпризы!

Спустя два дня после вечеринки Андрея позвал комендант гостиницы. Он же директор и администратор, в одном лице. Единственный в гостинице телефонный аппарат стоял в его закутке.

– Краля какая-то звонит, тебя, по-моему, хочет. – Слово «хочет» он произнёс с заговорщицкой улыбкой, вкладывая в него особый, как ему казалось, смысл.

Звонила Ольга. В министерском клубе комсомольцы затевали Вечер современной поэзии. Жда-

ли многих молодых, известных уже литераторов-«бунтарей». Оля приглашала Андрея. Естественно, он с радостью согласился.

Но вместо Ольги пришла Фрида.

Вечер поэзии оказался удивительным. Совершенно непривычным.

Крохотный зал. Никаких столов для президиума на сцене, никаких официальных представлений гостей и здравниц советскому руководству. Одинокий микрофон на стойке перед сценой и цветы в вазе рядом с микрофоном. Поэты сидели в первом ряду, выходили к микрофону без приглашения, сами, называли имя и начинали декламировать. А зал завоженонно внимал.

Андрей жадно ловил каждое произнесённое слово, впитывая ритм, интонацию, настроение услышанных стихов. Ему не очень понравился Евтушенко. Удивили и восхитили необычные стихотворные конструкции Вознесенского и его манера читать стихи. В полный же восторг он пришёл, слушая Ахмадулину. Ничего подобного он раньше не читал и тем более никогда не слушал поэтессу вживую. Ему казалось, что вся сущность его, сознание и душа полностью растворились в этой фантастической, неземной лирике. Во вкрадчивой, мелодичной, гипнотизирующей музыке авторской декламации.

Эмоции обесточили его энергетически, лишили возможности воспринимать слова и мысли других авторов, сменивших у микрофона Беллу. И даже когда под шквал аплодисментов взял гитару и запел свою песню «Из окон корочкой несёт поджаристой» Булат Окуджава, Андрей понял, что всё ещё продол-

жает находиться под впечатлением удивительной ахмадулинской поэзии, а всё, что происходит вокруг, происходит как бы не с ним.

В конце вечера литераторы свободно и с удовольствием общались с благодарными почитателями, но некая прострация, в которой находился Андрей, и природная скромность не позволили ему включиться в беседу.

Только когда гости и слушатели потянулись к выходу, а в зале погасили часть светильников, Андрей обнаружил, что всё еще сидит в кресле, сжимая руками тонкие и тёплые пальцы Фриды.

Потом он провожал Фриду домой. Они шли пешком по набережной Москвы-реки, не обращая внимания на шум проезжающих совсем близко автомобилей, на стук колёс поезда, летящего над рекой, где-то наверху, сквозь ажурный железнодорожный мост.

В июле в Москве темнеет поздно. Небо в этот вечер напоминало серо-зелёный прозрачный полог, накинутый на город, по ткани которого были рассыпаны редкие, неяркие звезды. Да и гранит набережных и дома вокруг как будто плыли неторопливо в загадочной, такой же, как и небо, сероватой взвеси, уютно подмигивая светящимися прямоугольниками окон.

Они шли и говорили, говорили, находясь всё еще под давлением недавнего интеллектуального стресса, не в силах избавиться от обрушившихся на них эмоций.

И никак не могли наговориться.

И когда, уже у подъезда дома, девушка вдруг предложила подняться к ней, на чашку чая, Андрей

обрадовался. Обрадовался возможности продолжить разговор.

В тесной кабине лифта он снова уловил лёгкий аромат духов, вспомнил тепло и податливость фридиных рук и немного смутился. Взглянув на девушку, обнаружил вдруг в тусклом свете лифтового светильника крохотную пульсирующую жилку на её шее, под левым ухом.

Вряд ли в этом было что-либо особенное, но Андрея неожиданно охватило незнакомое ранее чувство нежности. Не понимая, что с ним происходит, неловко обнял девушку, прижал к себе и осторожно, задержав дыхание, поцеловал в шею, чуть ниже уха, как раз туда, где обнаружил несколько секунд назад манящий этот, пульсирующий сосудик.

И Фрида не оттолкнула его.

Родители были на даче. В огромной квартире «сталинского» дома царил тишина. Загадочно потрескивал старый паркет. Пахло бумажными обоями и книгами, коих в квартире было, очевидно, огромное количество, ибо в полумраке комнат здесь и там виднелись бесконечные, высокие, как в публичных библиотеках, книжные стеллажи.

Что произошло потом, осталось в памяти Андрея как нечто прекрасное и высокое.

Это не было, на его взгляд, рядовым любовным приключением. Да и само словосочетание – любовное приключение – не имело никакого права на существование в эту сказочную ночь. Нет, это была незнакомая ранее торжественная Песнь, Ода любви, страсти и нежности.

И именно тогда юноша действительно превратился в мужчину.

Ибо впервые познал он истинное наслаждение любви, внезапно обнаружив в себе умение нежно ласкать женское тело, угадывать и предвосхищать все его желания. И, конечно, принимать, как великий Дар, оказанное ему безграничное доверие.

Он понимал, что вряд ли страсть и нежность, так щедро и искренне подаренные ему девушкой, являются синонимом любви в классическом значении этого слова. К тому же он не видел реальных перспектив их будущих отношений, ибо причин «против» в действительности было гораздо больше, чем «за».

Но Андрей был безмерно благодарен Фриде за эту ночь. И сегодня самым важным для него было именно это.

Утром его разбудило прикосновение чьих-то мягких губ к своей щеке. Он знал, чьи это губы, но не открывал глаз, сознательно затягивая процесс пробуждения. Ему было комфортно в огромной старинной кровати, в ворохе измятого ночью тёплого белья, на мягкой подушке, хранящей запах пряных духов Фриды.

Девушка рассмеялась и ласково потрепала Андрея по щеке.

– Соня, я и так уже опоздала на работу. Вставай, будем завтракать.

Андрей выждал ещё несколько минут, тяжело вздохнул и открыл глаза. Девушка, стоя в банном халате перед большим настенным зеркалом, расчёсывала влажные волосы. Закончив с причёской,

озорно стрельнула взглядом в сторону Андрея и сбросила халат.

Впервые в жизни юноша открыто, при ярком свете дня, любуясь, смотрел на обнажённое женское тело. Восхищённый его красотой, с интересом отмечал для себя некоторые подробности. Например, разглядел несколько небольших родинок, изысканно рассыпанных по спине и оттеняющих очень светлую матовую кожу. Небольшой шрам на правой лопатке, который совсем не портил впечатления, а как раз наоборот. Как будто специально задуманный гримёром-косметологом элемент дизайна тела.

Восхищаясь Фридой, вдруг осознал, что они совсем не стесняются друг друга. И понял, что эта свобода и восторг не имеют ничего общего с бесстыдством. Просто, и утром продолжалось единство душ и тел, обретённых ими прошлой ночью.

Ведь не скрывают же, как правило, своих обнажённых тел супруги.

После завтрака, всё еще находясь в состоянии некоей эйфории, посадил девушку в троллейбус, а сам отправился к ближайшей станции метро. Сегодня в университете проводили консультации для абитуриентов. Андрею следовало переодеться и забрать свои конспекты из гостиничного номера.

Когда он произнёс про себя слова – гостиничный номер – получил, как показалось, мощнейший удар током. Как будто наступил на оголённый высоковольтный кабель.

Гостиница, номер, – продолжал он повторять в смятении. – ХАРЛАМПИ!!!

– Что же я, урод, натворил. Ведь Лампи влюблен во Фриду. Как я мог об этом позабыть? Как мог принести дружбу и доверие человека, ставшего мне близким, в угоду своей похоти?!!

– Не валяй дурака. – Вступил неожиданно в полемику некий внутренний голос. – Во-первых, о какой такой похоти ты ведёшь речь? Соединились в едином порыве, пусть на время, две души, чья встреча не была случайностью. И это главное. А телесное здесь вторично.

Во-вторых, Харлампи говорил о своей влюбленности, по сути, шутя. Ведь его цель проста – приобрести ещё одну красивую, блестящую игрушку к своей коллекции. И всё!

– Нет! – возражал Андрей. – Так это или не так, но я предал своего друга. Образно говоря, я всадил ему нож в спину. И нет мне прощения. И никогда не смогу я смотреть в глаза Харлампи.

Андреем овладело отчаяние. Ему даже на несколько секунд пришла в голову безумная мысль. Что жить после предательства он не сможет, не имеет права, а река рядом. Может покончить со всеми проблемами разом? Разве редки в столице несчастные случаи? Ну, подумаешь, упал какой-то юноша по неосторожности в воду.

Но эту мысль он отогнал. Долго сидел на троллейбусной остановке, думал и, в конце концов, принял решение.

По утрам Харлампи обычно уезжал в министерство. Андрею для осуществления задуманного плана этот факт давал некоторую временную фору. При-

ехав в гостиницу, он расплатился за номер, объяснив коменданту, что получил из Абхазии телеграмму о болезни отца. Сказал, что обязан бросить все дела и срочно возвращаться домой. Написал письмо для Харлампи с таким же объяснением сложившихся обстоятельств и оставил коменданту для передачи греку.

Затем, скрепя сердце, позвонил на работу Фриде и озвучил ей ту же версию с мифической телеграммой. Не дожидаясь возможной просьбы продиктовать сухумский адрес, произнёс: «прости» и повесил трубку. Поскольку денег на авиабилет не было, поехал на Курский вокзал, откуда уходили поезда в Абхазию. В надежде договориться с проводником.

Через три часа Андрей уже сидел в грязном и душном купе пассажирского поезда.

В отличие от скорых или «фирменных», этот поезд ещё и добирался до точки назначения более чем сорок часов. Времени было достаточно, чтобы прийти в себя и продумать объяснение для родителей, почему это их сын, обладая неплохим багажом знаний, вдруг отказался от идеи поступать в МГУ. Но нельзя ведь было рассказать им правду.

Потом, долгие годы, а вернее, всю дальнейшую жизнь, Андрей анализировал, сопоставлял драматические, а потом и трагические события тех июльских дней. «Просвечивал» с разных углов зрения все детали и нюансы происходившего, но так и не смог объяснить природу целого ряда мистических совпадений.

А пока, измученный вконец, с трудом расшнуровал туфли, опустил голову на влажную, в пятнах, не заправленную в наволочку, подушку. И тут же провалился в глубокий сон.

Проспал он, как выяснилось потом, около четырнадцати часов. Без сновидений. Не реагируя на внешний шум и разговоры попутчиков. Проснувшись неожиданно среди ночи, в необъяснимой тревоге, от сильного сердцебиения, весь в холодном поту, машинально посмотрел на часы. Тринадцать, запомнил он. И обратил внимание, что секундная стрелка стоит. Часы не шли. Ну и ладно, подумал Андрей и, как только ритм сердца стал приходить в норму, снова уснул.

Уже добравшись до города, вновь испытал чувство тревоги. Всё стало ясно, когда увидел он большое количество мужчин с серьёзными лицами, стоящих группками перед подъездом родительского дома, настезь открытую дверь квартиры и выставленный столик для головных уборов.

На немой вопрос Андрея ответила тётушка Марта, двоюродная сестра отца:

– Позапрошлой ночью, – прошептала она сквозь слёзы. – В три часа семнадцать минут. Сердце остановилось.

Именно тогда и остановились часы Андрея в поезде. Минута в минуту.

После ухода отца, самого близкого человека на свете, сразу после похорон, Андрей почувствовал, что заметно изменился. Стал другим человеком. Взрослым, серьёзным и ответственным.

Именно тогда и стал он чаще задумываться о смысле жизни, о миссии человека на Земле, о чести, мужестве и сострадании. О любви и Промысле Божьем. Тем более, что главным в семье, старшим, как бы это странно ни звучало, стал именно он.

И первое, что он сделал, нашёл себе работу. Устроился в «Горгаз» экспедитором. Развозил по домам и квартирам газовые баллоны. Неплохо зарабатывал, к тому же быстро окреп физически, ибо приходилось постоянно таскать на себе тяжёлые ёмкости.

С точки зрения содержания семьи такой необходимости, честно говоря, не было. Родственники отца окружили их с матерью всесторонней заботой, да и мама, кандидат наук, продолжала работать в «почтовом ящике», где были высокие, по меркам провинции, зарплаты.

Мама очень тосковала по отцу, и время, проведённое на работе, хоть немного отвлекало её от скорбных мыслей. Андрей и дома старался быть неким громоотводом, развлекая мать всеми возможными способами. Ограничив при этом себя в привычных мальчишеских развлечениях. Правда, поднять настроение матери ему удавалось крайне редко. Даже время, отдаляющее дату смерти отца, не притупляло, вопреки расхожему утверждению, боль утраты.

И когда, спустя время, маме неожиданно сделал предложение пожилой профессор-физик из Москвы, курировавший её научную тему, именно Андрей настоял на утвердительном ответе. К тому же закончился срок обязательного траура. Единственным его условием было – согласовать решение с роднёй, в соответствии с традициями. И, слава Богу, не возразили и родственники, понимая ситуацию.

В начале осени, после бракосочетания, не устраивая никаких свадебных застолий, Андрей с матерью переехали в Москву. Андрей изначально

испытывал к отчиму чувство симпатии. А скоро это чувство переросло в глубокое уважение и настоящую мужскую дружбу.

В жизни Андрея начиналась новая полоса.

Сроки поступления в вузы прошли, до призыва в армию оставался год. И Андрей записался на подготовительные курсы. А в следующем году, блестяще сдав вступительные экзамены, прошёл по конкурсу и был принят в МГУ.

Все эти воспоминания, картинки прошлого, промелькнули перед глазами с невыносимой скоростью, будто спрессованные всего в несколько мгновений.

Но Андрей тут же позабыл обо всём на свете, как только затих шум воды в душе.

Небо за окном было ещё довольно светлым, но в мансарде царил полумрак. Андрею показалось, что и сейчас от волос Илги исходило слабое золотистое свечение.

Ветер, налетавший временами с моря, то загадочно шептался о чём-то с кронами стоящих вплотную к дому сосен, то с остервенением набрасывался на лёгкие шифоновые занавески на окне мансарды, заставляя их испуганно хлопать и раздуваться, как паруса.

Златовласка приблизилась, неслышно ступая, к Андрею и прижалась к нему. Он обнял девушку, и они долго стояли молча, не шевелясь. Привыкая друг к другу. К дыханию, теплу кожи, к биению сердца. Он гладил её влажные волосы, испытывая нежность и восторг.

Потом он осторожно прикоснулся руками к халату, наброшенному на плечи Илги. И очень медленно, как в замедленной киносъёмке, халат, грациозно изгибаясь, стал сползать вниз.

Напомнив неожиданно Андрею строчки Булата Окуджавы о простыне, струящейся белым флагом на пол. Но белый флаг, привычный символ капитуляции, мог означать как страдания и невзгоды, так и воцарение мира и покоя. А значит, как символ не противоречил любви.

Златовласка положила руку Андрея на свою грудь и задержала её там. И это было настолько естественным и целомудренным жестом, что юноша с удивлением обнаружил, что впервые, так же естественно, не стесняясь, принимает ласки и ласкает сам.

Впервые, ибо ночь, проведённая когда-то с москвичкой Фридой, была всё-таки прекрасным, но временным соприкосновением двух случайных партнёров. Ведь Фрида, в отличие от Златовласки, не была его «второй половинкой».

Кожа девушки, влажная ещё, очень приятная на ощупь, тоже, казалось, излучает загадочный, какой-то неясный свет. От её тела исходил волнующий и одновременно расслабляющий, слегка пряный кисловатый запах. Запах пчелиных сот, клевера и утренней росы. А может, и запах материнского молока. Ибо так приятно пахнут обычно младенцы, груднички. Этот запах кружил ему голову, а прикосновения мягких и тёплых губ девушки сводили с ума.

Ему казалось, что рушатся законы гравитации, ослабевает земное притяжение. И не удивило бы его, наверное, когда вдруг оторвутся тела их от

тёплого соснового пола уютной этой мансарды, да и дом сам нехотя поднимется над удивлёнными дюнами и величественными соснами и закружит их всех безумный и прекрасный галактический звездопад.

Счастливым, с нежностью ласкал он тело, принадлежавшее только ему, тёплое и податливое, с радостью откликающееся каждым миллиметром, каждым изгибом своим на его ласки. Андрей целовал шею Златовласки, веки глаз, миниатюрные пальчики её ног, упругий живот, пружинящую плоть юной груди, твёрдые маленькие соски.

А потом две половинки стали одним целым. И тогда полностью исчезло земное притяжение, взмыла в ночное звёздное небо невиданная огромная птица с четырьмя крылами. И принял её Млечный путь, а где-то внизу, далеко-далеко, плыла прекрасным голубым шаром, уменьшаясь в размере, Земля.

Рушились вокруг миры, тонули в иссиня-чёрных дырах целые галактики, но тут же, в фиолетовых и оранжевых всполохах далёких светил, рождались новые.

И был долгод этот волшебный полёт, возносящий влюблённых высоко-высоко в звёздную высь, чтобы потом, как на огромных сказочных качелях, бросать их с замиранием сердца вниз. Пока, полностью обессиленные, счастливые, не рухнули они сами в чёрную пропасть глубокого сна.

Сейчас, глядя на спящую Златовласку, Андрей с удивлением и радостью вдруг осознал, что внешняя

раскованность и удивительная гармония в поведении девушки не была результатом её опытности. Нет, непосредственность её имела другое объяснение. Ведь и Андрей был для неё «своей половинкой», и именно ему, без малейшего сомнения, она доверилась полностью, расставаясь легко и радостно со своей девственностью.

И это было бесценным даром Илги самому любимому теперь человеку на свете.

Андрей совершенно ясно представлял своё будущее. Они с Илгой поженятся, она народит ему кучу детей, причём первый, конечно, будет мальчик. Они проживут долгую, долгую счастливую жизнь. И даже умрут в один день.

Андрей подозревал, что авторство этой нехитрой жизненной формулы не принадлежит ему, а теряется в прошлом. Но она, эта формула, была приятной, оптимистичной, соответствовала его патриархальным взглядам на жизнь и, соответственно, полностью устраивала его.

Он чётко знал, что нужно сделать. Сегодня, сейчас.

Поехать к родителям девушки, всё им рассказать и получить их благословение.

Увезти молодую жену, а только так он и воспринимал Илгу, в Москву. В том, что она понравится маме и отчиму, сомнений не было. И сразу же, благо сейчас лето, лететь в Абхазию, к многочисленной своей шумной и обожаемой родне. Тут, правда, могли возникнуть некие шероховатости на гладкой канве его оперативного плана действий.

Дело в том, что родственники и с маминной, и с папиной сторон мечтали женить Андрея на местной

девушке и даже подыскивали ему заранее невесту. Но он надеялся сгладить эти самые шероховатости убеждённою в правильности своего выбора. И верил, что никто не устоит перед силой его любви к Златовласке.

Конечно, проще было расписаться в Москве, а родню поставить перед свершившимся фактом. Но Андрей считал даже такое, почти невинное лукавство недостойным себя. Да и свадьбу сыграть он всегда мечтал только в Абхазии, в родовом отцовском гнезде, в старом каштановом доме своего деда Корсантела.

Выстраивая эти задумки в стройную линию, вдруг сообразил, что не знает ничего о девушке, её родителях и близких. Даже фамилии и адреса. Вообще ничего, только то, что она в прошлом году, сразу после школы пошла учиться на трёхгодичные курсы радиомастеров при заводе VEF и посещает какую-то спортивную секцию ДОСААФ.

Снова неугомонный солнечный лучик прорвался сквозь шифон занавесок. Пробежав по подушке, добрался до волос девушки и как будто растворился в них. Золото в золотом. И по сосновым стенам комнаты тут же забегали крохотные, суетливые золотистые «зайчики».

Девушка открыла глаза, обвела взглядом комнату и, радостно улыбаясь, протянула Андрею руки.

После «семейного совета» решили так: поскольку у мамы Илги большое сердце, знакомство разумнее перенести, отодвинуть во времени, ибо любые сильные эмоции, даже положительные, могли по-

вредить её здоровью. Девушке стоило бы подгото-
вить маму, осторожно и деликатно, заранее. А потом,
вечером или завтра представить родителям Андрея.

План был разумен. С сожалением и чувством
лёгкой грусти покинули они своё сосновое убежище
и уехали на первой же электричке в Ригу. Договорив-
шись встретиться вечером, в семь часов в сквере
у Домской площади.

К вечеру погода испортилась, низкие тёмные
тучи как будто затеяли над городом свои «разбор-
ки», резко передвигаясь, клубя и сталкиваясь друг
с другом. Зарядил унылый холодный дождь.

Андрей тщетно пытался укрыться под кронами
редких деревьев, прижимаясь к стволам, но это не
защищало от косых струй воды. Вскоре он промок
до нитки.

В семь часов вечера Илги ещё не было. Не было
её ни в семь пятнадцать, ни в семь сорок пять. Но
Андрей всё надеялся и ждал.

В девять вечера, совершенно мокрый, обесси-
ленный от ожидания с трудом убедил себя – девушка
уже не придёт. Ночь он провёл без сна. То покры-
вался липким холодным потом, то его бросало в жар.
Наверное, бредил, ибо слышались ему неясные, при-
глушённые чьи-то голоса. Хотя возможно, кто-то
допоздна разговаривал в соседнем гостиничном но-
мере. Утром, ослабевший, совершенно потерянный,
увидел себя в зеркале. Измождённое бледное лицо
с тёмными кругами под глазами.

Андрей не был человеком, как говорится, робко-
го десятка. Судьба не позволяла ему расслабляться,

быть нерешительным или безынициативным. Но сейчас он был в растерянности. Ему, и в этом было даже страшно признаться, хотелось плакать.

Он не верил, что так легко теряет свою Любовь, свою Половинку, встреченную по велению Небес. Но не знал, что можно или нужно предпринять.

Заканчивался его туристический тур, и почти не оставалось денег.

Конечно, он мог позвонить родителям, они перевели бы, но это ничего не меняло. Ведь у него не было ни малейшей информации, никаких зацепок для поиска.

Покачиваясь, он добрёл до вокзала, сел в электричку, идущую к Взморью. С трудом вспомнил станцию, откуда они со Златовлаской отправились в самое прекрасное в его юной жизни путешествие, но не смог найти того деревянного дома с мансардой среди тех самых сосен, рядом именно с той песчаной косой.

Вернувшись в Ригу, взял на стоянке такси, отдал водителю всю свою скромную наличность и колесил какое-то время по улицам города, надеясь на Провидение. Но тщетно.

Дома, в Москве он, подумав, не стал ничего рассказывать матери, хотя они были большими друзьями, и он часто делился с ней самым сокровенным.

Но сейчас он решил, что этот крест – его крест, и нести тяжёлую ношу необходимо в одиночку. Но, скорее, где-то в глубине души надеялся, что произойдёт чудо, и он неожиданно встретит девушку с копной волос цвета золота, с золотыми же искор-

ками в глазах и с очень родной улыбкой. Даже не надеялся, а верил.

Но летели годы, одни события сменялись другими, Андрей тосковал по Златовласке всё реже и реже, ибо жизнь каждодневно предъявляла ему новые свои требования.

В конце концов, он смирился, убедив себя, что встреча их была результатом некоего сбоя, ошибки, допущенной кем-то в мирах параллельных. Видимо, предполагалась она в иное время, в другой жизни.

И он успокоился. Вспоминая иногда деревянный дом среди песчаных дюн, девушку в махровом халате, с влажными волосами и волшебное космическое путешествие, как сцену из старого фильма или главу из прочитанной в юности книги. Лишь в редкие моменты, просыпаясь на рассвете в мансарде подмосковной дачи, в полудрёме подолгу наблюдал, как играет с занавесками лёгкий ветерок. И тогда сладко и тоскливо щемило в груди.

Незаметно для себя, без особых усилий с блеском, с красным дипломом, окончил МГУ и поступил в аспирантуру. Наука околдовала его, взяла в плен, стала главным делом его дальнейшей жизни. Не оставив времени на жизнь личную. Да и честно говоря, она его особо не заботила, эта, так называемая личная жизнь.

– В чём смысл жизни? – спрашивал Андрей. И отвечал себе: быть любимым и любить, оберегать и лелеять близких людей, быть полезным. Оставить на Земле, уйдя когда-нибудь в небытие, добрую память о себе.

С этим у него всё в порядке, по его мнению. Он обожает и оберегает родителей, они не чают в нём души. Эмоции, даруемые успехами в науке, заменяют ему, в определённом смысле, любовь к женщине. Ведь это и есть смысл жизни!

Да и то, что он делает по работе, обязательно принесёт пользу человечеству. Это он знал твёрдо.

Уверенно, с лёгкостью защитил кандидатскую диссертацию. Защита произвела фурор в научном мире. Даже оппоненты солидарно хвалили уровень, качество диссертации, да и саму защиту признали блестящей. Многие крупные учёные указывали, что работа перепрыгнула через порог кандидатской и явно тянет на докторскую.

Так что, в соответствии с расхожей фразой, «как-то утром Андрей проснулся знаменитым».

Будучи почётным профессором многих известных университетов, часто мотался с лекциями по Европе и Северной Америке. Немного позднее также легко защитил и докторскую диссертацию. Стал членом-корреспондентом Академии наук.

Теперь время его оказалось спрессовано до максимума, в которое понятие «личная жизнь» совершенно не встраивалось. Единственным увлечением, нет, вернее, пристрастием, являлся джаз. И он выкраивал иногда, очень редко, пару, тройку свободных часов, чтобы уединиться, надеть наушники и слушать, слушать, с неземным наслаждением, эту великую музыку, растворяясь в ней, хоть ненадолго.

Да и находясь «за бугром», покупал себе только книги, журналы и виниловые джазовые диски. Ну и, конечно, подарки и сувениры любимым родителям.

Когда мама упрекнула, что он забывает о многочисленной родне в Абхазии, моментально с ней согласился. Теперь в его чемодане стали появляться Микки-Маусы, жевательные резинки в виде сигарет, игрушечные, но очень внушительные кольца, зажигалки, мужские запонки и прочая мелочёвка, предназначенная для родственников.

Среди его сухумской родни была и двоюродная тётя по имени Антица. Далекое за сорок, школьная учительница и старая дева. В быту неулыбчивая и сварливая. На работе – строгий монстр, терроризировавший учеников. Одета постоянно в строгий чёрный костюм и белую блузку с рюшами.

Острые на язык школьники придумали ей прозвище – «Антицакофтошквакуа». Произносимое бегло, как пулемётная очередь, не совсем по транскрипции, это прозвище состояло из трёх слов. Дело в том, что в те годы большой популярностью пользовались две абхазские песни, «Антица» и «Акоф-та ашкуакуа» (Белая кофточка). Так что прозвище соответствовало исходному фольклорному материалу.

Несмотря на строгий характер, к Андрею тётя относилась с теплом, даже с нежностью, находя у племянника черты рано умершего своего родственника, отца Андрея.

Как-то раз, возвращаясь из очередной командировки, купил он в аэропорту для тётки особый сувенир. Это была металлическая высокая банка, по типу пивной, с нарисованными разными, очень красивыми конфетами. Это было кстати, ибо тётушка очень любила сладкое.

Дядя Арвелод устроил, как говорится, хлеб-соль, по поводу приезда Андрея.

Вот там, одарив и остальную родню, племянник, с почтением, вручил подарок и тётке. Антица слегка смутилась, зарделась, поблагодарила и, под аплодисменты гостей, откинула крышку. Пауза... и аплодисменты переросли в дружный хохот.

Вместо конфет, щеря в кривой улыбке рот, из банки вылетел растрёпанный пластмассово-тряпичный Мефистофель. (Откровенно говоря, покупая сувенир, рассеянный Андрей был уверен, что на самом деле покупает конфеты).

Тётушка взвизгнула, с отвращением отбросила банку и выбежала из квартиры.

Было ясно, что племянник перегнул палку. Невольно он нарушил одну из важнейших заповедей поведения, как бы проявив неуважение к возрасту тёти.

Забегая вперёд – конечно, он повинился и помирился с Антицей, не сразу, правда. Она не могла не простить любимому племяннику его шутку. Его же ещё долго мучила совесть.

По рекомендации родственников, устав от их настойчивости, Андрей, почти не размышляя, женился на Ирине, дочери старого друга и сослуживца отца. Девушка окончила медицинский техникум и работала медсестрой в одной из городских больниц. Оказалась она, к счастью, миловидной, смышлёной и бесконфликтной. Начитанной и обладавшей неплохим чувством юмора. Да и хозяйкой была прекрасной.

Андрей не мог, правда, понять, любит ли его Ирина, но решил, что не так это и важно. Главное,

что дома был мир, покой и порядок. И он привык к Ирине.

Через год у них родился сын. Назвали его в честь деда – Денисом.

(На самом деле, дедушка Корсантел, живший некоторое время в Турции, назвал своего сына, отца Андрея, именем Дениз, что переводилось с турецкого, как «Море». Но внука Корсантела все называли Андреем Денисовичем).

В тот день, четырнадцатого числа, Андрей консультировал абитуриентов. Вдруг резко распахнулась дверь аудитории, и декан факультета с озабоченным выражением лица настойчиво поманил Андрея рукой.

– Андрюша, мне только что звонила жена. По телевизору объявили, что в Абхазию введены войска Госсвета Грузии и что на подступах к Сухуми идут бои. Отпусти ребят, гони домой, попробуй, если есть связь, узнать, что там с твоей роднёй.

Дома Андрей застал плачущую Ирину и Дениса, собирающего чемодан.

– Он собирается в Абхазию, воевать. Останови его, пожалуйста! – всхлипывая, с трудом выговорила Ирина.

– А разве я имею право его останавливать? – Ласково притянув Ирину к себе, произнёс Андрей. – Ему семнадцать, он мужчина и может решать сам. Но каждый отец обязан оберегать своё чадо.

Услышав эту фразу, Ирина с надеждой подняла глаза.

– Так вот, – продолжал Андрей – единственное правильное моё решение – это ехать с ним! О чём

прошу сейчас вас обоих, дайте мне время получить верную информацию и подготовиться.

А информация была тревожная и безрадостная. Мощная колонна бронетехники стоит в пригороде столицы, у Красного моста. Ведутся вроде бы какие-то переговоры, но толку от них не ждёт никто.

С воздуха город обстреливают боевые вертолёты, а в Гагре высаживается морской десант. Граница перекрыта.

Потянулись тяжёлые дни неопределённости. Дни ожиданий, дни надежд, дни действий. Андрей, используя свои связи, курсировал, как челнок, по Москве, по посольствам, корпунктам и представителям различных массмедиа в России.

Рассказывал, убеждал, распространял объективную информацию, передавая фото, видеоролики и свидетельства очевидцев. Организовывал передачи на радиостанциях и на телеканалах. И радовался, как ребёнок, когда удавалось пробить брешь в железобетонных нагромождениях лжи и измышлений. Когда в российской и западной прессе появлялись правдивые материалы о войне.

Седьмого октября, сразу же после освобождения Гагры, они с Денисом вылетели в Сочи и в этот же вечер, с помощью Арама, жителя приграничного села Весёлое, перебрались нелегально, через пограничную реку Псоу. Поздней ночью на попутном военном грузовике добрались до временной столицы, города Гудаута. Постучались в первый же дом, и были без лишних расспросов приняты на ночлег.

Город было не узнать. Обычно полусонный, небольшой городок жил всегда в каком-то замедленном ритме, исключая три-четыре месяца курортного сезона. Но это в мирное время.

Сейчас же город вызывал ощущение гудящего улья. Улицы забиты людьми и транспортом. В центре вообще вавилонское столпотворение и языковая многоголосица. Калейдоскоп лиц и одеяний.

Армия только формируется, не хватает ни формы, ни оружия. Вчерашние ополченцы, сегодня уже бойцы регулярной армии, выглядят порой трогательно. Кто-то разжился камуфляжем, но не нашёл сапог или военных «берцев», потому и щеголяет в модных мокасынах или кроссовках. А некоторые в спортивных костюмах «Адидас» или в джинсах. Но в каждом взгляде читаются решимость и бесстрашие. И это уже армия, это сила. Единственно, что всех тревожит – катастрофически мало оружия. Не хватает автоматов, зато есть, и об этом говорят с гордостью, несколько танков и БТР, отбитых у противника. Трофейных, значит.

Гортанная вайнахская речь, очень знакомый, похожий на абхазский, язык адыгейцев, черкесов, кабардинцев. Мягкое турецкое произношение звуков и мелодичный, но одновременно и жёсткий русский говор казаков.

Весь этот круговорот людей и техники, подчинён какому-то жёсткому порядку. Закону военного времени. Это витало в воздухе и, безусловно, обрадовало Андрея.

Рудик Делба, родственник, офицер разведки, помог обустроиться. Дениса зачислили в строевую часть и выдали комплект формы советского образца.

Но главное, выдали автомат. Потёртый, с исцарапанным прикладом, но действующий.

Андрея же временно прикрепили к интендантской группе. В группе было несколько таких же, как Андрей, зрелых людей, чьи сыновья сражались на передовой. И в чью обязанность входило обеспечение солдат всем необходимым, от зубных щёток, курева и носовых платков. А в первую очередь, конечно, питанием.

И надо сказать, со своими обязанностями «снабженцы» прекрасно справлялись. Благодаря их стараниям и неуёмной энергии бойцы на передовой почти ни в чем не нуждались. Андрей быстро «вписался в тему» и стал своим среди сослуживцев. Особенно близко подружился он с деятельным и острым на язык Аликом Капш из Гагры.

Период поздней осени и зимы был, пожалуй, периодом вялого позиционного противостояния противников на Западном фронте, по линии реки Гумисты. Конечно, стороны периодически перестреливались, иногда ожесточённо, применяя артиллерию и системы залпового огня. Предпринимались разведывательные и диверсионные вылазки на ту сторону.

Но в целом обстановка на линии разделения была относительно спокойной. Стороны накапливали силы для будущих наступлений и ждали тепла.

Андрею удавалось достаточно часто бывать на передовой и видаться с Денисом. Ему казалось, а может, так было и на самом деле, что сын его, мальчик, ребёнок, тепличный цветок столичной оранжереи, стал настоящим мужчиной, воином, хотя боевое крещение только ожидало его.

Жилистые, окрепшие руки, жёсткая щетина скул, низкий голос. Всё это очень отличалось от московского образа рафинированного студента из «хорошей семьи».

Денис свободно обращался с автоматом, знал особенности мин и ручных гранат. Но самое важное, что отметил для себя Андрей, это незнакомый блеск глаз. Такой же, как и у остальных, опытных бойцов.

Бесстрашие и безоговорочная вера в победу – вот что читалось в их глазах.

Как-то Андрея командировали в городскую больницу, за обещанными ранее лекарствами.

Перед входом стоял серый УАЗ медицинской службы фронта. Задние дверцы машины были открыты, внутри на носилках лежали три тела, накрытые простынями.

Андрей не знал, кого скрывают простыни, но у него вдруг защемило в груди. Конечно, шла война, страшная война, и немало таких бездыханных тел, накрытых простынями, повидал санитарный фургон. Но для Андрея такая встреча со смертью была первой, и она потрясла его.

Ярко светило тёплое осеннее солнце, детский смех с улицы перекрывал шёпот крон вечнозелёных деревьев. Природа как будто радовалась жизни, и в страшное противоречие, в диссонанс с этой радостью вступали тела погибших в УАЗике. Значит, кто-то недолюбил, недопел песню, не дочитал интересную книжку. И это было неестественно и несправедливо.

Из здания вышел начальник медбатальона, Батал Кобахия. Они были знакомы. Андрея удивляло

и восхищало, что такой мягкий и добрый человек, учёный-гуманитарий, романтик добровольно взвалил на себя столь тяжкую кровавую ношу и безропотно, достойно, без лишних слов, несёт её.

Батал перехватил взгляд Андрея, взглянул тому в лицо и с пониманием, в сердцах, произнёс:

– Наши, с передовой. Совсем мальчишки. Сегодня с утра с той стороны работает снайпер. Война, брат Андрей, война.

В середине следующего дня прикатил на велосипеде совсем юный солдатик, в спортивных штанах и кедах. Зато в камуфляжной куртке, пилотке со звездой и с охотничьей «Тулкой» за спиной.

Андрея срочно звали в больницу. Пришли долгожданные препараты, решил он.

В холле увидел расстроенного Рудика, и почувствовал, как остановилось на миг сердце, а по спине, между лопаток заструился холодный пот.

– Всё в порядке, – Рудик вскинул руку. – Лёгкое ранение. Правда, совсем лёгкое. Сейчас Денис на перевязке, потерпи несколько минут. Всё тот же грёбаный снайпер. Двоих пацанов уложил с утра.

Твой Денис родился в рубашке. Снайпер никогда не промахивается, это исключено. Но пуля угодила в скалу, рядом с головой, срикошетила и по касательной прошла грудь, слева. Даже кость цела. Божий промысел, не иначе.

Я со своими ребятами отбываю на Гумисту. Верховный лично требует разобраться со снайпером. Срочно!

Дениса оставили пока в больнице. Андрей, отпросившись у командира, сидел с сыном до позднего

вечера. И утром, проснувшись, сразу же отправился привычным маршрутом.

По пути встретилась ему странная какая-то процессия. Навстречу по тихому переулку двое конвойных вели пленного. Одним из конвоиров был вчерашний юноша в пилотке с красной звездой. Свою «Тулку» он держал наизготовку. Андрей знал и второго.

Этот парень, по имени Вадим, был известен многим. Рискуя жизнью, пробрался он в Гудауту из оккупированной столицы с одной целью – записаться в армию.

На пустынной дороге рядом с юношей остановился автомобиль, ему предложили сесть, и он с радостью уселся на заднее сиденье. Лица человека, сидевшего впереди, не было видно, но разговор начал именно он. Тембр голоса, интеллигентность и доброжелательность незнакомца располагали к откровенности. И Вадим честно и с радостью рассказал о себе всё.

Что он казачьего происхождения, чудом пробрался за линию фронта и горит желанием сражаться за Родину.

На вопрос, сколько ему лет, откровенно ответил – пятнадцать. Но это неважно, – добавил он. – Я себе припишу пару лет.

Человек слегка повернул голову, и Вадим узнал его. Это был Верховный Главнокомандующий.

– Тебя запишут, я распоряджусь, но о передовой пока забудь. И не волнуйся, у нас и здесь хватает достойных поручений для таких храбрых юношей, как ты.

Скоро о Вадиме знали все.

– Ну, конечно, – с восхищением рассказывали о нём бойцы, – ведь его САМ, лично, записал в армию.

Сейчас Вадим важно вышагивал по переулку, одетый, несмотря на тепло, в дублёный полушубок, и держа пленника на мушке своего карабина. На голове его красовалась кубанская казачья папаха.

Андрей обратил внимание на того, кого так ответственно конвоировали два юных бойца. В камуфляже, в воинских берцах, невысокого роста. Короткая стрижка, одна сторона тела, от головы и до ботинка, обожжена.

Руки за спиной связаны верёвкой, да и на ногах пленника болтается верёвочная петля, мешающая нормально шагать.

Чувство юмора свойственно южанам всегда, даже в драматических ситуациях.

И Андрей не удержался.

– Привет, бойцы. Не пойму никак, вы что, Рембо поймали или Чака Норриса? Вы бы ему натуральные кандалы ещё приспособили, да ещё и мешок на башку натянули. Не пришлось бы всё время на мушке держать.

– Ничего не знаю про Рембо, – серьёзно, с обидой ответил, не опуская ружья, парень в пилотке, – но эта падла ещё хуже. Это та самая снайперша, что наших ребят положила. За ней на ту сторону группу послали, еле выследили. А чтоб захватить, пришлось в её сторону из подствольника шандарахнуть. Так она вроде в отключке была, но Серёжку, амбала огромного, враз вырубил и шею чуть не перегрызла.

Дёрнули её за ногу вовремя, так она успела из плеча Серёги зубами шмат мяса вырвать. А Вы тут шутите, дядя Андрей.

Снайперша! Женщина. Та самая, которая вчера ранила Дениса.

Андрей, не обращая внимания на знаки, подаваемые конвоирами, подошёл к пленнице вплотную.

Женщина медленно подняла голову и посмотрела Андрею прямо в глаза.

И качнулась под его ногами земля, и зашумело в ушах от внезапного прилива крови, и как будто погас на миг яркий солнечный свет.

Помимо следов ожога, лицо женщины было сплошь покрыто тёмными пятнами маскировочного грима. Рот был перекошен, в глазах застыла ненависть.

Но не выражение лица ошеломило Андрея. Глаза! А, вернее, их цвет! Глаза у пленницы немного различались, один был голубым, а второй – зеленоватым! И в обоих зрачках погасшими угольками угадывались былые золотистые искорки.

Так вот какой сюрприз преподнесла ему судьба?! Вот на каком крутом вираже настигло его прошлое! И разве о такой встрече со Златовлаской мечтал он когда-то, в юности своей, скрывшейся давно за бесчисленными поворотами длинного шоссе по имени Жизнь!

Он не понимал, за что, за какие прегрешения назначено ему сие испытание. И что делать, как вести себя именно сейчас, он не знал.

Узнала ли его Илга или нет, тоже было загадкой. Ведь прошло столько лет.

Пытаясь получить ответ, он не отводил своего взгляда. И почудилось на миг, что уходит ненависть из глаз Златовласки, уступая место знакомому, мягкому и влажному голубовато-зеленоватому туману, в котором, или это ему только показалось, опять вспыхнули светлые искорки.

Солдаты тоже ничего не понимали и растерянно переглядывались.

– Куда вы её? – с трудом разлепив слипшиеся губы, спросил Андрей.

– В спецслужбу. Ребята на передовой готовы были разорвать её на части, но разведчики запретили. Наверное, нужна она им.

Андрей был знаком с офицером, возглавлявшим армейскую спецслужбу. Но что это меняло?

Махнув конвоирам рукой, с трудом ступая на внезапно ставшие тяжёлыми ноги, продолжил он свой путь к больнице. Но вынужден был присесть на скамейку у ближайшего дома.

Голова шла кругом от нахлынувших эмоций и самых разных, порой безумных мыслей. Он пытался успокоиться, взять себя в руки, но это плохо получалось.

Но и разбираться в сложившейся экстраординарной, невысказанно трудной ситуации можно было, только охладив себя, управляя своими эмоциями.

Итак, надо было задать себе ряд вопросов и попробовать ответить на них объективно и бесстрашно.

Самым важным было понять – кого он встретил сегодня? Была пленница действительно его Златов-

лаской или, ошеломлённый внезапно нахлынувшими чувствами, потеряв над собой контроль, принял он незнакомую женщину за ту, кого всегда считал единственной своей «половинкой».

Ведь тот звонок из прошлого, потрясший его, мог быть сигналом ошибочным, ложным. Ведь причиной, импульсом был знакомый, якобы, необычный цвет глаз. И только. А короткие, грязные, наполовину опалённые волосы даже отдалённо не напоминали тот золотой шар, ту солнечную копну, из которой и родилось ласковое – Златовласка.

Ведь, по большому счёту, ничего в глазах пленницы он не прочёл. Ничего, что было бы бесспорным и давало право, без сомнения, сказать: «да, Андрей, это она, твоя половинка, твоя Златовласка, Илга, единственная твоя любовь».

И если ответ – да, то что нужно было сделать ему? Возненавидеть этого монстра, бессердечную и хладнокровную убийцу чьих-то детей, мальчишек, взявших в руки оружие для защиты своей страны и своих близких? В том числе, по сути, и его сына.

И вычеркнуть её решительно и окончательно из памяти своей?

Или простить Златовласку во имя их великой любви. Идти к Верховному, которого хорошо знал ещё по Москве. И умолять, стоя на коленях, сохранить жизнь врагу, наёмному убийце, женщине, сделавшей смерть своей профессией.

Но какие доводы мог он привести для объяснения странной своей просьбы?

Совсем уж безумные идеи стучались в его возбуждённое, затуманенное сознание. Подкупить

охрану, выкрасть Златовласку и уехать с ней на край света или, как в ту ночь, улететь в другую галактику. Затеряться навсегда где-то на Млечном пути. Забыв о войне, о семье, вообще отсекая напрочь прошлое. Понимая, что предаёт Родину, семью, близких своих, покрывая их несмываемым позором на века.

Устрашившись своей минутной слабости, отогнал бредовые мысли.

Успокоился, подождал, пока не пришёл в относительную норму пульс, и отправился в больницу. Уговорил Дениса, рвущегося на передовую, остаться в палате до завтра.

По больничному телефону связался с Рудиком и попросил устроить ему свидание с сегодняшней пленницей. Тот удивился неожиданной просьбе, но вопрос решил.

Через несколько минут Андрей подходил к малоприметному дому недалеко от центра города.

Часовой был в курсе, вызвал дежурного офицера, который и провёл Андрея в полуподвал и отпер огромный амбарный замок, висевший на двери, обитой жостью.

В двери грубо, на скорую руку, было пробито небольшое отверстие, для наблюдения за арестантами, очевидно.

Пленница сидела с ногами на деревянном топчане, обхватив руками колени. Уставившись в крохотное зарешёченное окошко под потолком. В окошке виднелось голубое небо, и оттуда периодически доносился приглушённый шум проезжающих вдалеке машин.

На вошедшего женщина не реагировала. Выждав паузу, Андрей тихонько дотронулся до её плеча.

Брезгливо отбросив руку чужака, медленно повернула голову в его сторону. Никаких эмоций, в глазах полное равнодушие.

Андрей обратил внимание, что раны пленницы были обработаны, ибо рука и голова были профессионально перебинтованы. Да и лицо было почти отмытым от копоти и грима.

– Это снова Вы? – произнесла она низким, хрипловатым голосом. – Дайте закурить.

Андрей протянул ей початую пачку сигарет и коробок со спичками. Женщина жадно затянулась табачным дымом и, выждав паузу, спросила, что же ему нужно.

А ему о многом надо было спросить, да и самому рассказать многое, он даже знал точно, с чего начнёт, но никак не мог выдать из себя хотя бы одно слово. Словно находясь в некоей прострации.

Выждав какое-то время, женщина опять отвернулась к окну.

– Зачем, Илга? – с трудом, наконец-то, произнёс Андрей всего одну фразу.

– Зачем что? Не поняла значение второго слова, оно абхазское или это чьё-то имя?

Женщина говорила спокойно, не отводя взгляда от окна.

– Если это имя, то Вы меня с кем-то путаете. Мой паспорт у следователя. Зовут меня Елена Павловна Сутягина, а родом я из славного в прошлом города текстиля и невест – Иваново. – Зачем? Так это вообще очень просто. Это моя работа, мне платят – я стреляю. И поверьте, мне всё равно, в кого; в красных, белых, анархистов или свидетелей Иеговы.

Вдруг, посмотрев Андрею прямо в глаза, перейдя на шёпот, добавила:

– Потому, что ненавижу вас, мужиков. Всех, всех. И ни капельки ни о чём не жалею.

В дверь тихонько постучали. Время свидания заканчивалось.

В смятении выходил Андрей из камеры. С одной стороны, он даже обрадовался, убедившись в своей ошибке. И одновременно, его удручало, что существуют на земле такие женщины-монстры, как эта ивановская Елена.

Когда дежурный вешал на дверь замок, сквозь глазок Андрей явственно услышал сдавленный стон. Ему же хотелось одного; поскорее выйти из мрачного подвала в солнечный день, обнять сына и постараться позабыть о случившемся.

Спустя время Андрей случайно узнал; женщину-снайпера обменяли через Красный Крест на шестерых абхазских солдат, взятых в плен на Восточном фронте. И это было, по его мнению, правильным решением. Жестом доброй воли и, что было важнее всего, сохранением жизни шести молодых ребят. Хотя бы на время.

Переговорами, как говорили, занимался Беслан Кобахия, сын легендарного Валериана Кобахия, подписавшего в качестве Председателя Верховного Совета Абхазии в августе 1990 года Декларацию о государственном суверенитете Абхазии.

Андрей был знаком с Бесланом, но уточнять детали не стал.

Как-то раз утром, постучали в оконное стекло. Шёл крупный мокрый снег, всё вокруг было покрыто как будто большими полотнищами белой марли: и дорога, и окрестные сады, и крыши домов.

На крыльце, под навесом стоял, стряхивая снег с пилотки, тот самый юный велосипедист. Теперь он весь был в камуфляже, в скрипящих новых «берцах». А вместо ружья на боку висел небольшой, под стать солдатику, автомат.

Парень отдал честь, вынул из внутреннего кармана куртки конверт и протянул Андрею.

– Камугович поручил. Лично. – Важно произнёс он. – Бежать надо, тороплюсь. Абзиараз, до свидания.

Андрей, к сожалению, не был лично знаком с Гиви Камуговичем, но слышал много доброго о легендарном этом человеке.

Андрей устроился у окна и распечатал изрядно помятый конверт.

На серой бумаге плохого качества, спешащим, мелким, незнакомым почерком было написано:

«Андрей, мой любимый Андрей, единственная моя половинка. Значит, ты меня узнал. Несмотря на прошедшие годы. Хоть и выглядела я, мягко говоря, неважно. Каких же сил стоила мне моя игра, моё мнимое спокойствие. Я очень боялась, что не справлюсь, расплачусь и упаду тебе в ноги. Я не хотела тебе писать, но это оказалось выше моих сил. Видимо, та же судьба, подарившая нас с тобой друг другу, стала и нашей разлучницей. Никогда не забуду тот день и волшебную нашу ночь. Никогда больше, ни разу в жизни, не была я такой счастливой.

В тот злополучный день, когда я не пришла, не стало мамы. После похорон я не находила места, не зная, как и где тебя искать. Я бесцельно бродила по городу, ездила несколько раз на Взморье, понимая тщетность моих действий. Позже поняла, что беременна. Да Андрюша, любовь моя, наша с тобой встреча должна была дать жизнь еще одному живому существу. И дала. Я родила тебе прекрасную дочь, очень похожую на тебя, только с золотыми волосами. Но через пять месяцев небеса призвали её. Не помогли ни доктора, ни отчаянные мои мольбы.

Моя жизнь закончилась в день похорон. С этого дня я стала другой. Я возненавидела всех и всё на свете. Мужчины, с кем меня позже сталкивала жизнь, лишний раз убеждали меня в правоте моих мыслей. В отчаянии я возненавидела даже тебя. Я решила, что жизнь моя обрушилась именно из-за тебя, после нашей встречи.

У меня с юности высший спортивный разряд по стрельбе. Так что, когда появилась информация, что требуются платные снайперы, раздумий у меня не было. Более того, узнав, что «горячая точка» – это Абхазия, решила, что сама судьба даёт мне шанс пусть не впрямую, но отомстить за сломанную мою жизнь.

Остальное ты знаешь. Следователь сказал, что моя участь будет решена завтра. Скорее всего, меня расстреляют по решению трибунала. Так или иначе, тебя я больше не увижу. Тот же следователь разрешил мне написать это письмо.

Андрей, милый, забудь мои слова о ненависти. Сейчас, на краю пропасти, я понимаю, что на земле стоило жить только ради нашей любви, ради един-

ственной нашей встречи! Прости, если можешь. Твоя Златовласка».

Андрея бил озноб, тряслись руки, слёзы застилали глаза. Он долго сидел, уронив письмо, положив голову на руки.

Позже посмотрел на себя в зеркало. И не узнал человека, глядевшего на него из зазеркалья. Седые виски и незнакомый безумный взгляд. Но Андрею не было дел до незнакомца.

Он вдруг вспомнил больничную палату, раненого сына и слова Рудика:

– «Снайпер никогда не промахивается. Это исключено».

Какая же небесная сила отвела пулю снайпера на несколько жалких сантиметров в сторону от головы его сына? Или это Златовласка получила послание свыше, и сама отодвинула ствол?

Где теперь можно получить верный ответ?!

И кто, кроме него самого, сможет закрыть эту трагичную, немного мистическую страницу архива собственной памяти. Обрести чувство реальности и психического равновесия, подарив весь запас нежности, любви и доброты самым близким на этой планете людям: сыну и жене.

Андрей медленно поднялся со стула, сунул письмо с конвертом в холодную печь и негнуцимися пальцами чиркнул спичкой о коробок. Конверт долго не хотел загораться, затем вспыхнул ярким огнём. Скоро от письма осталась лишь крохотная, практически неразличимая кучка пепла.

А снег всё падал и падал. И скрылись в густой белой пелене окрестные горы и дома, автомобили и люди. И показалось на миг, что опустилась на город белая умиротворяющая благодать, воцарились покой и мир. И нет больше нигде ни войн, ни страданий.

«Ас-Ду»! «Большой снег» засыпал, как когда-то Абхазию в преддверии Нового, 1993-го года.

СОДЕРЖАНИЕ

Прелюдия	5
Una giornata di... или Один, очень насыщенный день из жизни абитуриента.....	9
Девятое мая генерала Василенко.....	41
Большой снег в преддверии нового, 1993 года	139

Литературно-художественное издание

Делба Владимир Михайлович

STARDUST

ЗВЁЗДНАЯ ПЫЛЬ МОИХ ВОСПОМИНАНИЙ

Редактор Эльмара Фаустова
Дизайн, компьютерная верстка Марина Чайкина

РОО Литературное сообщество «Новые Витражи»

Подписано в печать 05.02.2019
Гарнитура Constantia
Формат 60x84/16
Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии Т8 «Издательские Технологии»
тел.: +7 (499) 322 38 30
г. Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корп.5,
«Технополис Москва»

ISBN 978-5-6041722-8-5

9 785604 172285